

ЧАША КРУГОВАЯ

*литературно-
художественный
альманах*

№ 11

Издательство «АсПур»
Екатеринбург
2012

Редакционная коллегия:
А.Б. Кердан, А.Б. Титов, Н.И. Коняев

В одиннадцатом выпуске литературно-художественного альманаха Ассоциации писателей Урала, вышедшем в свет при поддержке Департамента общественных связей ХМАО-Югры помещены стихи и проза, переводы и критика писателей Урала, Западной Сибири, Поволжья и гостей альманаха.

ISBN 978-5-904900-10-6

И пробуждается поэзия во мне...

Дмитрий МИЗГУЛИН.	6
Герман ИВАНОВ.	10
Вячеслав МОИСЕЕВ.	15
Федор ВОСТРИКОВ.	19
Виктор КОЗЛОВ.	21
Александр КЕРДАН	23
Нина ЯГОДИНЦЕВА.	28

О чем, прозаик, ты хлопчешь?

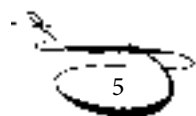
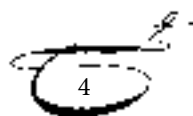
Анатолий ШАЛИН Тяжелый случай	31
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ Мешавкиено счастье	39
Сергей БУЗМАКОВ Жили-были...	47
Александр КОЗЛОВСКИЙ Слово – не воробей.	58
Что на роду написано.	60
Екатерина НАГОВИЦЫНА Ми-24	65
Сергей ВАСИЛЬЧЕНКО Человек в электричке	79
Павел ЧЕРКАШИН Перламутровая расческа	89
Владимир МОРОЗОВ Солдатские сказки	95

Рифма, звучная подруга...

Александр ШАЛОБАЕВ	102
Александр ПОПОВСКИЙ	106
Владимир КОРОВИН	108
Виталий МОЛЧАНОВ	109
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ	112
Инна ИГНАТКОВА	115
Ирина РЯБИЙ	116
Владимир ВОЛКОВЕЦ	118

Анатолий ГАГАРИН	121
Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ	123
Марина АЛЕКСАНДРОВА	123
Татьяна РЕШКЕ	127
Анастасия ПОРОШИНА	129
Ирина КИЯШКО	130
Татьяна СЕРГЕЕВА	132
Елена ЖУРОВА	134
Людмила КЛОЧКО	135
Мария АНЦУПОВА	135
Валерия ДАНОВА	136
Юрий СМИРНОВ	138
Оксана РАЛКОВА	139
Роман ЯПИШИН	140
Даль свободного романа	
Александр ПАПЧЕНКО	
Лит	142
Меж ними все рождало споры	
Анатолий ГРЕБНЕВ	
Провинции пристальный взгляд	184
Элла ЛЯКИШЕВА	
Дай, о Боже, мне слова живаго...	186
Любовь МИЛЯЕВА	
В небе светит искра Божия...	195
Виктор ЗАЙЦЕВ	
Рисунок воды на ветре	202
Елена КУВШИНОВА	
Поэзия – власть	205
В гостинной встреча новых лиц	
Григорий ПЕВЦОВ	211
Ефим ЗУСЛИН	214
И назовет меня всяк сущий в ней язык...	
Мария ВАГАТОВА	216
Заал ЭБАНОИДЗЕ	217
Багатер АРАБУЛИ	218
Лана ШАНГИНА	218

Он между нами жил...		
Благословенная горькая радость поэта...	219	
Виктор КОРЫТНЫЙ	221	
Когда порой воспоминанье...		
Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ		
Верность на всю жизнь	231	
И шутка с желчью пополам...		
Сергей САЛДАЕВ		
Пародии	236	
Друзья, прекрасен наш союз!		
Хроника Ассоциации писателей Урала	239	
Сведения об авторах		241

И пробуждается поэзия во мне...

Дмитрий МИЗГУЛИН

* * *

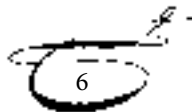
Настало лето. Реки разлились.
Везде вода – от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва – такая молодая...

Какая красота, какой простор –
Всё слажено и сложено в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе...

Впадает в небо синяя река.
Шуршит остроконечная осока,
Весь мир един – от каждого листка –
До облака, парящего высоко...

А вот – болота брошенных полей,
Чернеющие избы и сараи,
Унылые остовы кораблей,
На берегу – ржавеющие сваи.

Во всем – унынье, боль и нищета.
Сюда уже не ходят звери в гости.
И покосилась церковь – без креста,
И без крестов – могилы на погосте...

Зачем, куда бредем из века в век,
То дураков кляня, то бездорожье?..
Убого всё, что создал человек,
Забыв о том, что он творенье Божье.

* * *

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски.

Кто мы, где мы, зачем и откуда?
Все бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаем города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

* * *

Когда все валится из рук,
Когда душа скорбит в тревоге,
Тогда мы как-то сразу, вдруг,
Задумываемся о Боге.

И, безнадежно одинок,
Застынешь пред вратами ада.

И веришь, что лишь только Бог —
Твоя надежда и отрада.

Но лишь минует срок – опять
Во власти суеты и пьянства...
Не расплескать бы благодать,
Не впасть бы снова в окаянство,

Пока душа еще жива,
Спешу, спешу под своды храма,
И благодарности слова
Не забывай твердить упрямо.

* * *

Стремишься постичь мирозданье,
Скорбишь над народной судьбой?
Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня я полный бездельник,
Привычно сижу на полке,
Пахучий березовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смиренное тело мое,
И мягким березовым паром
Струится мое бытие...

Эпохи восторженный зритель,
Спешу беззаветно поддать.
Не с этим ли жаром Святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд не спеша.

А завтра под сводами храма
Вот так же отгадет душа.

ПАМЯТЬ

Хорошо бы собрать воедино
Все минувшие дни и года,
Чтоб воссозданной жизни картина
Под рукой находилась всегда.

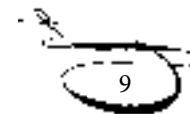
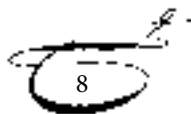
Чтобы давних событий цепочка
Не исчезла в безмолвной глуши,
Чтобы каждая фраза и строчка
Сохранились в архивах души.

Но, прошедшее твердо храня,
Не потратим ли время напрасно,
На события грядущего дня
Обращая свой взор безучастно?

Только память – не склад, не музей,
Чтобы там в алфавитном порядке
Уместить и врагов, и друзей,
И стихи в черно-белой тетрадке.

И очнись – а не ты ли уже
Над своим же корпшишь некрологом?
Доверяй не уму – а душе,
Ей держать-то ответ перед Богом.

Все, что нужно, душа сохранит –
И любовь, и ненастные дни.

* * *

Веселый снег летит обильно
На крыши, кружево оград,
И гроздь красные рябины
Веселым пламенем горят.

Веселый смех летит по скверам,
Веселый звон везет трамвай,
И щиплет нос морозец первый,
А ну-ка, шевелись давай!

Конец распутице осенней.
Светлым-светла земля и высь.
Когда в природе обновленье,
И ты не хмурься.
Улыбнись.

ПО СЕЛУ

Вперевалочку
Заборы на буграх.
Вперевалочку
Домишки на горе.
Бабке с ведрами спускаться –
Божий страх.
Хорошо –
На быстрых санках детворе.
Посредине
Примороженной зимы
Звонко хрумкают
Подстывшие пимы.
Посредине
Завороженной зимы,

Словно свечи,
Подымаются дымы.
В палисадах,
Убегающих к реке,
Спят калины
В светло-синем куржаке,
А под ними,
Снегу краски раздарив,
Георгинами расселись
Снегири.
Вдоль околицы,
Нагруживая грудь,
Трактор медленно протаптывает
Путь,
Чтоб машины покатили
По следам
В снежной просеке
К неблизким
Городам.
Удаляется,
Скрывается в лесу,
Там, где сосны
Держат ветви на весу...
Снежный рокот
Растворится в декабре,
И за трактором осядет
Белый прах,
А вдали мелькнут домишки
На горе
И веселые заборы
На буграх.

* * *

Подули ветры с юга,
И в снежном серебре –

Смотри –
Кусочек луга
Оттаял на бугре.

Он весь навстречу солнцу –
Зеленый, расписной,
Как первое оконце,
Открытое весной.

Как первая примета,
Как вести благодать,
Что до тепла,
До лета
Уже рукой подать.

* * *

На третьей неделе апреля
Незрячие почки прозрели,
Трава пересилила прель.
Пернатых зазывные трели
Звучат в голубой акварели:
Сопелка, рожок и свирель.
Над пашней, не тронутой плугом,
Над тихой озёрной округой,
Над лесом, над речкой, над лугом
Ликует весёлый апрель.

* * *

Стаи, стаи –
Магнитные клювы.
Лишь одно направленье у них.
Глухарина ягода –
Клюква –
Посластела в болотах глухих.

Здесь,
Корнями прошитая плотно,
Затаилась глухая вода.
Я пройду по пуховым болотам,
Оглянусь –
Позади ни следа.

А вокруг,
Разбросавшись разгульно,
Как Яги колдовская трава,
Оглушительно
Пахнет багульник,
Аж тихонько гудит голова.

Не старайся найти,
Не старайся:
Все похоже – и север,
И юг,
Словно ты навсегда затерялся
В этом странном,
Тревожном краю.

Но отыщется
Берег пропавший,
И среди еще голых берез
В темном небе прохоркает
Вальдшнеп
И зальется
Отчаянный дрозд.

Хорошо
У заросшей тропинки
Костерок осторожно раздуть,
Сесть
К огню, говорящему пылко,
Зябко руки свои протянуть.

* * *

Свет ослепляет человека,
К нам заглянувшего из тьмы,
Его прищур, дрожанье века
С улыбкой наблюдаем мы.

Его смятение – до крика,
Его восторг неповторим.
Так варвара Европы дикой
Пленял сияньем древний Рим.

Горят за стеклами сервизы
И мягко манят мебели,
Вещает гордо телевизор
О вечной ценности рубля.

Но время – зелье из зелий,
И привыкает к свету гость,
Он с нами трапезу разделит,
На край тарелки сдвинет кость,

Он распри наши наблюдает –
Кому как жить, где чей хомут,
Зачем опять собака лает,
Вести гулять ее кому,

Ложиться надо бы пораньше,
Ведь утром всем – на труд, на бой
За МРОТ с надбавкой, щи да кашу.
Ложись и ты, и Бог с тобой!

Гость видит: жизнь и тут не сахар,
И нам понятно, почему
Наш свет он посылает на фиг
И возвращается во тьму.

* * *

Ивану Малову

Мне надо уехать скорее
От колкого холода слов,
Пускай меня путь не согреет,
Не даст мне другую любовь,

Но я поднимусь спозаранку,
Оставлю ключи на столе.
Одни свою брань-перебранку
Тяните хоть тысячу лет.

Я еду! Ни с кем отношенья
Не надо в пути выяснять,
И путь, многоверстный, шоссейный,
Вернет меня к жизни опять.

В березах и кленах нашел я,
Как мне излечить свою грусть...
И вот, успокоясь душою,
Однажды, быть может, вернусь.

Быть может, утихнут дебаты
О том, что бездельник – поэт
Не носит зарплаты до хаты,
И, стало быть, проку в нем нет.

В стихе мало толку и вправду.
Ну, разве что девочка вдруг
Возьмет тот стишок, как отраву,

Почувствует на сердце рану,
Всплакнет над убийственной правдой
И выронит книжку из рук.

ВОСТОК

Памяти С.П. Королёва

Чтобы попасть на арабский Восток,
Русскому надо лететь на запад,
И это не самый худой итог
Нашего движения на Восток.
Мы разберем, как попасть назад.

Пальмовый лист, словно хвост собакин,
Море и белый, как снег, песок –
Это и есть арабский Восток.
Вон на волне кувьркается бакен,
Вот апельсиновый давят сок.

Новый герой мавританской аркады,
Русский турист от добра заскучал –
Не с кем бороться, арабы так рады
Впарить ему и наяд, и наряды...
С водкой и пивом идет на причал.

Дальше-то что? Цель какая башки?
За море двинуться? К америкосам?
Или на Марс полететь от тоски?
Водка и пиво идут с абрикосом,
Море буянит, тасует пески...

Я европеец – но мозг азиата,
Мною Евразия пройдена всклянь,
Я и в Америку въехал не с запада,
Я к ней с востока простер свою длань.
Всё я открыл. Отдыхаем, ребята!

Федор ВОСТРИКОВ

* * *

Наш отец – хлебороб-землепашец.
Мы во всем повторяем отца.
И в роду нарастающем нашем
Землепашцам не будет конца.
Мы горды этой верой по праву,
Нас нельзя оторвать от земли.
В эту землю вросли мы, как травы,
И корнями, и сердцем вросли!

ВДОВА

Спина, как серп, у бабы Катерины.
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила.
Лечили раны ей ржаные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И не заметно, как под тяжкой ношей
Все гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.

Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала бельё...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на неё.

ОБЕЛИСК

Обелиск поставили в деревне,
На открытые стар и млад пришёл.
Тоненькая веточка сирени
Взобралась на белый частокол.
Вспомнил каждый дорогое имя –
И зажглись рябинами венки,
И, скорбя, в молчании над ними
Головы склонили земляки.
И старушка сухонькая строго
Молвила, крестясь на обелиск:
«Ну, теперь спокойна, слава Богу,
Все в деревню детки собрались».

* * *

Суждено умереть одному
На казенной больничной кровати,
А другому – не в белой палате,
А в родительском старом дому.

Где-то мой подступает предел.
Не хотел бы навеки забыться
Ни в отцовском доме, ни в больнице –
Умереть бы я в поле хотел.

Где отец? Если спросят детей,
И они беспечально ответят:
«За цветами ушел на рассвете,
И домой не вернулся с полей».

* * *

Есть Состояние души!
И никакие барыши
и никакие состояния
тебя к такому Состоянию
твоей души –
не приведут...
Молись и кайся,
не грши.
Любовь и труд
тебя спасут.

ВОЗРАСТ

Выдает себя возраст по мелочи:
раньше ягоды брать
было мне утомительно очень,
то ли дело – грибы!
Я носился, как лось,
я, как заяц, петлял
и строчил по полянам, кустам...
А сейчас –
я, на корточках сидя
или просто нагнувшись,
непешно
собираю по ягодке всё,
что Господь мне пошлет...

* * *

Хоть что-то и мешает мне ещё,
как в детстве, просто жизнью наслаждаться:

внезапно ощущать горенье щек,
и каждый день влюбляться-разлюбляться.
Но я уже бестрепетно гляжу
и на кладбище, и на лик печальный
святых икон – знать, перешёл между
пределов грешных и исповедальных...
Да, и о чём я прежде – ни гу-гу! –
теперь публично заявить могу!

* * *

Всё – по Библии... Всё!
Вот и камни уже собираю...
Собираю весь мусор, который оставил когда-то.
Расстилаюсь дорогой, в золу превращаюсь, сгорая,
Чтоб комфортно шагалось идущим за мною ребятам...

РЕЧКА АЙ

Голубая речка Ай,
ты меня не забывай
и на быстрых перекатах
мою юность воспевай!
По твоим по берегам,
под журчанье, птичий гам,
не однажды я таскался:
нынче – здесь, а завтра – там...
Сердце сладко заболит,
как увижу я в дали
изыскательскую рейку,
полевой теодолит...
Перевернутый весь мир
видел я сквозь нивелир:
облака – внизу кружились,
А поток вверх парил...

...Голубая речка Ай!
Времена те – будто рай!
Нынче – всё перевернулось:
хоть ложись и помирай!
На твоих ли берегах
я еще воскликну: «Ах!
Где найдешь красу такую?!!
На земле?.. На небесах?..»

Александр КЕРДАН

* * *

Есть у победы правота отмщенья
Врагу, что по заслугам получил,
И всё же ты готов просить прощенье
У самых высших, самых главных сил,
За то, что враг повержен и унижен,
Что победил ты в схватке, что – живой...
За то, что мир стал на мгновенье ближе
К началу новой, жуткой, мировой...

НОВЫЙ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Говорят, что страна, та, которой давал я присягу,
Проиграла войну иноземцам, пролезшим во власть.
И пусть даже костями я теперь за Отечество лягу,
Суждено нашей Вере и Русскому слову пропасть.

Я не верю беде, что с Россией в веках неразлучна,
Я не верю в судьбу, что готова Россию смести...

Да, я лягу костями, как солдату, мне это – сподручно,
Чтобы Русское слово и Веру родную спасти.

Я такой – не один. Нас ещё, как посмотришь, немало
На просторах родных, тех, кто Родину любит свою –
От вулканов Камчатки до сосен державных Урала –
Мы не раз Русский Кремль возвращали в неравном бою.

Через смуты любые и злые улыбки соседей
Поднимались из грязи, хотя и не лезли в князья...
Столько крови и слёз в каждой нашей священной победе,
Что не верить в Россию нам просто сегодня нельзя.

Восстановим страну и вернём нашей матери имя,
Даже, если не нам доведётся увидеть итог...
Богородица нас покрывает крылами своими,
И для русского сердца открыт её светлый чертог.

УСОЛЬЕ

Туман серебряных зеркал
В имени Голицыных
Меня никак не отпускал,
Заманивая лицами
Былых волнующих эпох
За Камой, как за Летою...
И я бы вырваться не смог
Из зазеркалья этого,
Когда б не знал, что для меня,
Пускай моложе века, но,
Черты земной красы храня,
Живёт иное зеркало,
Которое в родном доме,
В которое глядишься ты...
И сбросил с плеч я пелену,

И сделал шаг из-за черты.
И, половицами скрипя,
Тугою бухнув дверкою,
Я, наконец, пришёл в себя
И вышел рядом с церковью.

ПОКАЯНИЕ

*Судьба от Бога дана поэту...
А.Н.Мауров*

Раньше думал, что всё смогу...
А в итоге – на берегу,
Словно мальчик, играю щепкой
И бросаю её в океан –
Старичок в полинявшей кепке,
Не Колумб и не Магеллан...

А какие амбиции были!
Верил: этот простор осилю –
Ещё времени дополна...
Волны щепку-судьбу подхватили
И под ноги швырнули мне:
– На!

* * *

Пришли, сплетясь руками,
К ручью, что под скалой.
Вода шлифует камень,
Бег умирняя свой.

Повенчаны судьбою,
Они не могут врозь...

Вот так и нам с тобою,
Быть вместе довелось.

...Мне кажется всё чаще,
Что это я и ты –
Тот ручеёк звенящий
И камень у воды.

Счастливая свобода
Дана тебе и мне –
Не изменять природе
И с ней наедине.

* * *

Наречия мужчинам не нужны...
Сказав «люблю», не добавляю «очень».
Тем более, всё ближе дело к ночи,
А ночью говорить сердца должны.

Ты к моему молчанью не ревнуй,
Когда я обниму тебя за плечи:
Пытаясь обходиться без наречий,
Признанья облакаю в поцелуй...

* * *

Любовь казалась мне игрой,
Игрой забавной в прятки...
Как сладостен обман порой,
Как тягостны загадки.

Года стремительно бегут –
Отгадка рядом где-то...
Уже мне женщины не лгут,
И так обидно это.

* * *

Эта ночь ни на что не похожа:
С плеч одежда стекает дождём,
Шелковистая тонкая кожа
Отливает нездешним огнём.

Ток таится в любом из касаний,
Недоверье повержено ниц...
И трепещет созвездий мерцанье,
Словно пульс, под покровом ресниц.

...Мы на утро расстанемся с вами,
Может быть, и не вспомню лица...
Но останутся это мерцанье,
Этот трепет в душе – до конца.

* * *

Умолкла музыка дождя,
Душе сказавшая о многом...
И извивается дорога,
За косогоры уходя.

А на тропинке за окном
Следы наполнены водою.
Они оставлены тобою,
Навек покинувшей мой дом.

И никого, и тишина
Над всей округою повисла.
В ней тоже скрыто столько смысла,
Как будто музыка она...

* * *

Как тополиный пух к протянутой ладони –
Душа моя к тебе. Любого сквозняка
Достаточно – о нет, хотя бы просто вспомни,
И словно бы ко мне протянута рука.

Душа моя – к тебе... Тончайших этих линий
В горячей пустоте прочерчено насквозь
Бесчисленно, и я пушинкой тополиной –
Нежданная печаль или незваный гость –

Тревожу твой покой, и вся его громада
Колеблется, дрожит и рушится к ногам...
О, тополиный пух – июньская досада,
Прибитая дождём к дорожным берегам, –

Он всё ещё летит с закрытыми глазами!
Вот так душа моя, не ведая обид,
В июне – как во сне, в миру – как на вокзале,
К тебе летит...

БАБОЧКИ

Памяти Ларисы Гулиной

1

Сплетая паутину стальных дорог,
Вагончики нанизывая на стук,
Он, может быть, нечаянно нам помог –
Он, видимо, вообще виртуоз разлук.

Но разве это помнишь, услышав зов
Гремящей между сцепками пустоты?

Нам каждый раз опять начинать с азов –
Сейчас, наверно, делаешь это ты

В отчаянно весеннем сыром саду,
Где листья сжаты в тёплые кулачки.
Лица не видно – тёмное на свету,
И над плечами – бабочки...

2

Кто им крылья расписывает, в какой мастерской,
Кисточкою, краской, пылью – какой?
Кто просчитывает изгиб лекал?
Тот, кто, наверное, и сам летал
Хотя бы однажды – по холоду, по весне,
По сырому саду... Ну хоть во сне –
На огонь в окне.

3

Их меньше и меньше, они улетают и тают,
И ветер приходит, и новые листья листает,
И пчёлы гудят, и обугленная жара
Сползает, как высохшая кожа,
С высокого чистого холода. Ни о чём
Не догадаюсь – лишь бабочка над плечом
Крылышками бьёт и вот-вот опустится –
Капустница?..
Только что, Господи: куколка, пеленашка,
А выпорхнула – и уже не наша,
Уже невесома, Господи, неземна...
Я обираю с поникших трав семена,
А она,
Белая – на синем – почти черна,
И через миг совсем не видна.

Там столик, зеркало, окно.
Ты у окна. Оно раскрыто.
И прошлое отворено,
И невозможное забыто.

На чистом майском сквозняке
Весна полощет занавески.
Не краски у тебя в руке,
А неразгаданные вести.

А через миг войдёт она,
Смутившись, к зеркалу присядет,
И ты начертишь письмена
На белом праздничном наряде,

Раскрасишь солнечным лучом
Животрепещущие ткани...
Она не спросит ни о чём –
Ей не нужны чужие тайны,

Ей нужно в свет, ей нужно в сад,
Туда, где ждут. Где листья спят.

Из золочёного саркофага насекомой брони
Выходи смелее на свет, и крылышки разверни.
Не бойся, это ветер – любовник, друг,
И он уже читает стихи на двух
Страничках, угадывая слова
С первой буквы, её увидав едва –
Ибо в этом письме, если что-то хочешь понять,
От начала времён нельзя ничего менять.

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Анатолий ШАЛИН

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

За окном, затянутым толстой железной решеткой, стучал дождь, струи воды стекали по стеклам, барабанили по жестяной крыше, взрывались фонтанчиками на старых облезлых рамах, смывая с них последние ошметки грязно-коричневой краски. Низкая пелена серых тяжелых туч висела над миром.

«Беспросветно, – вздохнул молодой врач Сергей Угрюпин, еще вчера, то есть три месяца назад, выпускник медицинского университета, питавший надежды на самое радужное будущее, а ныне штатный сотрудник Держиколдобинской районной больницы, – бесконечная череда больных, суета, сутолока, нервотрепка, вечная борьба за существование. Ни сна, ни отдыха... Беспросветно...»

Угрюпин оторвал поникший усталый взгляд от унылого мокрого и серого ландшафта за окном, еще раз вздохнул и, подойдя к двери кабинета, крикнул:

– Следующий!

В дверь, робко поглядывая по сторонам, вошел невзрачный лысоватый мужичок среднего роста и тихо подошел к столу.

– Присаживайтесь, – Угрюпин радушно ткнул пальцем в направлении стула для пациентов и, подождав пока мужчина присядет, вопросительно посмотрел на него.

Пациент оказался сообразительным:

– Беспокоев Николай Васильевич, – тихо произнес он, кивнув на грудку больничных карт на краю стола. – Вот, вторая книжка справа, – и пациент услужливо подвинул Угрюпину историю болезни.

– На что жалуетесь? – Угрюпин ободряюще взглянул на пациента, раскрывая книжку и приготовившись записывать общие симптомы очередного ОРЗ.

– На жизнь, доктор, жалуюсь, на жизнь...

– Нет, это слишком обще. На нее нынче все жалуются. Постарайтесь конкретизировать причину вашего недуга. Что там у вас: кашель, температура, насморк?

– Так, доктор, милый, я же и говорю: жизнь. Мир вокруг меня, существующая вселенная...

– Так не пойдет. Медленно, без спешки, с самого начала.

– Хорошо, доктор, сначала так сначала. Видите ли, первые сорок лет своей жизни я был вполне счастлив. Я обитал в радостном, сверкающем всеми красками бытия мире, я наслаждался всеобщей гармонией того мира, состоянием эликато...

– Простите, чем?

– Видите ли, доктор, в вашей вселенной это отсутствует, и в земных языках этому термину я не нашел никаких подходящих аналогов, придется обойтись без перевода, согласитесь, невозможно объяснить слепому от рождения, что такое краски и свет. Поэтому просто «эликато». Впрочем, я отвлекся. Да, та моя вселенная была полна гармонии, красок, множества предметов и вещей, которые просто немыслимы здесь в вашем мире, с его дикими законами. Я был дитем другой вселенной, ее частью, если хотите, ее смыслом, ее божеством. Эликато... У нас там, это, конечно, примитивное объяснение, чувства, мысли и стремления всех обитателей мира взаимно согласованы и непротиворечивы. То есть там изначально присутствует такая степень гармоничности мира, которая здесь никому и не снилась. И вот вдруг какой-то дикий диссонанс в моей душе, что-то происходит. Что? Мне в этом еще необходимо разобраться! И я просыпаюсь. О! Ужас! Здесь в этом вашем мире. Здесь на вашей Земле, в этой Вселенной номер шесть. Естественно, порядковый номер я привожу условно. И вот я уже почти десять лет отбываю в вашем мире. Какое преступление я совершил там, в своем родном континууме, за что, почему я здесь? Помогите, доктор, помогите!!! Все беспросветно... Бесконечная череда больных дней, суета, сутолока, нервотрепка, вечная борьба за существование... Ни сна, ни отдыха... Беспросветно... Помогите, доктор, помогите!!!

Угрюпин внутренне похолодел: «Кажется, псих? Вот напоролся... И чего это его ко мне-то понесло?»

– Г-хм! Ну что вы, голубчик, нельзя же так! – выдавив из себя добродушную улыбку, пробормотал Угрюпин. – Конечно, наше с вами мирозданье – не сахар и даже не вода с сиропом, но так-то уж зачем? Живем же потихоньку, колотимся, вот даже планы какие-то радужные кое-кто на будущее строит. А вы сразу: помогите! Вы что же думаете, я всем в этом мире доволен или другие? Увы, причин для тоски всегда хватает. И это не повод к отчаянью! Надо бороться! Мир нам с вами, скорее всего, не переделать. Надо начинать с себя... И потом, очевидно, вы что-то спутали, я ведь всего лишь участковый терапевт, моя задача – лечить, по мере сил и знаний, телесные недуги, а у вас, извините, кажется, проблемы больше душевного свойства... Ради бога,

не обижайтесь, возможно, вам лучше обратиться к специалистам в данной области. Если хотите, я дам направление...

– Доктор, был я у них, был. Если вы о психиатрии? Меня Разгуляев Бонифаций Петрович там пользовал. Результаты нулевые.

– Простите, Николай Васильевич, вы на учете в психоневрологическом? Вас ведет Разгуляев?

– Да, – смиренно кивнул Беспокоев.

– И что же? Я не совсем понимаю. Разгуляев отличный специалист. И потом, вы, видимо, спутали, я даже не психотерапевт, правда, я увлекался в институте исследованиями в области высшей нервной деятельности, но пока... У меня и в обычной-то терапии еще очень мало опыта... Я боюсь, не смогу вам чем-либо помочь...

«Так вот нарвешься на какого-нибудь. Впрочем, этот вроде тихий. Главное, не противоречить».

– Да вы не волнуйтесь, доктор, – успокаивающе заметил Беспокоев. – Мне от вас ничего такого сверхъестественного-то и не требуется. Так, послушайте, может, сумеете помочь в моем случае. Разгуляев, да, наверное, специалист хороший, но меня он понять не может, и с диагнозом его я не согласен. А кроме него у нас здесь только вы в этом еще хоть что-то смыслите, а остальные совсем пеньки. То есть извините, я не хотел никого обидеть...

– Что вы, какая обида, я даже польщен оказанным доверием. Хорошо, голубчик, успокойтесь, расслабьтесь, не напрягайте мышцы, постарайтесь мысленно оставить все, что вас мучит, там, за дверью, и расскажите мне, что с вами. Ну, смелее.

– Доктор, вы здесь родились, свыклись со всем, да и другой вселенной в глаза не видели, вам проще, а мне... Помогите! Верните меня в мой мир! Мир Эликато. Я не могу здесь у вас, не могу. Весь этот идиотизм повседневности, жестокость... Хотите, я перед вами на колени встану, только помогите!

– Нет! Голубчик, поднимитесь сейчас же, вы же взрослый человек, что это за театральные штучки? Чем же я могу вам помочь? Я бы и сам рад что-нибудь изменить в существующей вселенной, да, увы, руки коротки...

– Доктор, плевать мне на вашу вселенную. Менять в ней что-либо или не менять, это ваши внутренние, так сказать, проблемы. Я в это не собираюсь вмешиваться! Вы помогите мне вернуться в мой мир! Мир Эликато!

«Час от часу не легче, – подумал Угрюпин, внутренне подбравшись и готовясь к худшему. – И куда это Разгуляев смотрит, хоть немного бы присматривал за своими пациентами... Сейчас хрястнет меня этот тип вон той вазочкой по голове и – прощай, Вселенная номер шесть... Нет, надо осторожнее. Со всем соглашаться... Главное, не противоречить...»

– Милый вы мой, голубчик, – ласково произнес юный доктор, внутренне содрогаясь, – от меня-то вы чего ждете? Скажите, объяснитесь, я все для вас... что в моих силах... Транквилизаторы... Галлюциногены... Циклодольчик... Что там у нас еще в активе для измученных душ? Вы не стесняйтесь, говорите.

– Гипнотическое внушение, – спокойным и вполне уже уверенным голосом произнес Беспокоев. – Мне говорили, что вы владеете навыками гипнотерапии и достаточно сильны в этой области.

– Ну, едва ли вам это поможет, голубчик. Разве Разгуляев, уж он-то специалист, не пробовал применять гипноз? Однако стойкой ремиссии, видимо, не возникло?

– Какая ремиссия! Этот идиот, простите, ваш коллега, пытался заставить меня под гипнозом забыть мой мир, мою вселенную, из которой я пришел сюда. Как я могу ее забыть, как?! Подумайте сами, вы могли бы забыть свое розовое детство, своих друзей? И после этого у вас бы наступило улучшение? Это же абсурд! Впрочем, все здесь у вас сплошной абсурд! О, если бы я только владел самовнушением так сильно, что мог бы заставить себя покинуть этот ваш чертов мир! Но этого мне не дано! Не дано! Поэтому я и пришел к вам! Помогите!

– Успокойтесь, Николай Васильевич, успокойтесь, медицина вам поможет. Она всегда всем помогает, особенно в этом вопросе. Я имею в виду ваше желание покинуть этот мир. Сделаем все, что в наших силах. А теперь еще раз и медленно: чего вы от меня ждете?

– Наконец-то, наконец-то, доктор! Я вам верю, вы поможете. От вас требуются сущие пустяки. Пожалуйста, умоляю, введите меня в гипнотическое состояние, а затем медленно заставьте почувствовать мою родную вселенную, ее краски, свойства, ее обитателей и подведите меня к ней, к выходу из вашего мира... И возможно, тогда, поймите, это мой последний шанс, мне удастся выпрыгнуть из этой вашей вселенной и попасть в мою... Мир Эликато...

«М-да, тяжелый случай, пожалуй, даже безнадежный... Главное, не перечить пациенту...» – юный Угрюпин тяжело вздохнул:

– Что ж, попробуем это средство, сядьте в то кресло в уголке и постарайтесь расслабиться... Однако, как мне удастся найти для вас дорогу в мир, в котором я сам никогда не был, этого я пока не представляю. Мир Эликато...

– Начинайте, доктор, там я сам ориентируюсь...

Угрюпин с тоской оглядел измученную съжившуюся фигурку пациента в кресле, вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот и начал:

– Ваши веки закрываются, тяжелеют... Приятное тепло разливается по всему вашему телу...

Примерно после пятиминутных усилий Угрюпин пришел к выводу, что он еще

очень слабо владеет техникой гипнотического внушения, а больной трудно поддается внушению. Однако спустя еще пять минут все же удалось ввести Беспокоева в гипнотическое состояние, и они начали путешествие в подсознание пациента. Все складывалось более-менее успешно до тех пор, пока Угрюпин не пробовал вернуть пациента к событиям более чем десятилетней давности или напрямую обратиться к воспоминаниям о его детстве. Здесь происходил какой-то сбой, и Беспокоев, совершенно отвлекаясь от своей частной жизни, начинал выдавать газетную хронику тех времен, цитировать речи генеральных секретарей и председателей, совершенно не вспоминая о себе и своей личности.

«Хм. Такое впечатление, что как человека его и в самом деле не существовало в нашем мире в те времена. Какой-то барьер в подсознании... Что же делать? Как его успокоить?»

И Угрюпин, почти ни на что не надеясь, продолжал:

– Нет, о целине пока не будем вспоминать. Оглянитесь вокруг себя в то время. Где вы? Вам хорошо! Вам хорошо! Вокруг вас только хорошее. Вокруг вас все вам родное и близкое. Вокруг вас ваш любимый мир... Мир Эликато... – последнее слово Угрюпин произнес, уже ни на что особо не рассчитывая, просто это непонятное ему слово пациент в их предварительной беседе употребил несколько раз, для Беспокоева оно, очевидно, имело какое-то значение, и Угрюпину вдруг показалось любопытным, какой эффект произведет это слово на больного в гипнотическом состоянии.

Эффект оказался совершенно неожиданным.

По телу пациента прошли судороги. На лице Беспокоева возникла счастливейшая улыбка, губы его приоткрылись и прошептали:

– Спасибо, доктор...

И вслед за этим в замкнутом пространстве маленького кабинета раздался не то щелчок, не то хлопок. Угрюпин так и не сообразил, что это был за звук, да и не до этого ему было. Дикими, круглыми и вытаращенными глазами он смотрел на кресло, в котором еще за секунду до этого находился больной, а ныне, точно остатки лопнувшего воздушного шарика, валялась скомканная одежда Беспокоева. Сам же пациент попросту растаял в пространстве.

Минуту или две юный Угрюпин находился в состоянии устойчивого столбняка, потом подскочил к креслу и, сдернув с него одежду Беспокоева, стал лихорадочно перебирать оставшиеся от визита пациента предметы, точно надеялся в складках рубашки или пиджака отыскать затаившегося шутника-сумасшедшего.

– Как же это? Как же? Что же это такое? Я что с ума схожу? Как это возможно?

Так и не получив ответов на все эти вопросы, сам совершенно больной и изму-

ченный, Угрюпин поспешно запахал одежду пациента в шкафчик, немного отдышался и продолжил прием больных.

В этот же день, после окончания дежурства, чувствуя, что сам начинает сходить с ума, Сергей Угрюпин нанес визит Бонифацию Петровичу Разгуляеву.

Выслушав рассказ своего юного коллеги, старый доктор поморщился и печально покачал головой:

– Исчез, говорите, прямо из кабинета. И что же вас смущает?

– Как что? Я же с ума схожу!

– Успокойтесь! Вы вполне здоровы. Конечно, если бы я не общался до вас с этим нашим Беспокоевым, можно было бы и усомниться. А так...

– Вы с ним долго работали?

– Да. Тяжелый случай. Я давно чувствовал, что с этим больным что-то не то. А когда сеанс проводил, сам испугался. У меня хороший контакт с пациентами во время сеанса, а в случае Беспокоева воздействие было таким сильным, что я почувствовал, еще немного – и меня вместе с ним засосет в какую-то неведомую воронку, я прекратил эксперимент, попытался заставить больного забыть этот навязчивый бред...

– Вы полагаете, у него был бред? Как тогда объяснить это исчезновение?

– Объяснений, милый мой Сережа, я вам при желании с десятков выдам – и все они будут вполне правдоподобны или достаточно безумны, это как вам больше нравится, но что мы сможем из них извлечь, какую истину?

– Практика – критерий истины.

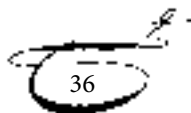
– Хм. Это вы хорошо вызубрили, но, увы, один эксперимент ничего не доказывает, нужна повторяемость результатов.

– По-вашему, Бонифаций Петрович, этот случай с Беспокоевым лучше забыть?

– В этом мы не властны. Помнить или забыть – от нас с вами, юноша, не зависит. Один известный вам философ утверждал, что идеи правят миром. А другой мудрец уточнил, дескать, нет ничего сильнее идей, которые овладели широкими народными массами.

– Вы хотите сказать...

– Именно. Любой параноический бред достаточно сильной личности может захватить умы множества людей, подчинить себе целые страны и стать явью. Что я вам толкую. Сами знаете, вся история человечества полна ярких примеров, подтверждающих эту мыслишку. Люди любят глупости. Я даже подозреваю, мой милый Сережа, что это наша привычная среда обитания, мы без них, без глупостей, возможно, просто не в силах существовать. Естественно, у каждого свои излюбленные глупости, тайные или явные, свой уровень...

– Мне кажется, Бонифаций Петрович, мы удаляемся от нашей темы.

– Нет, это тоже заблуждение, я все о том же. Этот наш Беспокоев успел смутить только наши с вами души своим исчезновением и рассказами о неведомом мире. А мог бы... Да, из таких, как он, получаются вожди, религиозные реформаторы, мессии, словом, фанатики идеи. Я, признаться, просто счастлив, что он исчез. Хотя, возможно, вы, Сережа, сочтете меня консерватором, но я убежден, что дальнейшее присутствие этого Беспокоева в нашем мире ни ему самому, ни нашей с вами Вселенной номер шесть ничего радостного бы не принесло. У него больное сознание.

– Вы в этом убеждены?

– Да. В противном случае нам бы с вами пришлось принять за истину противное, то есть признать себя больными, а как вы понимаете...

– Ясно... – вздохнул Угрюпин. – Для душевного спокойствия, конечно, так проще. К чему мантишь несбыточным, не так ли?

– Верно. Впрочем, поверьте, Сергей, я не пытаюсь оказывать на вас какое-то давление. Я вижу, вы сами все прекрасно понимаете. Это в вас говорит пыл юности, те самые прекрасные глупости, о которых мы упоминали. Я дал вам совет – забыть! Ваше дело – воспользоваться этим советом или нет. Если же говорить серьезно, вполне допускаю, что этот наш Беспокоев и не был человеком. О! Видите, как вы, юноша, сразу встрепенулись. Эх, молодость! Конечно, сумасшедшим, тихим психом, считать его проще. Если же предположить, хотя бы на миг принять версию самого Беспокоева, что он существо иной вселенной... Этаким падший ангел или демон, посланный в наш мир из какого-то иного мира, то, вы меня понимаете?

– Пока, честно говоря, не совсем. То есть я еще не вижу ничего такого крамольного в этой мысли. Да и многочисленные мифологии эту мысль много раз варьировали.

– Было! Было! Рай и Ад! Изгнание из Рая. Да, но... К тем мифам человечество уже адаптировалось, переболело ими, а у нас тяжелый случай.

– Тяжелый случай?

– Именно. Вы внимательно слушали Беспокоева?

– Да.

– Тогда вспомните его рассуждения о прекрасном, гармоничном, райском, можно сказать, местечке, где он был богом, или почти богом. Было такое?

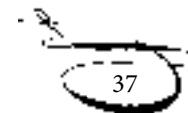
– Было.

– А как он охарактеризовал наш с вами мир?

– Не очень лестно.

– О! Ему этот мир представляется Адом, в который он угодил за какие-то преступления в том своем расчудесном мире.

– Кажется, понимаю.

– Отрадно слышать. И вам уютно? Это наш-то лучший из миров, вмещающий в себя столько всего, столько всяких прелестей и пакостей, столько мук и радостей, окрестить Адом.

– Все познается в сравнении.

– И это верно. Ему, нашему пациенту, возможно, было с чем сравнивать, а нам? Молчите?

– Печален мир, тоска моя земная...

– Вот. Вас уже понесло. Боюсь, Сергей, вам не спастись. Этот дьявол Беспокоев вас совратил. В душе вы уже предали нашу родную бедную Вселенную номер шесть. И теперь будете тосковать о неведомом. Этого и я боялся во время сеанса с нашим знакомым.

– Вы считаете, Бонифаций Петрович, я сойду с ума?

– Зачем же так сразу? Такое может с другими случиться, а у вас-то есть выход.

– Выход?

– Не прибедряйтесь, Сереженька, вы же после общения с нашим общим знакомым владеете формулой.

– Какой еще формулой?

– Формулой перехода из нашего мира в какой-то параллельный мир. Для простоты можно назвать это магической формулой, точнее, заклинанием.

Угрюпин вновь похолодел:

– Бонифаций Петрович, вы считаете, я тоже могу?

– Можно попробовать, но я вам этого категорически не рекомендую.

– Но почему?

– Опасно. Все в мире относительно. Наверное, и в других мирах этот принцип действует. Есть такая штука – ностальгия. Не исключено, – это еще одна из моих гипотез, – что наш Беспокоев мучился именно этой болезнью. Место, которое он считал раем, поскольку сам был оттуда родом, при ближайшем беспристрастном рассмотрении для вас, пришельца, вполне может оказаться чем-то иным. И тогда вам срочно понадобится для возвращения сюда какой-нибудь тамошний психотерапевт. А вот отыщите вы его в том раю-аду, этого не знаю. И сумеет ли он вас отправить по назначению – это вопрос. Впрочем, мы заболтались. Завтра трудный день. Надеюсь, коллега, мы с вами еще поработаем на благо нашей родной вселенной, и, право, не важно, под каким она номером проходит в каком-то там небесном списке. Кстати, в отсутствии всеобщей гармонии тоже есть свои приятные стороны.

– Да, конечно. Радость творения, вы об этом?

– И об этом тоже. Вот видите, начинаем понимать природу, взрослеем.

Выпроводив гостя, старик Разгуляев подошел к окну подышать свежим воздухом. За окном моросил бесконечный дождь. Унылая вязкая темнота уже кутала землю.

«Беспросветно, – вздохнул Бонифаций, – вот так всегда – суета, сутолока, нерво-трепка, борьба за существование... Ни сна, ни отдыха... Беспросветно...

И Беспокоев, значит, удрал, дезертировал... Вот кадры. Кого теперь пришлют? И когда еще? Дождись... Всем райские кущи подавай. Легкой красивой жизни ищут... А в этой заштатной Вселенной номер шесть торчат, кроме меня, похоже, никто не собирается. Эх! Может, тоже плюнуть на все и смотаться в мир Эликато!»

Соблазн был велик...

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

МЕШАВКИНО СЧАСТЬЕ

I

Алька, как привыкли кликать ее бабы, идет с коромыслом через плечи, плавно покачивая бедрами, словно и не замечает облапывающих взглядов землячек.

Так уже повелось, что все в поселке, узрев еще издали красавицу Алевтину, говорили не то со зла, не то с завидками:

– Глянь-ко – Алька, Мешавкино счастье плывет.

– Ага! Че она нашла в ем? Дистрофик хромой.

– А вот же присушил...

– Дак ей-то куды было с тремя-то деваться.

– Тут, девки, не в етом дело: любовь...

– Кака така любовь! У ей трое, у него своих трое. Шестеро на свою шею навесила, дуреха. Да еще и общего нажили – седьмого.

– Нет, девки – любовь... Он же за ей, как за павой, ходит.

– А куды ему деваться? Хромой, старый, да с тремя довесками. А она, смотри – красавица писаная. Да он ее, как хрустальну вазу, должен носить...

– А может, и носит... Завидно?.

Бабы стоят у забора, забыв уже, какое такое дело собрало их сейчас в эту страдную пору сенокосную. Ясное дело, не Алька. По им получается, что и ему – Мешавкину, и ей – Альке, деваться друг от друга некуда. Судьба, значит.

– Здравствуйте соседуски, – поравнялась Алевтина с бабами, сняла коромысло, расправила крепкие плечи, освободившиеся от гнета двух полных ведер чистой колодезной воды.

– Здоровой будь, – запели бабы.

– Не откосились ишшо? – спросила одна.

– Не-е-т, – протянула Алька. – На дальнем покосе ворошить завтра будем, а на ближнем, за логом – косят. Обед понесу, управлюсь маленько. Борщу наварила, пирогов напекла, да квасу холоденького с погреба. Упарились там, поди, мужички, вон жарница какая, – Альке и передохнуть охота, да и так перекинуться словом.

– Вручную, что ли, косят?

– Вручную. Где же денег наберешь на косилку. У меня же четверо мужиков, – Алька улыбнулась широко, – сказали – выкосим сами.

– Выкосят. Молодые-то, сыновья евонные, вон здоровые какие бугаи.

– Митя тоже, не смотрите на хромоту, он мужик так-то здоровый.

– Знамо дело, раз детей ишшо строгат, – хихикнула незло соседка.

Алевтина, смутившись, ловко подхватывает коромысло, водружает на плечи, не расплескав ни капли влаги, и выразительно выгибая стан в такт шагам, идет по пыльной улице.

– Мешавкино счастье, – слышит она в спину.

– Бедная Алька.

«Пусть говорят» – думает Алевтина.

Бабы вздыхают во след, но тут же, меняя тему, судачат о другом. Об этой истории все переговорено.

II

О счастливой семейной жизни книг не пишут. Всех интересует закрученный сюжет, интрига, что-то этакое жареное. Слезы, измены, а еще лучше смертоубийство «на почве ревности», чтоб мурашки по коже – вот чего ждет читатель; словом, того, чего нет в этой самой счастливой семейной жизни. И если счастливые семьи счастливы одинаково, то пути, по которым счастье просачивается в каждую ячейку общества, очень даже разные: на одних оно обрушивается разом, словно манна с небес, и счастливую пару, объевшуюся дармовой каши, пробирает невесть откуда взявшийся разрушительный понос; а другие складывают свое тихое счастье по маленьким крупицам, и радуются каждому дарованному Богом дню долго-долго.

«Жили-были», хочется продолжить дальше. Ну, что ж хочется, так и поведем. Жили, значит, были в одном поселке молодая девушка-красавица Алевтина и немо-

лодой уже мужчина Дмитрий Матвеевич, изувеченный поездом еще в молодости и списанный с железки по здоровью. В железнодорожном поселке другой работы ему не нашлось, и стал он плести разные поделки из ивовой лозы. Да так у него ловко да споро получалось, что вскоре это его увлечение стало кормить его. Перебивался так с хлеба на квас, потом молва о мастере облетела всю округу, даже в области заказы стали появляться; и зарабатывал, бывало, Дмитрий Матвеевич Мешавкин поболее, чем служащие железной дороги. Только труд этот был слишком тяжел: заготовить ивовые прутья надо – да вовремя, да ту еще иву, за которой, бывало, по десятку километров топтать приходилось. И все пешком – это со своей-то клюкой негнущейся. Правильно обработать – надо, хранить правильно – надо. А сколько терпения нужно, чтобы всякие выкрутасы из той лозы спроворачивать, да такие, что за душу берет, словно кружева какие сказочные, словно не из прутьев, а нитью золотой плетет. Женился Дмитрий поздно – за тридцать, однако, стукнуло – на доброй тихой девушке, и жили они также тихо. Наролили троих сыновей. И все бы было хорошо да ладно... Но жена тяжело заболела какой-то женской болезнью, также тихо, как и жила, умерла. Как мог, пережил Дмитрий горе, как мог, тянул нелегкую лямку один. Сыновья подросли, помощь от них ощутимая пошла, особенно, что касалось заготовок лозы. Они молодые, быстрые на ногу, носили лозу снопами с отцовских мест, а тот, водрузив смешно очки на самый кончик носа, занимался плетением «до одури», как иногда говаривали соседи.

Так вот: на другом конце поселка за это время вошла в пору молодая красавица Алевтина, и вышла она замуж за самого славного парня Алешку. У них было свое счастье: громкое и голосистое, как утро майское. Часто слышали соседи перебранки меж молодых, но на утро – снова под ручку. «Молодые бранятся – только тешатся», – шептались люди. Трое дочерей-погодок родились как-то враз, как с неба упали. Шумно жили молодые, но с годами веселости поубавилось порядком. Пить стал Алешка. Покатилось все кувырком: с работы уволили, на другую работу не берут: молва быстро разошлась, «как брехня по деревне». Позвал его на заработки однокашник на Север, куда-то на Ямал.

А через год получила Алевтина похоронку, как с фронта. Начальник прислал письмо, что так, мол, и так – замерз. Из деликатности, видно, не поведал истинную причину, но Алевтина и сама догадалась. Тут, как говорится, и к бабке не ходи. Ни разу денег не выслал, хоть детишкам на конфеты, ни одного письма не получила Алевтина. Все узнавала через знакомых. Взревела поначалу молодая вдова белугой. Горе больно обожгло, глубокие рубцы остались в душе. Замкнулась Алевтина, сникла. На работу, с работы ходила, торопясь, словно боялась чего. Сгорбилась, и потеряла ту молодую женскую статью, что вабила к себе еще не так давно всех мужчин поселка.

III

Никто не знает, как случилось, что Алевтина перебралась в просторную избу-пятистенку к Дмитрию Матвеевичу Мешавкину. Судачили, будто на профсоюзном собрании, куда пригласили и бывшего железнодорожника Мешавкина, Алевтина, будучи профоргом, вручала ему подарок в честь профессионального праздника – наручные часы; и что после праздничного застолья они уже не расставались. Ходили слухи, будто Алевтина заказала мастеру корзину, и он, сделав ей необыкновенной красоты плетенку, поразил молодую женщину прямо в сердце. Да мало ли слухов распространялось. А корзина та действительно существовала. Не раз видели с ней Алевтину. Все дивились работе мастера: надо же, розу выплел, как живую, на боку, да и в самой корзине плетение чудное какое-то применил – кружева будто сказочные.

Раз судьба свела их, да повязала любовью крепкой, решили они сочетаться браком по всем, как говорится, правилам.

В ЗАГСе народу в тот день не было, свидетели разве что: хотелось тихо расписаться, к чему шум-то. Но шило в мешке не утаишь. Зевак набежало, что чуть забор не обрушили от такого любопытства. В окна зырят, диву даются, что же это делается: Алька, первая красавица, за хромого идет. Пришлось сердобольной работнице государственного учреждения пустить всю толпу в залу. Сам Дмитрий Матвеевич разрешение дал:

– Пусть заходят, а то будто в замочную скважину подглядывают, – сказал жених, и теплым взглядом огладил Алевтину.

– Пусть смотрят на счастье наше, не жалко, – звонко согласилась невеста.

Видно с тех пор и пошло: «Мешавкино счастье».

Пока стоят ручка об ручку, речь сладкую слушают – вроде, пара, как пара, но стоит с места стронуться, как хромота жениха прыгает гадкой лягухой в глаза. И возраст, припудренный торжественной обстановкой, новым костюмом, лезет наружу, обозначая разницу в годах. Ей на тот торжественный момент не исполнилось и тридцати, жениху через два года полтинник круглится.

– Нашел Дмитрий счастье свое, десять годов один бобылился.

– У Альки-то, глянь, как глаза блестят, лампочками светятся, – судачат меж собой бабы.

– А он тоже срамной – прилип своими губами к Альке. Нет, чтоб так, для блезиру чмокнуть.

– Всурьез целуются.

– Может, то любовь?

– Кака така любовь? Нужда заставила.

– Когда по нужде под венец идут, так не радуются.

Жених, словно уловил ухом бабские шепотки, молвил:

– Люблю я Алю, больше жизни люблю, не дам ее в обиду, – словно оправдывается перед народом.

– И я Митю люблю, мы же счастье свое нашли, – вторит ему Алька.

Какое такое счастье, думают бабы, какая такая любовь?..

IV

Алевтина с плетеной корзиной вышла за калитку, и словно забыла что-то, снова взялась за штaketину. Возвращаться – плохая примета.

– Аня! – крикнула громко. На пороге появилась девчушка лет десяти.

– Что, мам?

– Бельё погладь – пересохнет, и Машу покорми, как проснется, да приглядывай за ей!

– Хорошо, мам!

На Алькин голос оглянулись бабы. Они все ещё не расходились. Видно шибко сурьезный разговор имелся.

– На сенокос бегу, – словно оправдывается Алька.

– Заждались тебя уже там мужики-то.

– Им обедать уже пора. Вон пирожков свежих испекла... – Алевтина остановилась – не пробегать же мимо.

– Ты вот скажи, Алька, как тебе удастся так мужика держать, что он готов тебя во все места целовать? – спрашивает румяная Верка.

– Снова за свое! Завидно, что ль? – скрипнула пожилая соседка.

– Да нет, просто интересно.

– Что тут рассуждать, – Алевтина поправила белый платок, – я его не держу никак; мужики ведь только напускают на себя суровость: лоб морщат, брови наспливают, да басом рыкают, а как приласкаешь его, да приголубишь, так у него и глазки нежностью засветятся, и голос бархатным станет.

– Знаем мы их, мужиков-то. Имя спуска давать нельзя, одной ласки мало, имя и кнут нужен.

– То-то твой ходит, как зверь хищный, на людей бросается, наемни моего чуть не ухайдокал. Видно, совсем кнутом-то заездила.

– Твой-то тоже хорош, – пошла в контратаку Верка.

– Ладно, я пойду, – Аля тихо отклеилась от разругавшихся баб. Никто уже не обратил на нее внимания.

Солнце печет немилосердно, стрекочут сухо кузнечики, высоко в небе радуются погожему дню жаворонки.

Вжик, вжик, вжик – ложится трава ровными рядками-валками. Первым идет отец, за ним сыновья. Стелется запах свежескошенной травы по всему лугу. Загорелые спины переливаются налитыми мускулами. Засмотрелась Аля на такую красоту – ладится работа. Не сразу заметили косари свою кормилицу.

– Э-э-эй! Ваша мама пришла, молочка принесла! – весело выкрикнула Алевтина.

Как по команде остановились работники, вытерли косы пахучей травой, обступили Алевтину. Она первым делом налила квасу в кружку, сначала подала мужу.

– Ещё на часок работы.

– Быстро вы управляетесь, я думала, и половину еще не выкосили! – удивилась Алевтина.

– Да с такими орлами горы свернуть можно! – отец гордо мотнул головой в сторону сыновей.

После обеда легли в тени отдохнуть.

– Не простыньте, – заволновалась Алевтина, – подстелите что-нибудь... распарились.

V

Потом корила себя Алевтина: «Накаркала». Простыл таки Дмитрий. Сначала так – недомогание какое-то навалилось. Думал поначалу, может с устатку. Потом зазнобило: неладно же, в такую жару вдруг делается зябко, да такая слабость наляжет, что и шевельнуть рукой неохота. Сначала еще ходил с ребятами сено ворошить, а на третий или четвертый день не смог. В боку закололо, дышалка сбилась. Вызвали фельдшера. Послушала она, глаза округлила, дрожащими руками нашарила в своем саквояже бумажку с печатью, нацарапала непонятным почерком направление в больницу, сделала укол от жару.

– Немедленно ложиться в больницу, – сказала строгим, не терпящим возражения голосом.

– А что у него? Диагноз какой? Что-нибудь серьезное? – начала сбиваться Алевтина.

– Плеврит. Ему откачку нужно делать жидкости из плевральной полости, – научно объяснила фельдшерица, заметно волнуясь.

Это волнение опытной фельдшерицы тоже не ускользнуло от внимательной Алевтины. Заколотилось сердце, почуявшее беду, пересохло в горле.

– Мы сейчас же, немедленно, только соберемся, а машину дадите? – затараторила Аля.

– Машину я пришлю, если шофер куда-нибудь не запропастился, собирайтесь, – фельдшерица уже была на ходу.

«Хоть бы не запропастился», – мелькнуло в голове Алевтины. «Хоть бы не запропастился».

– Что ты так убиваешься, Аля, будто хоронить собралась, – тихо молвил Дмитрий, когда уложился в носилки.

– Не говори таких слов, – и пристально посмотрела ему в глаза, – помирать тебе никак нельзя.

– Нельзя, я знаю, а значит, и не умру, – прошептал он как-то неубедительно.

«Сказать ему сейчас или не время?» – засомневалась Алевтина. Потом решила, что ничего сейчас говорить нельзя. Мало ли, а вдруг холодных соленых огурцов ей захотелось просто от жары нестерпной, вдруг тошнит не от того, а просто от работы непосильной и голова может от того же кружиться. Но то был самообман, на который мы часто себя обрекаем, чтоб легче неожиданности всякие перенести. Знала ведь Алевтина о своей беременности, конечно, знала, но ставить сейчас мужа в известность в столь невыгодных обстоятельствах не стала.

Увезли Дмитрия в область.

Опустел дом, одиноко стало Алевтине, что прямо выть охота. Не пройдет и минутки, чтоб не вспомнила о своем Мите. Съездить в область в горячую пору не найдет возможности: то на дальний сенокос стожить поедут, то на ближний; да погода одурела – дожди заладили, на поводке коротком держат: только успевай хоть по маленькому стожку в день да застожить. Зато звонить чуть не каждый день бегают.

Что ты трешься каждый день, – уже обижается фельдшерица, – откачку ему уже сделали, сейчас антибиотики колют.

Связь с областью неважная и ей приходится по часу, а то и два терять, чтоб дозвониться в отделение. А там тоже не шибко привечают, нагрубят еще, да обхают, что, мол, каждый день спрашиваете. Из реанимации перевели в общую палату, идет на поправку, радуйтесь, мол, и не тревожьте так часто, без вас, мол, забот полон рот. Так месяц миновал, другой начался. То фельдшерица весточку добрую передаст – идет на поправку, то сама в фельдшерский пункт зайдет. Несколько раз удалось с водителем передать чего-нибудь домашнего, надоели там, поди, казенные харчи. Хоть и знала Алевтина от водителя, что кормят хорошо.

Сенокос кончился, заготовки пошли: огурцов-помидоров закрутить, варений разных наварить, благо, что все уродилось. Опять же – хозяин постарался: его рукой все посажено. Солит огурцы Алевтина, непременно подумает: «Митя любит, чтоб огурцы с помидорами в одной банке», и рецепт выбирает тот, что мужу по нутру. Все угодить ему охота. Вот он приедет из больницы и будет она его потчевать всякими вкусностями.

– Мама, – кричит с улицы доченька младшая, – Варенье будем варить из клубники?

- Нет, доченька, папа любит засахаренную.
  - А я хочу варенье.
  - Хорошо, дочь, и варенье сварим. Ягод-то много.
- И так во всем: прежде о своем Мите подумает.

Черт ее дернул в тот день в больницу припереться. Не менее, однако, часа не могли дозвониться в областную больницу.

- Как там наш Мешавкин? – спросила бодро фельдшерница в трубку.
- Сейчас посмотрим...
- Новенькая какая-то, – сказала фельдшерница Алевтине, закрыв ладошкой трубку. – Сейчас посмотрит. – Да, слушаю... Мешавкин, да.
- Инициалы? Д.М... Дмитрий Матвеевич... Как? – глаза фельдшерницы округлились, подбородок мелко задрожал.
- Что с ним? – взревела Алевтина. – Что?
- Умер, – и трубка выпала из рук.

VI

Когда ниточка счастья рвется так неожиданно, человек не в состоянии оценить происшедшее. Не вырвалось из горла смертельно раненной Алевтины душераздирающего рева, не упала она без чувств, только тихий стон нарушил тишину больничного кабинета.

Тихо добрела она домой, тихо сообщила о постигшем горе детям. И они также тихо восприняли недобрую весть, тихо завсхлипывали, засопели носами и бесшумно плакали до самой темноты, не в состоянии проронить ни слова.

К обеду следующего дня уже сделали гроб. Крышку сыновья украсили плетеными заготовками, найденными в мастерской отца. Ехать за мужем Алевтина решила сама. Порывались сыновья, но слово ее осталось твердым.

Нерадостная картина: в машине скорой помощи гроб, а на переднем сидении, рядом с водителем женщина с черным челом, в черном платке и в черном одеянии.

– Не приведи господь, Мешавкино счастье, – шепчут бабы, крестясь, провожая машину.

«Не успела сказать Мите... Так и умер, не зная, что будет у нас еще один Мешавкин. Как же так? Как мог он умереть? На поправку, на поправку... Вот тебе и «на поправку». А может то – ошибка?», – вдруг вспыхнуло в ее воспаленном мозгу. «Нет. При мне же звонила... И фамилию и инициалы спросили...».

Водитель молча вел машину. Уже подъехали к переезду.

- А вон, вроде, Дмитрий Матвеевич идет, – сказал он удивленно.
- Не узнать Мешавкина было нельзя. Так характерно хромал только он.

Алевтина не слышала слов водителя, мимо ушей пролетели слова. Удрученная горем женщина не смотрела на дорогу, она лила тихие обильные слезы, промокая невидящие глаза мокрым платком. Но, что-то будто шевельнулось в груди, не в уши, прямо в мозг, видимо, слова попали. Она подняла просушенные глаза и замерла.

– Остановись, – приказала она твердо. Это был он, несомненно. Алевтина не страдала слабым рассудком, ей никогда ничего не казалось, она не верила в разные там миражи. Она видела явно своего мужа.

– Остановись, – повторила она. – Разворачивайся, дай знать детям, гроб увези куда-нибудь и сожги. – Голос не дрожал. Она сдернула черный платок, черный пиджак, бросила водителю в руки. – Митя не должен видеть...

– И это сожги. Все, уезжай, уезжай же! – уже с дороги крикнула она обезумевшему водителю и направилась навстречу своему счастью.

- Здравствуй, Алечка, здравствуй, милая, – Дмитрий обнял нежно свою любимую.
- Здравствуй, Митя. Дети ждут тебя. Мы все соскучились.
- А как я соскучился... А слезки почему?
- Так – то от радости. От радости ведь тоже плачут, – и она разревелась уже не сдерживаясь, – у нас ведь еще один будет, – Аля, всхлипывая, погладила живот.

– Ничего, прокормим, милая. Это ведь добрая весть, не плачь. У нас в палате, представляешь, тоже Мешавкин лежал Денис Михайлович. Думал – родня, но нет, просто однофамилец. Хотя говорят, что все однофамильцы, если покопаться, окажутся родственниками. Умер: рак у него оказался... А как ты узнала, что меня выписали?

– Звонили...

Сергей БУЗМАКОВ

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже вовеки.
И. Бунин

В одном уголке нашего домика жизнь разгоралась, в другом – угасала.

В начале марта, когда в природе в солнечные часы появился уже особый густой блеск, и снег начал уплотняться, и души людские запросились на волю, и затрепетали

сердца в предвкушении несбыточного, но так страстно в эту пору желаемого, мама попросила вывести её на улицу.

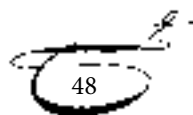
– Помнишь, сыночка^ по грузочки как с тобой ходили? – тихо, с привычной уже надломленностью в голосе вдруг спросила она меня, сидя на солнышке на вынесенной табуретке.

– Помню, мам... я сейчас, на минутку... – и быстро, почти бегом, направился к сараю, «дровянику», как мы его называли, где хранились у нас дрова и уголь. Почувствовал, что копившееся во мне в последние месяцы сейчас вот прорвётся слезами. А навстречу из сарая мчался пегий Шарик, озорная, неунывающая лопухая собачка с всё понимающим взглядом. Лишь на мгновение, уделив мне, внимание он устремился дальше к той, что когда-то щеночком крохотным принесла его, обогрела, накормила. Всю зиму не виделись, соскучились...

...А то грибное лето было нашим последним деревенским летом. Заканчивался август, отец уже был в городе, где мы купили небольшой домик и перевезли уже туда весь наш домашний скарб. Но какие-то дела ещё нас удерживали в деревне, но точно не огород, с соленьями помню, развязались, время копки картошки ещё не пришло, скорее всего, дела, связанные с бумажной пенсионной волокитой для мамы, и мы с ней обитали в пустой избе, где прожили дружно и счастливо больше тринадцати лет, спали на полу, на матрацах. Я почти все ночи читал... Паустовского, Тургенева, Льва Толстого... Случился опять мой книжный «запой», соскучился. В первый курс института, успешно оконченный, всё больше за учебниками просиживал, но и в футбол поигрывал, и пивко попивал, а художественную литературу читать забросил почти... И поэтому так неохотно, с таким трудом просыпался, когда ранним утром мама меня будила.

– Соня, а соня? Сонечка мой, просыпайся, просыпайся сыночка, грузочки нас заждали... – напевным своим грудным голосом будила уже одетая, в радостном нетерпении, уже рвущаяся к своему «любимому отдыху», как она называла хождения в бор по грибы.

Выходили из дома в густой туман, с двумя оцинкованными, поскрипывающими дужками вёдрами и позвякивающими в них ножичками, лежащими на дне. Казалось, эти звуки слышны на километры, так было тихо кругом. Шли, едва ли не на ощупь, вдоль сохранившегося ещё плетня по проулку артамоновскому, дом Артамоновых проулочек этот начинал, потому и такое название, плетень черновато выступал из молочности туманной, а штакетник Кудишиных на другой стороне проулка не было видно вовсе. Шли, пробирались в бор, минуя заросшую осинами, топольками и черёмухой опушку, наконец, входили. Это потом в полдень будет в бору жарко, а воздух будет неподвижен, будет густ от запаха горячей рыжей хвои, особенно на просеках, а

сейчас, в эту рань пахнет сыростью грибной, пахнет близкой, вплотную подкравшейся осенью, пахнет и здесь расставанием.

Я всё ещё ото сна не отойду, зябко мне, неудобно, а мама весёлая, меня подбадривает, мол, сейчас быстренько ведёрочки эти наберём и назад, и будешь, сыночка, досыпать хоть до самого вечера.

Перед этим зарядили на несколько дней хорошие дожди: тёплые, неторопливые, затяжные, с парком от земли, и грибы опять, как говорили у нас, «полезли». Грибы, причём мамины, самые ею желанные – грузди, по которые она так любила больше всего ходить.

В нашем боровом околотке, конечно, самыми уважаемыми были грибы белые, «дорогие», ещё их часто называли.

Самыми неуважаемыми были, «даже наклоняться не хочу», скажет иной грибник, разноцветные сыроежки, чаще всего их у нас звали «синявками».

Потом по нарастающей внимания охотников за грибами шли маслята – грибы какие-то смешные, несурзные, такими они мне всегда казались, и ещё руки обязательно испачкаешь слизью, если с маслятами свяжешься. Иногда, где-нибудь в папоротнике, причём, можно было отыскать «маслёнок» со шляпой, в ведро едва втискивающейся. Следом тянулись подальше от грибниковской снисходительности и требовали хотя бы небольшого уважения нежно-розовые волнушки, их так интересно рассматривать, шляпки действительно волнистыми кружочками обведены, интересно проводить пальцами по бахrome, что свисает со шляпки. В этой же компании с волнушками ярко оранжевого насыщенного цвета лисички, и рыжики – простоватые и крепкие, словно литые.

Всё это грибочки, как правило, размеров небольших, со своей затейливой жизнью, понять, как и где они растут, было сложно, хотя, действительно, как пишут в книжках, те же рыжики, чаще всего можно было встретить на местах гари. Подосиновиков и подберёзовиков в наших местах было отчего-то совсем мало, зато груздей хватало, и они шли по важности и нужности сразу вслед за грибами белыми. Вот эти прячущиеся под хвойным настом, любящие больше других играть в прятки с людьми грузочки, и любила собирать мама.

Вот попробуй, попробуй их отыщи! Да ещё спросонья, да ещё в такую-то рань!

Бреду уныло, едва ли не в след за мамой, а надобно в сторонке, ни одного не нашёл ещё, и наклоняться-то лень, может незаметно от мамы ногой «пошвыркать» по хвое, вон, кажется, какие-то бугорки... Но сдерживаюсь от такого хулиганства, мама так расстраивается, когда видит такие «следы» горе-грибников, бывает эти ленивцы метрами квадратными хвою разгребут, чернеет земля, мама лицом темнеет: да разве так можно?! Да зачем же они в лес ходят?! Сидели бы где-нибудь в полыни водку свою проклятую трескали...

Ну, ничего не находится, никак моё ведро не наполняется, срезал только несколько старых, уже покрывшихся коричневыми пятнами груздей. Эти уже давно из хвои вылезли, переросткам уже не до прятков, шляпки широкие с чайное блюдце, и в некоторых из них в самой сердёчке дождевая вода осталась. Их ножки уже черви поели, в ведро отправил только те, у которых ножки более менее чистые, с парочкой канальчиков от червей, знаю, что и они вряд ли мамин контроль пройдут, когда домой вернёмся и начнём их мыть, забракует их мама, но без единого гриба хоть на доньшке и вовсе тоскливо...

А мама уже половину ведра заполнила, порхает по бору как девчонка, про все свои болячки она в такие минуты забывает. А ещё поёт. Она у меня певунья знатная, одних частушек знает столько, что часами может петь.

...Помню, я маленьким был, кажется, ещё и в школу только-только собирался и как-то вечером придя с работы, мама потащила нас в лес тоже по грибы, почему-то и отец дома в такое время оказался, уборочная уже начиналась. Ходили мы ходили и... заблудились.

Мама засмеялась, помню, говорит себе, но чтобы мы слышали, вот, Маня, дожидаясь, в родной сторонку блуждаешь. А уже темнеть начинает, а мы всё ходим, плушаем.

Я захныкал, раскис, испугался, а мои родители петь начали!

Мама свою любимую:

Стою на полустаночке в цветастом полшалочке,
а мимо пролетают поезда,
а рельсы-то, как водится, у горизонта сходятся,
где ж вы мои весенние года...

А батя тоже развеселился, мне подмигнул, не дрейфь, сынок и какую-то песню мне неизвестную ни разу не слышанную напевать начал:

По урманам, по урманам, чёрные пеньки,
а погоны на охране сёдни новеньки...
годы, годы не в расчёт, перекрестимся,
Колыма-река течёт, заневестилась...

Вышли к жилью уже почти по темноте, огни уже в окнах, вышли к другому концу деревни...

...Идём с мамой, идём, понемножечку, далеко друг от друга не уходим, если удалимся, не заметив, окликаемся. И я в азарт начал входить, но всё равно, ох, как сложно за мамой угнаться. Она словно чувствует, где груздочки прячутся, я спокойно мимо этого места пройду, мама же вдруг тормознётся, будто ей эти озорники крикнули, нагнётся и ножичком раз-раз хвою поразгребаёт... и точно! Вот они – целая семейка! Все как на подбор: маленькие, с пяточок, беленькие, для засолки самые-самые!

А в согре решили спуститься, и там такая удача нас ждёт!

Под влажно поблескивающим слоем осиновых тёмных листьев отыскала мама несколько семеек груздей сырых...

Ещё вариации нашенские этих, редко находимых груздей: мокрые, мохнатые. Они действительно, словно белым мхом покрыты, мокренькие, пахучие необычайно. Здесь, в согре тёмной, с синками, кое-где прислонившимися к сосёнкам, а где-то они и вовсе повалены, такой грибной запах, закачаешься!

Возвращаемся в деревню усталые, довольные, с полными ведрами, поверху грибов ещё и несколько веточек костяники лежат. С кем по грибы, с тем и по ягоды, как мама говорит.

Сейчас домой придём, отдохнём немножечко, в ванну старую, когда-то в ней мама стирала, воды наберём грузди высыплем, мыть будем. Маленькой мочалочкой или листьями подсолнухов.

О-о-о! Это занятие нудное... долгое... но куда ж деваться? Зато потом я могу с чистым сердцем пойдти досыпохивать, а мама будет дальше грибами заниматься, солить их.

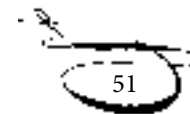
Когда добираюсь, наконец, до матраца, падаю на него с размаха, спортсмен тренированный, вдруг понимаю, что спать-то и не хочу.

Лежу, смотрю на потолок, знакомый каждой трещинкой, каждой бороздочкой и всё мне не верится: неужели через несколько дней мы уедем отсюда и никогда уже больше сюда не зайдём как хозяева, и кто-то другой будет обживать наш домик, зимой на печке кости свои греть?..

...Шарик вертелся волчком, показывал маме, напоминал, как умеет он гоняться за своим хвостом, потом замирал, смотрел преданно, спрашивал: где вы запропали? Куда хозяин делся? А почему ты, хозяйюшка, всю зиму не показывалась? Я же беспокоюсь... Болеешь? Меня вот тоже от этой треклятой «чумки» случается, потряхивает, всего выгибает, но ничего, отлежусь на уголке, сынок твой меня укроет старой шубейкой, глядишь, полегчало, опять сторожу, опять служу вам... А день-то сегодня какой хороший, правда?..

Небо голубело уже по-весеннему, глубокое, радостное, глаз не оторвать. И мама смотрела на небо и молча соглашалась с Шариком...

...Внучка Машенька родилась на исходе лета, а в начале осени мама узнала, что болезнь зашла слишком далеко и шансов практически нет никаких. Ей, никто, конечно же, об этом не говорил. Ни врачи, сообщившие о страшном диагнозе старшей моей сестре, ни мы все домашние, разумеется. Но мама обо всём догадалась. Исчез из

её тёмно-карих живых глаз тот огонёк, что так любил отец. Глаза, зеркало души, вели уже иной отсчёт, уже в иное заглядывали...

И так хотелось повозиться, «потетёшкаться», как она любила говорить, с этой курносой крохотулькой, которую называли в честь неё, Машенькой.

Но силы покидали маму с каждым днём. Пропал аппетит, мама таяла на глазах – теперь я понимал, что значит это книжное истасканное выражение.

И всё же она пыталась бороться с болезнью. Поняв, что врачи расписались в своём бессилии, мама обратилась к народным средствам.

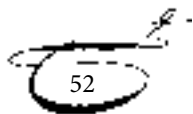
Одна знакомая говорила, что надо пить отвар из каких-то трав... Другая, всёзнающая старушка так настоятельно советовала лечиться выжимкой из конского навоза, что мама с отцом ехали за этим навозом в пригородное хозяйство и мама уверяла себя, я это чувствовал, что вот с помощью этого чудодейственного средства она-то уж точно поправится... ещё поможет сыночку милому, ведь ему так трудно: учится ещё в институте, ребёночек вот родился, кто им кроме меня поможет-то?..

...Мама была человеком сердца, как же трудно таким людям на свете жить! Разум тебя вправляет, иной раз и корёжит, и спешит заставить поступать так, как все сейчас живут, но сердцу-то не прикажешь, вот в чём дело! И рвало её душу сердце, за всё болело, за всё переживало. Спешила, спешила всем помочь, всех приободрить, и как же она при тонкости своей натуры, врождённой тонкости, никак такое качество искусственно не возрастишь, не приладишь к себе, на показ не выставишь, потому как всем тогда в тягость будет эта фальшь, как умела она, делая для всех добро, в тени этого оставаться. Всем хорошо нам вокруг, а отчего? А мы и не задумываемся, просто хорошо, ладно, а потом поразмыслишь, а ведь всё это хорошее нам мама устроила, вечная наша хлопотунья, и так устроила, что мы это хорошее как само собою разумеющееся воспринимаем, кого же и зачем тогда благодарить?..

Да разве и поможет сейчас воспоминание о том тёплом застолье, когда мы собрались за праздничным столом, отмечая мамино шестидесятилетие, уже знали мы с сентября о страшном приговоре врачей, сидели в жарко натопленной комнате в середине ноября, маме хорошие, красивые слова говорили, смеялись, пели даже... разве поможет?

И отчего так скупы мы на доброту, отчего от этих клапанов-дозаторов не освобождаемся, что сами охотно соглашаемся установить в своих душах? Не будь слишком добрым – будешь беззащитным. Один клапан. Не будь слишком доверчивым – обидят, используют. Другой. Не верь никому – так спокойнее... Третий. И так далее.

И что чувствовала она, полонённая болезнью, кроме боли? Отчаяние? Или, наоборот, успокоение? Наконец-то, отдохну, отмучилась, скоро, совсем скоро отдохну от этой жизни...

...Не знаю, можно лишь догадываться сейчас об этом.

Но спешила, спешила по-прежнему, даже уже с кровати почти не вставая.

Отправила меня в феврале, она, именно она, мама настояла, чтобы поехал в турпоездку, помогла деньгами... Из Чехословакии понавёз я вещей. Доченьке шестимесячной, прежде всего, жене, себя любимого не забыл, разумеется, а маме... Маме один платок, правда, красивый, но всего один платок...

А может, она просто приготавливалась к смерти? Чтобы всё было хорошо...

И вот, сыночка поехал в турпоездку, кого попало не отправят, значит, заслужил и значит, надо, чтобы он поехал, а я его дождусь, это не в армию на два года, тут всего две недели, дождусь... И будет ли у него ещё такая возможность... Характером непростой, обидчивый, вспыльчивый, как порох, но и отходчив, живёт чувствами, потом уж умом, не надорвался бы, не стал бы пить опять же, когда один останется...

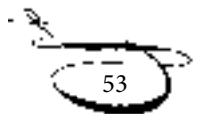
...Всё это мои догадки...

...Но точно знаю, как мучило её бездействие, её, вечную раноставочку, всегда приговаривавшую «встанешь раньше, шагнёшь дальше», как порывалась она помочь, когда жена возилась с дочкой, а Машенька маленькая, голосистая с самого рождения, «ну, держитесь, всех по углам разгонит!» таким напутствием провожали нас из роддома, не давала сварить кашку, требуя к себе самого что ни на есть пристального внимания. А ноги не держали Машеньку старшую, чуть побродит по дому и всё. Голова кружится, тошнит, ноги как ватные, в руках сил никаких, пытается есть через не могу, понимает надо, надо – а всё обратно лезет...

...Помню, как стеснялся я, становясь юношей, созревая, маминой, как мне казалось тогда, чрезмерной опеки. Вон, мои одноклассники уже вечером на танцы в клуб ходят, а мне сразу после киносеанса домой велено возвращаться... Почему, ну почему, меня мама не понимает?..

...Да понимала она меня! Лучше меня самого меня знала, и понимала, и угадывала, что меня ждёт!

Летом, девятнадцатым уже моим летом, вдруг затосковал я, измучился совсем, ожидая любимую девушку, считая дни тягучие, да когда же она, без которой жить просто не могу, вернётся с педагогической практики из пионерского лагеря, измучился от того, прежде всего, что чувствовал какую-то страшную несправедливость по отношению ко мне сейчас где-то там происходящую. Мучался, бродил бесцельно по городу, выбрел однажды на берег Оби, встретил там какого-то художника, выпил с ним, и понеслось... Пришёл, точнее, приплёлся домой ночью, мама, конечно же, не спала, раздела меня, спать уложила, а утром я проснулся от её взгляда. Рядом сидела с кроватью, смотрела на меня, я думал, что сейчас ругать меня начнёт, стыдить и по

делу всё это будет, я и оправдываться не смогу, виноват так виноват, а мама обняла меня, вдруг, поцеловала, взъерошила мои и без того спутанные волосы и сказала: «поэт ты мой, поэт»... И всё.

А я ведь ей никогда о своих потаённых мечтах о писательстве и не признавался, страшно стеснялся этого...

А успел маме прочитать один из своих рассказов, успел. Одна жизненная ситуация так меня взволновала, так я расстроился по этому поводу, что два или три вечера из-за стола не вставал письменного, никого не слышал, ничего не видел. Сидел, писал в самой маленькой комнатке нашего маленького домика, комнатке, где на пяти квадратах уместились трельяж, кровать и письменный стол. Стол купили минувшим летом, солидный такой, первый письменный стол у нас, тёмная полировка, три ящика для бумаг: готовлюсь, готовлюсь писателем стать, а тут ещё следом, осенью, выкупил пришедшую посылкой большущей пишущую машинку «Ортех», аж за сто пятьдесят рублей – во, как вооружился!

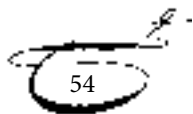
Написал рассказ и маме предложил послушать, она здесь же на кровати за моим писанием наблюдала, уже «отделялась», уже никого не хотела мучить своей бессонницей от боли физической – приступы поначалу были всё больше по ночам. Прочитал, волнуясь, мама похвалила. Перепечатал написанное в трёх экземплярах, и пришлось машинку надолго зачехлить. Совсем нас беды одолели, не до печатания стало. Батя потерялся...

Много-много лет спустя меня осенило: да не мог отец иначе! Лопнула та пружина, что держала весь батин стальной механизм, лопнула. И он всё понял. Понял и отчаялся, а отчаяние для русского человека ищет выхода в забытьи, а чтобы забыться надо напиться. Такая вот простая схема.

Он тоже очень надеялся на тот напиток-выжимку из конского навоза... Приехали они тогда с мамой из пригородного хозяйства оживлённые, в дороге, видно, нашли успокоение: ничего, Мария, поправишься, какие наши годы!.. А через месяц, уже в новом 1988 году, маме ничего не помогало, худющая стала! – отец не пришёл вечером с работы. Ночь бессонная для всех и Машенька маленькая, словно что чувствует, не спит совсем...

Утром звонил на работу на канифольно-терпентивный завод, где отец в столярном цехе работал, там ничего не знают, тоже отца ищут, вчера аванс давали, посидели немного мужики, как полагается...

Ждали, искали, где можно, я адреса вычислял, где мог отец притормозиться, но и

второй вечер наступил, затем ночь – нету батяни... Собирались в милицию заявление подавать, и тут вечером поздним как что-то толкнуло: вышел во двор, пошёл к воротам оградным, возле них Шарик возится, волнуется собачка... Открыл ворота, а рядом с ними отец родной лежит. Нагнулся к нему: дышит, что-то бормочет даже. Весь в крови, ладно, ещё одетый да в валенках... Домой завёл, при свете и вовсе страшно на него смотреть. Всё лицо в кровоподтеках, синяках, шапка чужая, измызганная, одежда в соломенной трухе вся... Ничего сказать не может, ноги подгибаются, бормочет да стонет только... Кое-как обмыли его, повели с женой в поликлинику нагорную, кто-то же там дежурит в это время, Машеньки дома остались...

В больнице отец пролежал до апреля, память частично восстановилась, но меня с двоюродным моим братом путал, по-первости особенно... А что мать-то наша лежит, не встаёт, всё спрашивал, а это чей ребёночек маленький всё плачет?.. Со временем более-менее всё у отца со здоровьем в норму пришло, так только, провалы в памяти случались.

Он переживёт маму на шестнадцать лет, ещё два раза женится на бабушках вдовых – жених-то завидный, хоть и со странностями некоторыми, но что же с того: не буйный, мастеровитый, без дела не сидит... И первую бабушку похоронит, она городская была, знала его по заводу, где тоже когда-то работала. А со второй сойдётся уже в Тягуне, куда переедет жить, там ведь и могила материнская, и сестра родная Лида, и брат родной Володя живут...

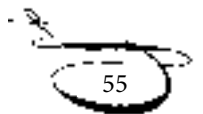
А умирать привезу я его в Барнаул и похоронен он будет рядом с мамой. С той единственной и неповторимой, что встретил в мае 1948-го и полюбил на всю жизнь... «Я же однолюб», – помню его слова, ещё из детства, так он иногда под хмельком проговаривался, а я думал, что это такое «однолюб»?..

А что с ним тогда в том морозном январе приключилось, так полностью и не мог вспомнить. Кажется, говорил, поехал я к дружку, с кем ещё по молодости, до тюрьмы шалили здесь на Горе. Дружок, вроде как на Горе и жил до сих пор, на улице Фоминской, вот к нему и забрёл, кажется...

Кувося, так мы за её курносый носик прозвали, сразу заявила себя певицей. Голосистая! На всю Гору слышно, нашу Кувосю, нашу Манюню, особенно, когда дело до купания доходило.

Родилась с весом в три двести, а к шести с половиной месяцам доча наша на весах в поликлинике потянула уже на семь килограммов шестьсот граммов. И рост у нас уже 64 сантиметра, на пятнадцатисантиметровую линейку выше стали. И два зубика у нас, и ползаем мы, и понимает уже – где, кто, что...

А улыбка!.. Голливудской звезды у нас улыбка!

И зиму мы пережили, по весне с теми же пелёнками-распашонками всё полегче. Сушатся быстрее, да и быстрее ещё на свету-то расти будем сами. Принаряжались уже в вещи, папой из-за границы привезённые. Умора, конечно, так они нам ещё велики, но вырастем, обязательно вырастем! И петь будем частушки, как бабушка Маша, и плясать будем, как дедушка Валя...

Жизнь в зальчике нашего домика разгоралась, новыми красками наполнилась, сверкала всё ярче и ярче, а за стенкой в маленькой комнатушке уже и не спалось совсем человеку, самому для меня дорогому...

И не выдумка это, а быль, хотя и поверить трудно.

Доче ещё двух лет не было, и как-то мы с ней остались одни – жена попала в больницу. Вдвоём с ней дома, укладываемся на ночь. Смеркается в нашем домике, тихо, покойно кругом, часики лишь жизнь отсчитывают, да кошка Мурка в ногах калачиком пристроилась, мурлыкает.

Я Манечке сказку рассказал, сам от этой сказки и задумался, загрустил, видно, ещё и вздохнул при этом тяжело...

А этот человек родной, что же он такое почувствовал, что?

Какая догадка его пронзила?

Души ли наши обнялись в этот момент, не знаю, но как же по-взрослому он, человек этот, вздохнул и погладил меня по волосам, и взъерошить их попробовал своей ручонкой...

Апрель, особенно со второй половины, так жарко принялся свои права отстаивать, так солнышко землю пригрело, что травка обманулась, поспешила зазеленеть на припёках.

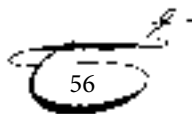
Шарик Мурку на крышу загонит, подбежит к отцу, он на завалинке папироску смолит, заглядывает ему в глаза: отчего один, где матушка-то? А маме и вставать уже тяжело, ноги, руки – как спички, личико высохло, вся высохла, как девочка. Но когда Кувосю услышит, лепет её, улыбается. Но и улыбка через силу, всякое движение ей боль причиняет...

Наверное, действительно в такие времена человек просто тупеет. Потому как перенести всё это, видеть всё это, и оставаться при этом нормальным просто невозможно. Этим отупением и можно только спастись от сумасшествия.

Май наступил... Ах, да что там!..

Что до всего этого?! Апрель закончился... май наступил... весна... ошалевшая от наступившей свободы страна...

Что всё это значит и зачем всё это?

Когда уже начинаешь и забывать, как выглядела мама до болезни... Когда уже привык к её высохшему телу, когда жена и сестра Таня пытаются бороться с пролежнями, когда в одном уголке детский красный горшок, а в другом жёлтая посуда «утка»...

Так что же, жизнь – это место, где жить нельзя?

И жизнь – это место, где не жить невозможно?

Двадцать второго мая с утра мама не забыла напомнить всем, что сегодня внучке Машеньке девять месяцев.

А вечером мама произнесла последние слова.

Я зашёл с улицы, накурившись пред этим, прошёл к ней, рядом сидел на стуле покачиваясь и вздыхая, отец. Мама тихо-тихо, еле слышно, одними губами произнесла:

– Сыночка, не кури...

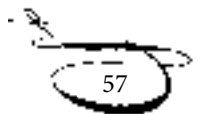
В последние дни приезжала молоденькая медсестра, длинные темные роскошные волосы, белый халат, высокая грудь, талия, джинсы, футболка, я всё это подмечал, какая она красивая, фигуристая... и смелая... Подмечал, втайне ужасаясь, да как я могу об этом думать, сейчас?! Она, звали её Ирина, приезжала из того мира, где радость, свет, совсем уже скорое лето, буйство зелёных красок... заходила к нам, бойко взглядывала на меня, проходила к маме и ставила ей укол, после которого мама на некоторое время затихала, не стонала. Уходила, торопясь, её ждала «Скорая», так же задорно одарив меня заинтересованным взглядом.

За пять дней до смерти приехала из деревни мамина мама, моя бабушка Катя. Восьмидесятидвухлетняя, она смотрела на шестидесятилетнюю свою дочку, сидела с ней рядом, молчала. У нас спрашивала, есть ли здесь у нас в округе старушки, умеющие отпевать.

За три дня до смерти я бегал по поликлиникам. Медсестра Ирина ставить укол не приехала, я пошёл выяснять, почему. Сказали в нашей нагорной поликлинике, что этого наркотического лекарства нет, отправили в другую поликлинику.

Поехал туда. Там на меня наорали, приняли за наркомана, я ответил матерно, кажется, меня и правда, потряхивало. Но и здесь ничего не удалось решить: нет лекарств отвечали мне, усмехаясь.

Тридцатого мая я пил с утра и пил весь день. Пиво, водку, опять пиво... Очнулся поздним вечером между какими-то гаражами. Отряхнул пыль, пошёл пешком домой... Тридцать первого мая... Не помню, что было тридцать первого мая... А вечером первого июня в десятом часу мама умерла.

СЛОВО – НЕ ВОРОБЕЙ

Прости ты меня, конечно, дочка, только зачем ты такие слова нехорошие своему собственному ребенку говоришь? «К черту иди!» Ну, сама вижу, что не ангел он у тебя, ну дак на то у него заднее место и имеется: шлепни разок-другой – ума подбавь. А к черту посылать... Слово – не воробей, зазря, что ли, говорят. Можно словом одним таких делов натворить, что век потом локти кусать будешь. Сколько случаев было; вот пошлют кого-нибудь как ты: черт заberi! – и ладно бы кого, а то своего родного, и пропал человек! Как в воду канул, ищут – все без толку. Находят иногда потом, да поздно – мертвого. Не веришь? Так и я б не верила до поры... А вот если б, не дай Бог, с твоим отцом такая беда, как с моим, случилась, так и не такому б поверила.

Где-то мне лет восемь тогда было, когда вся эта заваруха вышла. Мой отец в емтеэсе работал на тракторе. До сих пор помню, газогенераторным назывался трактор этот, а отчего такой – не знаю. Знаю только, что прежде, чем заводить, щепочками его растапливали, как печку. Поле-то как раз почти за нашим домом и было. Мы ведь не в деревне жили, а в бригаде, на хуторе бывшем. Там раньше хозяева свои были, а когда колхоз сделали, раскулачили их, выслали куда-то. А на лето селили в нем работником емтеэс с семьями. Две семьи нас там: я, мамка да отец, другая семья большая, ребятишек токо человек шесть, да муж с женой, понятно. Мы-то в малухе жили, а они – в доме. А еще с ними в комнатке отдельной старуха одна жила. Сродственница тех хозяев прежних. До того стара была, что не тронули ее. А может, и оттого не тронули, что боялись. Добрая ведьма была! Детей малых ей не показывали, взглянет – изурочит. Бывают такие и сейчас. И не знаю, с чего невлюбила она моего отца, он-то ведь ее семью не выселял. Ко мне, к матери – ничего, бывает, поздоровается, хотя обычно – все молчком, а вот как его увидит, так и начнет браниться, на чем свет стоит. И все – то «черт тебя заberi», то – «нелегкая тебя унеси». А отец мой человек на редкость спокойный, только знай посмеивается себе: «Унесет когда-нибудь, куда ж я денусь». Другой бы на его месте и ударить мог, а он только...

Однажды попросилась к нам какая-то женщина ночевать. Поначалу-то к соседям постучалась, мол, пустите на ночь. А куда с такой оравой; к нам таким разом и попала. Просилась на одну ночь, а вышло так, что почти две недели прожила. Погода плохая стояла. Дожди зарядили – целыми днями без продыху, кругом такую грязь развезло – не то что по колено, а по пояс в прямом смысле. Куда в такую погоду человека отпускать. Не помню уж, как звали ее правильно, не то Клавдия, не то нет, ну, да и Бог с

ней. Но хорошая женщина, покуда у нас жила, так во всем матери по хозяйству помогала. Она какой-то особенной веры была, ходили в то время такие люди из деревни в деревню, в веру свою звали. Она и с родителями моими такие разговоры вела, но не приняли они слов ее: мол, ночевать – ночуй на здоровье, а разговоры нам твои такие ни к чему, охота была лишнюю заботушку себе искать.

А я ей, видно, по сердцу пришлось, приглянулась. В первый же вечер подозвала она меня к себе, посадила на колени, гладит по голове, а сама давай всякие разности рассказывать, да все больше про чудеса. Даже матери моей такие рассказы понравились. Ну а мне, вестимо, еще интересней. До самой ночи ее сказки слушала, так и заснула, прям на ее коленях.

Много чего она мне рассказывала: про старых людей, которые раньше на Руси жили, про то, как кладь нечисть всякая оберегает. Я, конечно, мало что запомнила. Восемь лет мне... Ну ребенок. Но одно мне, не знаю уж от чего, но как в душу запало: коли прилетит к окну птичка и клюнет в стекло – быть беде, помрет кто-нибудь в этом доме. А если хочешь беду отвести прочь, так хватай палку и скорей эту птичку бей.

Распогодилось, засобиралась Клавдия, поблагодарила родителей за угол, пошла дорогою своей. А матери на память иконку оставила – махонькую такую, медную, уж не помню, что за иконка, но долго потом еще она у мамы была.

А отец мой на другой день, как Клавдия ушла, опять со старухой соседской разбранился. Пока дожди стояли, она из клетушки своей носу не выказывала, а тут и выползла на Божий свет. Отец во дворе с трактором возился (они всегда его со сменщиком на ночь во двор загоняли – мало ли, что случится, отвечай потом), он что-то у него никак не заводился. Она подошла, смотрит на него, головой качает, вылупилась, как сова, ворчит что-то себе под нос. Не вытерпел отец: «Чего тебе, старая, надо-то? Что ты за мной все ходишь? Шла бы куда подальше, не мешалась». А она в ответ змейей зашипела: «Вот погоди, черти тебя заберут, нехристь. Заберут вместе с машиной твоей чертовой». И захихикала: «Заберут! Заберут!» Отец, добрая душа, остыл уже, успокоился: «Заберут, коль ты говоришь, помрешь вскоре поди, так вот им скажи, они и заберут». Она сразу хихикать перестала. Зыркнула на него и в дом пошла. Отец посмеялся, починил трактор и поле поехал. Поле-то почти за домом было. Мать тоже ушла, одна я дома осталась. Сижку, куколку качаю – была у меня тряпичная. Вдруг словно кто-то заставил меня обернуться. Вижу, подлетает к окну птичка, маленькая такая, воробья размером поменьше будет, но красивая, разноцветные перышки у нее. Вцепилась коготками в раму, в перекладину, посмотрела на меня: глазки у нее точно пуговки маленькие, блестящие, а потом клювом о стекло: клюк. Повертела головкой по сторонам и опять: клюк.

Вспомнила я Клавдины слова сразу, как током меня ударило, озноб прошиб. Не

знаю, как так быстро в себя прийти сумела, ведь ребенок совсем. Видно, Бог помог. Выскочила во двор, схватила щепу, что у поленицы лежала, и к окну. Хотела птицу эту стукнуть, как Клавдия учила. Она от меня в сторону – пырх. Но далеко не улетает, села на карниз. Я в нее щепой кинула – промахнулась. Птичка опять на другое место – пырх. Я опять кидаю, и опять – мимо. И так много раз. А она, птичка-то, веришь, нет, словно дразнится, далеко не улетает. Порхнет в сторону и опять садится, на меня посмотрит, головой покачает. Так за ней я весь двор обежала. Кидаю в нее, что под руку попадет. Она под конец от меня в палисадник, да там меж кустов ей лететь неудобно, тут я в нее и попала. Упала она наземь. И, веришь, дым какой-то из того места повалил. Перепугалась я. Реву дала, и домой. Шасть на печку, забила в самый угол и сижу.

Немного погодя слышу шум какой-то во дворе. Мать прибегает, вся в слезах, перепуганная: с отцом беда стряслась – перевернулся на тракторе. И как вышло? Ладно бы пьяный был, а то... Ноги все себе переломал. Долго потом болел он. С работы пришлось уволиться, выехали мы из той малухи. И то ладно, что живой. Повезло, можно сказать, еще маленько и насмерть бы убили.

Я им не сказала сперва про все. Да и кто бы слушать стал, не до меня им было тогда. Потом долго еще не решалась сказать, вдруг не поверят, еще и отругают ни за что. А потом рассказала все-таки. И поверила мне мать. «Это, – говорит, – все старая карга накаркала. Да и ты хорош, – это она уже отцу, – молот языком всякую чушь, вот и договорился».

Да и еще, старуха-то та умерла вскорости. Тоже не спроста, поди...

Видишь, как одно слово нехорошее столько беды натворить может. А ты braniшься так, не думая. И ладно бы на кого, а то на родного сынка. Знаю, любишь ведь его, ишь как на тебя похож. Ну, вот и не ругай так больше. Лучше уж по заднице пару раз ремнем стегани. Это – ничего, это – можно!..

ЧТО НА РОДУ НАПИСАНО

(деревенские побасенки)

Как человеку на роду написано, так все и будет. Это уж куда как точно – старые люди зазря, что ли, так говорили. Они ведь понапрасну языком молоть не станут, не то, что нынешние. И согласен с ними я в таком вот утверждении. По себе судить могу. Хотите случай один?

В 43-м году, под Курском (я в пехоте воевал) стряслась со мною напасть: разболелся зуб у меня коренной – пренеприятная вещица, словом. До того боль адская, что прям хоть волком вой, на месте не усидеть: поноет-поноет, вроде как отпустит, а

потом как даст резко – будто кто ложкой ковырнет – аж до самых мозгов достает. Я уж и сало прикладывал, и водой с солью полоскал, и спиртом – ничего не помогает. И само дело-то в том, что вся эта напасть со мной на передовой стряслась, в санбат не сходить. Вот вам смешно такое услышать, наверное. Я сам, такое кто расскажи, засмеялся б. Но тогда не до смеху мне было, до того я измаялся, что хоть стреляйся. «Что б я такую боль терпел, – думаю, – пусть лучше убьют, все меньше маяться». И вот, под такое-то мое состояние, получаем мы приказ наступать. Атака началась. Поднялся я в полный рост и прямо на немцев иду, не пригнусь. Вокруг пули свистят, рев, грохот, кричат что-то, а я как чумной иду, ничего, что вокруг творится, не замечаю, «Ура-а-а!» ору, не столь для храбрости, сколь от боли. Вдруг что-то губы мне обожгло и в щеку как вдарит. Помутнело в глазах, покачнулся я, хоть на ногах и устоял. Ничего не вижу, чувствую, как что-то у меня изо рта потекло соленое, но не останавливаюсь, машинально вперед бегу. А через какое-то мгновение чувствую, боль-то утихает потихоньку. До сих пор понять не могу, как так получилось, что пуля мне в рот попала, зуб больной выбила и через щеку вышла. Вон шрам этот на щеке с того раза и остался. Верите, нет – дело ваше. Много наших тогда полегло, а мне только зуб выбило, да и тот больной. Вот тогда-то я в судьбу и поверил.

И еще раз со мною было. После войны уже. В леспромхозе я работал. Раз послали меня на дальнюю деляну посмотреть, как там работа идет. Приезжаю, время уже около полудня, а на деляне нет никого. «Что такое? Неужто пьянствуют? Коли так, держитесь у меня!»

Решил в доме посмотреть. Там недалеко домик стоял. Раньше заимка была, а теперь вот лесорубы обосновались. Оставил машину, а сам напрямик через лес подался, там метров двести иди-то. А благодать кругом: теплынь, ни ветерка, воздух смоляной, душистый.

Захожу в домик, а лесорубы-то в домино стучат. До того в азарт вошли, что меня и не заметили. «Ну, – думаю, – работники! Сейчас я вам задам перцу!»

Как гаркну:

– Это что такое! Почему здесь, до обеда еще далеко. Кто норму выполнять будет?!?

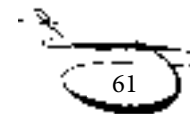
Они вскочили. Оправдываются, мол, что это ты, Петрович, зазря кричишь. С утра – вона сколько напилили, отдохнуть решили. Сейчас перекурим чуток и валить пойдем...

– Постой! А покуда ты к нам добрался-то?! Мы машины не слышали.

– Да вон, – рукой показываю, – через те сосны, а что?

Они за головы хватаются:

– Так ведь они подпилены стоят.

Тут и меня в пот холодный бросило. Сосны-то те в три обхвата, подпилили их и оставили, они стоят на корню, как живые, а случись чуть ветерок, от меня и места мокрого не осталось бы.

Вон оно как бывает-то. Так что, как ни крутись, а от своей судьбы не убережешься. Хотя, случается, что и пытаются некоторые. Зря, конечно...

Другой опять же случай расскажу, с молодости еще запомнился. Где-то в начале тридцатых история та началась. В деревне соседской, в Варгашихе, километров пятнадцать от нашей будет (теперь уж нет деревни той), старуха жила. На картах ворожила.

И до того здорово у нее это получалось, что со всех окрестных деревень к ней приезжали. Она никому не отказывала, всем гадала: кому хорошее выворожит, кому худое.

Чудно люди устроены. Все им знать наперед, что их в жизни ждет. А зачем, спрашивается? Ведь все хорошего ждут от жизни-то.

Ну, это конечно, понятно. Кто же хочет, чтобы с ним чего нехорошее стряслось? Только уж мир наш так устроен, что не может у всех все хорошо всегда быть. Вроде бы просто додуматься до такого. Ан нет. Выслушает иной, что ему знатка наворожила, и зло на нее затаит. «Накаркала, ведьма! Врет, поди, все!» Обиженные уезжают. А подумали бы, она, что ль им такую судьбу уготовила. Самих-то кто звал? Сами, поди, приезжали, знать хотелось. Не может же она всем все хорошее обещать, это уже не гаданье, а обман сплошной получается.

Только никого старуха та не обманывала. Она ведь, вроде даже как не из простых была, не из крестьян. Но точно не знаю, напрасно говорить не стану, но что кому скажет – точь в точь сбудется. Один к одному.

Однажды нагадала одним, что парнишонке ихнему от ихнего же колодца беда от исходит. Потонет, наверное. Само собою, не понравилось имя такое предсказание. Парнишонко-то у них один был, остальные – девки. А всего четверо у них было, да еще жил с имя дед старый, сродственник. Хорошо жили, в достатке. А тут такое.

Тимофей (хозяин-то) на жену свою, как от ворожеи вышли, накричал. Мол, и приспичило ж тебе, дуре, такую даль ехать, чтоб подобную брехню слушать, врать-то я и сам могу, зря только время потратили.

Поругать-то поругал, а сам все ж поостерегся. Поверил-таки, видать. А может, и нет, кто знает. Но на всякий случай поостерегся. Колодец свой на другой день засыпал, сруб раскидал, все с землей сровнял – и следа не осталось, воду у соседей брать стали.

Прошло лет пять, шесть ли. Знатка, что им ворожила, померла уж к тому времени. Парнишонка у них уже маленький стал, лет десять. И не болел, ничего. Тут еще заметочка выпала.

Пошли они с дедом по малину в лес, да на медведя и напоролся. Тогда это не так уж редко случалось. Перепугались, конечно. Дед убежал, даром что старый. А парнишка-то поотстал малость, запнулся, упал. Дед из кустов глядит: зверь к мальчонке подходит. «Конец, – думает, – парню». А тот со страху кричать не может, всхлипывает да назад по земле перебирается. А медведь подошел, обнюхал его, облизал лицо и в лес назад ушел. Выскочил дедуня из кустов, парня за руку – и домой скорей.

Так и жили.

А тут случилось, что в самый разгар лета, в сенокос, заболел парень, ни с того, ни с сего затемпературил вдруг. Хозяйство, известно, не терпит отлагательств, управляться вовремя надо. Тимофей с бабой в поле поехали, соседке за сыном наказали приглядывать. А той есть, когда времени-то, коли у самой мал-мала меньше. Проглядела.

Приезжают эти с покосу, парня в доме нет. Поискали, а он в огороде мертвый лежит. И как раз на том месте, где у них колодец раньше был.

Ну что сразу и приуныли как-то вы? Унывать самое последнее в жизни дело. Печалиться – куда еще не шло, а нос вешать никогда не стоит. Не к тому я рассказывал, что, мол, надо сидеть и руки сложить. И с судьбой иной раз поспорить можно. Только не так, как эти. Живи по-людски, глядишь, судьба сама тебе улыбнется. Слышал я в детстве от одного человека сказку. С большим смыслом сказочка.

Жили-были на белом свете в одном селе два мужика. Один богатый, а другой бедный. У богатова все в хозяйстве ладится, денег куры не клюют, жена-красавица, а все одно счастья нет. А у беднова хозяйство само заваливающееся, одна коровенка, в доме хоть шаром покати, все богатство – одна гармоника. До двадцати пяти лет дожил, а все не женат. Только он хоть и бедный был, а всегда весел. Все ходит да посмеивается, на гармонике наяривает, песни поет. Да как поет! Заведет веселую – ноги сами в пляс просятся. Затянет грустную – аж встрепенется душа вся. Не то, что девки – молодницы, и те на него заглядывались. А он все один. «Не встретил еще, – говорит, – ту, к которой бы всем сердцем прикипел. А без любви, что за жизнь?»

Завидно было богатому, что сосед его счастливо живет. Он и предлагает как-то вечером:

– Пойдем, Ваня, в трактор, посидим, о жизни побалакаем.

– Пойдем, только вот денег у меня нету нонче.

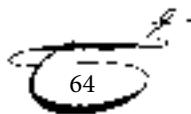
– Так я угощаю, – настаивает богач.

– Ну, коли так, так отчего ж не сходить? – соглашается Иван.

Ну, пришли они, выпили, закусили, все как полагается. Разговоры завели. Богатый и спрашивает:

– Скажи мне, Иван, только честно, отчего это ты все время весел?
– Потому весел, что счастлив я.
– А в чем твое счастье-то? Ни семьи у тебя нет, ни денег, ни даже дома путного. Я вот в достатке живу, а не весело мне.
Поглядел на него Иван внимательно и говорит вроде как шуткой:
– А оттого это, Ариша, что переживать-то мне не из-за чего. Тебя судьба поймала, крепко в руках держит. А я свою – всегда изменить смогу.
– Как так? – удивляется богач, – разве можно человеку самому судьбу свою изменить?
– Можно, Ариша, можно, – смеется Иван.
Обидно сделалось богатому, показалось ему, что куражится над ним сосед.
«Ладно, – думает, – проучу я тебя. Вот попадешь к уряднику за неуплату, по другому запоешь». Сам говорит:
– Что-то душно мне тут стало. Пойду на улице постою. Ты обожди пока.
Взял и ушел домой.
Долго ждал его Иван. Трактир уж закрывается, а Ариши все нет. Понял тогда, что обманул его богач. А тут и трактирщик плату требует.
Нечего Ивану делать. Расплатился он своей гармоникой, да и к дому подался. А уж ночь на дворе, темно. Идет Иван. И хоть жаль ему гармоники, а все ж не унывает. «Ладно, – думает, – потерплю пока, а там, коль эту не выкуплю, другой обзаведусь».
И песню затянул.
Вдруг кто-то ему поперек дороги встает. Поглядел Иван: стоит перед ним старуха дряхлая, вся в белом, а через плечо у нее мешок завязанный. Шагнул он в сторону, старуха опять перед ним, шагнул в другую – та же картина. Растерялся Иван:
– Что ты, бабушка, такая-сякая, пройти мне не даешь?
– Хорош молодец, нечего сказать! Обойти, и то не может! А я и есть судьба твоя. А в мешке этом твоя жизнь. Ты вот давеча похвалялся, что изменить меня можешь. Вот я и пришла на такого героя взглянуть, – засмеялась нехорошо старуха. – Вот сейчас развяжу мешок, и вся жизнь твоя улетит. Ну, наврал ты, выходит?
– Наврал, бабушка, наврал, – соглашается Иван, – прости меня, дурака. Только вот скажи, сделай милость, тяжка ли моя жизнь?
– Ох, тяжка, ох, тяжка, – запричитала старуха, – вишь, как меня согнуло в три погибели.
Не верит Иван:
– А не врешь ли ты, бабушка? Мешок-то уж не больно и большой. Дай-ка я сам проведу.
Взял у старухи мешок. Прикинул.

– И впрямь тяжка, – говорит.
А потом вдруг как даст этим мешком судьбе по голове.
Охнула судьба, упала в грязь дорожную, да так и осталась там лежать.
А Иван, не долго думая, подхватил мешок и был таков. Никто его больше с той поры в деревне не видел, и что с ним стало потом, тоже не знаю. Судьба-то его на дороге лежать осталась.
Вот такая вот сказка. Так что сами решайте, стоит ли вам с судьбой тягаться. Вы молодые, вам жить!

Екатерина НАГОВИЦЫНА

МИ-24

Боевым подругам посвящаю.

1

– Ну, ты и сволочь! Тварь ты такая-растакая! Ууу, ненавижу тебя, гадина, сука, чтоб тебя в ключья разорвало!
И Славок в сердцах треснул по обшивке гаечным ключом, плюнул под ноги и, матерясь под нос, пошел прочь.
Славок меня терпеть не может, как, в прочем, и я его не жалую. Так что нелюбовь у нас взаимная, давняя, но тут уж надо идти по порядку, а не прыгать с пятого на десятое.
Начну с того, что «тварь, гадина и сука» – это я. Я – МИ-24В. Да, для гражданских я вертолет. Для военных – вертушка, крокодил. Для своего экипажа – Девонька, Малая. Вот уж, нашли малую, все ж, больше восьми тонн живого железа, и это без загрузки. А для механика Славка я тварь железная, тупая и вредная. Ну, что ж, тут каждому свое. У вас, наверное, сразу возникает вопрос – а почему Девонька-то? Вертолет же!
А тут дело простое, как люди рождаются либо мужчинами, либо женщинами, так и техника, появляясь на свет, наделена душой, технической, но определенно либо женской, либо мужской. И соответственно в процессе жизни, ну, или по вашему месту использования, опыта общения с людьми и внутреннего состояния, характер наш меняется. В какую сторону? Да у каждого в свою. Как, впрочем, и у вас.

Но это я отвлеклась. Я боевой вертолет, можно сказать в самом рассвете сил, нахожусь на откомандировании в Северокавказском регионе, на X-м аэродроме. Рядом стоят мамки Ми-8 и Ми-26, они похожи на больших куриц-наседок, хотя в миру последних называют коровами и даже сараями, но они не обижаются ни на то, ни на другое. Ми-8 и Ми-26 добродушные, в общем-то, гражданские многоцелевые вертолеты и, попав на войну, мягко говоря, чувствуют себя не в своей тарелке. Очень сильно переживают и часто тихонько, по-женски, плачут по ночам, жалея ребятишек, которых все время куда-то увозят, а потом забирают, и частенько только тела. Потом эти тела уносят другие, и смывают с пола шлангами загустевшую кровь. Тяжело им на войне. Да и не боевые это машины – большие, уязвимые, не готовые к бою. Мечтают, чтоб скорее военные конфликты кончились, и перейти в разряд гражданской авиации. Детишек катать, грузы перевозить, спокойно, без спешки помогать людям.

Чуть вдалеке стоят Миги и пара Сушек – мужики. Хорошие самолеты, но немного заносчивы и амбициозны, особенно Сушки, любят нос задрать. Но, как ни крути, красавцы, особенно в профиль, и тем более, в правый. Считают себя настоящими боевыми спецами, не разменивающимися на всякую мелочевку. А вот это уже камень в наш огород. Но тут что сказать, с техническими возможностями не поспоришь – девчонки. И летаем мы не так быстро, и высот таких не берем, да и с вооружением у нас попроще. Но, все-таки, авиационный бог создал нас боевыми единицами, с военным характером, большой работоспособностью, и мы не ропщем на судьбу, не вздрагиваем от взрывов и не плачем ночами. Да и мечты у нас с Ми-8 и Ми-26 сильно отличаются – ну зачем в гражданской авиации боевые вертолеты? Лес им рубить, что ли, крупнокалиберным пулеметом? Так что наше место в военных конфликтах, в этом мы схожи с Мигами и Сушками. Может, в таком необходимом боевом содружестве есть своя прелесть. В том, что какими бы разными мы ни были, какими бы душами и характерами ни обладали, но есть сигнал на боевую работу, от которого напряженно вздрагивают Ми-8 и 26, а все другие замирают в тревожном ожидании – кто летит?! Когда адреналин закипает в воздухе и растекается по жилам, проводам и шлангам. И оставшиеся с облегчением и завистью смотрят вслед уходящим в небо. На боевой вылет. На работу. На войну.

2

По-разному складываются наши отношения и с людьми. По какому-то неписаному закону мы знаем, что без них мы не сможем. Наверное, закручивая последнюю гайку в моторе, именно люди пробуждают нашу душу в куче многотонного железа. И по этому же закону – люди главные. Вернее, у вас есть право на первичность действия.

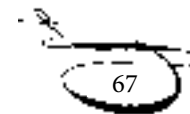
А мы с готовностью вслушиваемся и подчиняемся. Но... что табу для мирной жизни, на войне иногда может и попирается. Ведь при всей своей силе, уме и профессионализме, вы – люди – такие уязвимые. А на войне чувства усиливаются, ведь жить хочется не только вам. Да и вражескую технику, и смертоносное оружие мы чужим своим техническим шестым чувством. Режим «Свой – Чужой» работает обостренно.

Поэтому иногда и происходят на боевых вылетах странные случаи, необъяснимые человеческой логикой, заставляющие летчиков потом суеверно креститься и молиться своим богам. Хотя, может, бог у нас и общий.

А еще мы легко чувствуем людей. Это необъяснимо, но стоит взглянуть в человека, вдохнуть его запах, вслушаться в голос, и он становится нам понятен, прозрачен, мы даже видим его душу – небольшое свечение в области сердца, иногда оно красивое, солнечное, с яркими бензиновыми разводами, а иногда цвета отработанного масла.

Вот, например, мой летчик, майор Василь – с теплым, бархатистым свечением. И человек он хороший, спокойный и уравновешенный, с твердым характером, пусть иногда и бывает резок на высказывания, но не без оснований, с внутренним стержнем, с правильным пониманием жизни, ну и, соответственно, смерти. Без нужды не лихачит, машину бережет, как он любит говорить, но если надо, то значит надо, действует уверенно, без истерик, и выжимает из ситуации по максимуму. А еще очень любит жену, сына и дочку. Семейную фотографию прикрепил на бортовую панель, и обязательно на них поглядывает перед взлетом. Ну, и я тоже украдкой люблю на них взглянуть, так что, вроде, тоже члены экипажа.

Под стать ему и штурман – оператор вооружения, Сенька-Сэмэн, с ярким цветным узором души, балагур и весельчак на земле, получивший свою кличку за то, что легко мог говорить специфическим одесским говором. Семен был парнем легким на подъем и на разные авантюры, вследствие чего влипал в различные истории, вспоминая и рассказывая которые, несказанно веселил окружающих. Но этими приключениями периодически доводил свое командование до белого каления и, соответственно, заглаживал свои грехи постоянными командировками в Северокавказский регион. Со временем так свыкся со своей участью бесшабашного охلامона, что уже даже и не рвался в мирную, но такую сложную жизнь, где его, впрочем, никто и не ждал, кроме матери да нескольких друзей. Писал рапорта на продления командировочного срока, которые с удовольствием подписывало его руководство, перекрестившись и поплевав через левое плечо. Так как неудобный и неугомонный Семен был лучшим в своем деле, преобразался на вылете и становился образцом боевого офицера. Вот такой был у меня экипаж. Вообще-то, положено, чтоб экипаж состоял из трех человек, двух летчиков и бортингенера, но война и время диктовало свои условия, летчиков не хватало, а Василь был человеком с огромным опытом и налетом, ну и Семен с лихвой

справлялся и за штурмана, и за стрелка, и за второго пилота. Так что в коллективе у нас была полная идиллия и взаимопонимание. Работать с такими людьми было сплошное удовольствие.

Чего не могу сказать о механике Славке, с всегда липкими вспотевшими ладонями и черной разливающейся жижей на месте души.

Он сосед с Василем и Сенькой, с последним они даже учились в одном классе. Из одного города, с одной улицы, дома стоят рядом. При встрече Славок радушно улыбается, приветствует, а внутри разливается чернильным пятном ядовитая горечь. Ненавидит он парней, завидует и злится. В глаза лыбится, своей противной тонкой улыбкой, а за спиной гадости говорит, особенно любит про Семена что-нибудь похлеще завернуть, приукрасить его проступки. А так как рассказчик он знатный, то слушают его на земле, открыв рот и покачивая головой. Ну не может он спокойно относиться к тому, что не собачатся парни между собой, не собирают и не смакуют слухи друг про друга, что понимают с полуслова. А еще больше бесит его, что горит и ладится все в умелых Сенькиных руках. Да еще и то, что не хнычет, не впадает, как многие, в депрессию или запой. За то, что, несмотря на все наговоры, любит его народ, за готовность помочь, приободрить добрым словом, хорошей шуткой, когда сил ни у кого уже нет. Бесится Славок и пакостит по-мелкому, чтоб при случае попало Сене, да наконец-то разлад наступил в команде. Ну и я отвечаю ему тем же, то гайки придержу, то пальцы прижму, то железные части под его тупую башку подставлю, чтоб побольнее треснул. Вот так и живем.

3

Работаем мы двойками. Со мной в паре молоденькая девчонка Ми-24П, которую недавно перегнали с отстойника. Ее экипаж, тоже совсем еще молоденькие ребята, если не брать в учет Батки – старого бортмеханика Лесопетыча, жуть как ею гордятся – новенькая, модифицированная, в ярком красивом камуфляже, она действительно сразу бросается в глаза и выгодно смотрится на нашем фоне уже изрядно потрепанных, закоптелых, в выцветшем камуфляже и с замазанными бортовыми номерами. Но в этом отношении мы, вертолеты, без комплексов и закидонов, любим по-доброму пошутить по этому поводу, без обид. А так как мою прежнюю напарницу, очень матерую и опытную, прошедшую Афган, перегнали на другой аэродром, то в двойку мне и закрепили, так сказать для передачи боевого опыта. Ее экипаж ласково называет «Наша Миля». И даже на фюзеляже, белой краской, крупно написали это имя. Мы с ней решили, что назвали они ее так в честь нашего общего прародителя и основателя Михаила Леонтьевича Мили. А Семен назвал ее Зелена Миля, сославшись на свой

любимый фильм, и даже привел Василию какие-то доводы по поводу аналогий сюжета с судьбой боевого вертолета. На что Василь хмыкнул и согласился, что вертолет действительно очень зеленый, да и летчики тоже.

Миля, хоть и молода, но с хорошим боевым настроем и задором. Это можно понять. Страха она еще не знала, а силу уже чувствует. А еще сильней хочется себя попробовать в деле, в реальном бою, а не в колыбели испытательных аэродромов, где все вокруг твои друзья и наставники. Поэтому со щенячьим азартом она спрашивает у меня, что да как, все время сводя учебу на рассказы про то, что бывает там, за пределами охраняемой территории аэродрома, и впитывает в свою подкорку любую информацию, мысленно проверяя работу всех агрегатов и в нетерпении переминаясь на шасси.

Ми-8 и 26 по-матерински вздыхают и остерегают ее от различного вида засад и обстрелов, на которые так легко попасться при взлете и посадке, особенно на незнакомой местности.

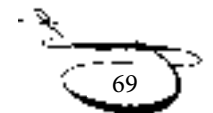
– Ты, девонька, поберегись. Перестрахуйся лучше лишний раз, раскидай тепловые ловушки, а там видно будет. Уж больно ты молоденькая, да и ребятки твои опытом не блещут. Ох, погубят красоту такую, да и сами сгинут, сердешные.

На этом они обычно украдкой смахивали наверхнувшуюся слезинку, поддавшись навалившимся воспоминаниям. А вспомнить им действительно было что.

Весь авиапарк Ми-8 и Ми-26 был уже в солидном возрасте. Ми-8 начали свою работу еще в Афгане, затем побывали и на других вооруженных конфликтах и теперь дослуживали свой век на чеченской земле. Это была отдельная тема для их тяжелых и нерадостных раздумий. Ведь хотелось им, жуть как хотелось, покоя и мирного неба.

Об Афгане они очень любили повспоминать с моей прежней напарницей. Это было время их молодости, и это было удивительное место, красивое и опасное. Направляясь туда, они еще ничего не боялись, так как не знали, что такое «переносные зенитно ракетные комплексы». Жизнь казалась им полной веселых приключений и военной романтики, пока не начали гибнуть первые из их выпуска. Сгорая яркими факелами, они падали в пасти скалистых пропастей, с тоскливым предсмертным воем разбитых моторов, которому вторило доносящееся снизу полное ликования и злого восторга – Аллах Акбар!

И вот сейчас, на этой земле, все удивительным образом повторялось, напоминая им время юности. Но только опыт прожитой жизни говорил об одном, что, скорее всего, эта земля станет последним пристанищем уже для их обгоревших останков. И будут они гнить, разъедаемые ржой, где-нибудь у подножия гор, а местное население будет смачно плевать в их сторону и с довольными ухмылками ругаться на непонятном гаркающем языке. Все это может легко ждать и нас, но мы стараемся не подда-

ваться этим настроениям и оптимистично смотреть в будущее. Хотя, конечно, какое оптимистичное будущее может быть у боевого вертолета. Стать живым экспонатом в музее – это судьба для избранных единиц.

Но Миле рано думать на эту тему. В жилах ее течет еще горячая кровь из смеси горючки, масла и электрического тока, а в мечтах воздушные бои, устаревшая классика, но такая притягательная.

Уже глубокая ночь. Утром у нас предстоит первая слётка. Миля волнуется, не может уснуть, и все время тормозит меня новыми вопросами. Миги и Сушки ухмыляются, тихонечко ворчат, но не выдерживают напора юной мысли и начинают учить ее уму-разуму и рассказывать истории из своего опыта. Миля слушает на одном дыхании, внемля каждому слову.

Я благодарна им за эту передышку, и сон быстро окутывает меня своими липкими сетями, втаскивая в уже другую реальность, где оказываюсь в окружении высоких острых скал. Я лечу в ущелье и вначале получаю необыкновенное удовольствие от вида серых глыб, уходящих в небо, местами покрытых редкой чахлой растительностью. Легкий ветер гуляет в этом каменном мешке, скидывая с высот мелкие острые камешки, которые с легким шуршанием осыпаются по склонам. Во всей этой суровости есть что-то притягательное и прекрасное – это Афганистан. Я никогда не была там, но впитала в себя рассказы, прочувствовала ту жизнь, как будто наяву видела те горы, извилистые серпантины дорог, белесые выцветшие аулы, грязные бурные горные реки и даже названия Кабул, Баграм, Шинданд и Кандагар были родными, щемящими душу. Не буду скрывать, я завидовала этим матерым, запыленным, уставшим вертолетам, и очень жалела, что слишком молода, и та война прошла без меня. И вот теперь я здесь. Восторг и адреналин накатывают на меня волнами, пробегаясь по обшивке. И вдруг к чувству безграничной радости примешивается еще одно, горькое и едкое, со вкусом пороховой гари. Приходит осознание опасности и ощущение это такое неожиданное и острое, что мотор на секунду захлебывается, и я проваливаюсь на воздушных потоках. Стараюсь взять себя в руки, успокоиться, но ощущение надвигающейся беды не проходит, вкус горечи усиливается, а я судорожно пытаюсь определить источник.

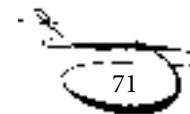
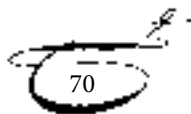
И, наконец, вижу из-за огромного валуна, похожего на спящую собаку, отделяется светящееся пятно и уходит по направлению ко мне. Внутри все сжимается в спазме. Я знаю, что это. Это ПЗРК «Стингер». Именно их применяли духи в Афгане, убивая моих друзей. Проговариваю себе, что сейчас «Стингеры» не применяются и что обмануть их легко, это не новые и умные «Стрелы», и тем более «Иглы». На мгновение успокаиваюсь. Пытаюсь отстрелять тепловые ловушки, но с ужасом понимаю, что на мне находятся устаревший тепlopеленгатор Л-166, который, как у Ми-8, расположен

на брюхе, и приемный фасетчатый блок слеп от грязи и нагара. И ничего сделать с этим я не могу. Я безоружна. А ракета приближается медленно, как во всех снах, но неотвратимо.

– Проснись! – Кричу я, с силой пытаюсь вытолкнуть себя из сна, и тем самым спастись. Но вдруг понимаю, что не сплю, что именно это и есть моя жизнь, здесь и сейчас. И именно я нахожусь в Афганистане, в составе 40-ой армии, зоны ответственности «Север», и уже несколько лет базируюсь на аэродроме в Кундузе. Сейчас лечу по ущелью от Шибаргана до Файзабада в сопровождении колонны. Внизу видна длинная змея нашей боевой техники, которая медленно, густо чадя соляркой, тянется на подъеме и не знает, что от смерти ее отделяет всего несколько секунд. А там, внутри этих маленьких машинок, сидят живые люди, молоденькие солдатики, офицеры, и в их нагрудных карманах лежат фотографии с любимыми и родными, которые где-то далеко в Союзе надеются и ждут. Я бросаю взгляд на семейную фотографию Василя и он, приобняв жену и положив руку на плечо сына, улыбается мне, поддерживая в задуманном. И сразу приходит понимание, что надо делать, всплывает заштурованная инструкция действий при обстреле. А ракета уже близко, но прежнего страха и ощущения безнадежности уже нет. Я резко беру вверх. На грани возможного выхожу на критический 70-градусный угол, вытягивая свою смерть за собой, а потом резко, камнем падаю вниз и влево, успеваю заметить, как растерялась ракета, потеряв свою и уже такую близкую цель, на доли секунды замерла, вильнув за мной, но не справилась с собственными силами и устремилась вдаль, безобидная и бесполезная. Это моя победа! И это придает мне силы удержаться и выровняться всего в десятке метров от острых камней. С ревом перегруженных моторов, в звуке которых слышны все 44 сотни лошадей, я взлетаю, разворачиваюсь к этим мерзким злобным скалам и начинаю лупить из четырех стволов, с каким-то внутренним мстительным задором всаживая 23-мм калибр в серый скальник, кроша и перемальвая, разламывая и уничтожая все на своем пути. Камни быстро окрашиваются в красный цвет. Это кровь моих врагов и врагов тех, кто сейчас по серпантину едет в броне. Скалы сдаются мне. Я, словно, приминаю их крыльями, поднимаюсь, высоко-высоко, и наконец, выныриваю в голубой простор, освещенный золотистым теплым солнцем. Вот оно, наше вертолетное счастье – находясь на грани смерти, выиграть, победить, уничтожить врага, спасти своих и окунуться в освежающую глубину неба. Вырваться на свободу и лететь, развивая максимальную скорость, не задумываясь и не боясь никого и ничего.

– Эй, Малая, давай просыпайся. Лететь пора.

Я вздрагиваю, голос Семена врывается в мой полет и замедляет его. Небо растворяется. Я просыпаюсь, понимая, что по-прежнему улыбаюсь.

Первая слётка прошла неплохо. Не обошлось, конечно, без эксцессов, но все-таки все вернулись живые и здоровые. Началось все с того, что при взлете у Мили сработали тепловые ловушки. В эфире послышался мат диспетчера, обещающего оторвать уши экипажу, если они спялят родной аэродром.

Те пытались смущенно оправдаться, искренне не понимая, как оказалась включенной АСО (АСО – автоматическая система отстрела тепловых ловушек). Пытаясь сослаться на яркие утренние блики. Я же ухмыляясь, глянула на Ми-8, точно зная, откуда ветер дует.

– Научили, перестраховщицы!

Те лишь угрюмо уткнулись в землю, делая вид, что ничего не происходит. Самолеты же не обошлись без едких замечаний нам вслед.

Но в целом полет шел нормально. Семен, тихонько матерясь в сторону, корректировал молодняк:

– Миля, куда ты жмешься ко мне! Держи дистанцию. Поцарапаешь нашу красотулю, и я лично, вторично после диспетчера, оторву вам уши.

– Есть держать.

– Куда ты сваливаешься. Уйди вправо три. Набери высоту четыре.

– Принял.

– Уходим на левый разворот.

– Куда?

– Туда! Куда ты будешь ходить без ушей от своей жены, если доживешь до дембея.

Вот так, мирно, почти по-семейному, прошел наш первый совместный полет. Миля старалась из всех сил, пытаясь загладить свой косяк с ловушками, и в остальном не подвела свой не более опытный экипаж.

– Путем. Толк будет.

Сказал Василь, после того как благополучно сели.

– Если не убьются.

Добавил Семен.

И потекли обычные рабочие будни, состоящие из сопровождения Ми-8 и 26, наземных колон с техникой и патрулирования территории с постоянным выискиванием доморощенных «Самоваров». Миля и ее экипаж быстро набирались опыта, обста-

новка, так сказать, стимулировала. Постепенно они стали всеобщими любимчиками. Летчики, двое молодых парней, сразу после учебки, Ванька и Вовка, были прозваны Семеном Чук и Гек, так как были не разлей вода, но все время бузили между собой. С Сэмэном они быстро сдружились, почуввав родственную душу, и уже тройкой тренировали нервы и терпение командования аэродрома, которое беззлобно ругало их и шпыняло, но по-отечески любило. Хотя, уже по опыту, держало ухо остро, когда небо затягивало тяжелыми тучами и на несколько дней наступала нелетная погода. Но предугадать, что на сей раз отмочит бесшабашный молодняк, не мог никто, даже многоопытный Василь.

То они ночью на Ми-8 нарисуют белую полосу по борту с черной надписью «Ночной дозор». То восстанавливают киношный рецепт ликера «Шасси» в новом исполнении, дав ему гордое название «Шасси 2», ну или «Второе шасси», со всеми вытекающими из него последствиями. То начинали играть в старую игру «Пекаря», в которую быстро втягивался весь личный состав аэродрома. Ну, кроме высшего начальства, которое, впрочем, не без зависти поглядывало на мелковую разлиновку на взлетном поле. А один раз устроили турнир по боксу. После чего командир Мили неделю проходил с красивым синяком под левым глазом, освещая своим довольным видом дорогу в расположении. Апофеозом было разбитое стекло у начальника аэродрома, выбитое Семеном в разгар несанкционированного футбольного матча. После чего начальник долго орал о том, что он сыт по горло их выкрутасами и отправит всех в штрафбат!

Но тучи уходили. Погода менялась и наступало время работы. И опять все по старой схеме – сопровождение, патрулирование, поиск. Один вылет, похожий на другой. Взлет – посадка.

– Что-то тихо последнее время, к чему бы это. – Заметил Семен.

– Это точно. Либо совесть замучила проклятых моджахедов, ну, либо готовятся преподнести нам подарочек. – Василь скосил взгляд на фотографию с домашними и украдкой вздохнул.

Мы уже полчаса в воздухе. Сопровождаем Ми-8 с отрядом на борту. Парни забрасываются в горный район Чечни. Надо проверить поступившие разведданные.

А красота кругом волшебная. Зима. Степная часть как будто укрыта праздничной белой скатертью. Снег укрыл все – липкую жирную грязь, похожую на пластилин, разбитые дороги, и даже местами попадающаяся раскуроченная сожженная техника стала похожа на детские ледяные горки. Воздух, очищенный недельным снегопадом, прозрачный, почти хрустальный, глядя борта, приятно холодит и взбадривает. Идеалистическая мирная картинка. И вдруг защемило, разливая по жилам тревожное предчувствие надвигающейся беды. Я знаю это чувство. С земли запустили ракету. Что именно – устаревший «Стингер», как во сне, туповатая «Стрела», или все ж,

«Игла»? Черт! Мысленно толкаю Семена тревожным импульсом, и он, настроенный со мной на одну необъяснимую волну, все понимает еще до сработки электроники.

– Командир, справа!!!

– Горка говна с изюмом!!!!

Василь резко завалил машину вправо. Но я не обижаюсь. Я понимаю, что пытается сделать командир, и с готовностью подчиняюсь, самостоятельно набирая обороты и увеличивая скорость за доли секунд до команды. Ведь на данный момент я и Миля, оснащенные системой ЭВУ, находимся в относительной безопасности, а главная цель ракеты Ми-8, вот кто сейчас открыт в небе и уязвим. И командир торопится, отслеживая глазами стремительно приближающуюся ракету и давая команды по рации Ми-8, пытается успеть вклиниться между ними.

Черт, опасно, ох, как рискованно командир, сгорим, блин! Но тороплюсь, заранее начиная выплевывать тепловые ловушки, пытаюсь отвлечь «Стрелу». Ух, как страшно. На фюзеляже выступил конденсат – прошиб все ж холодный пот.

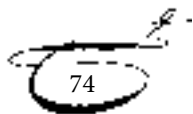
– Не бойся, Малая, все вертолеты попадают в рай, – шепчет Семен, глазами следя, как ракета, уверенная в своих силах, выбрав себе жертву, с ядовитым шипением режет небо, и, оставляя длинный белесый хвост, быстро сокращает дистанцию. Неужели не успеем. Ми-8, с надрывом мотора, старается уйти ввысь. Чужа приближающуюся смерть, как курица, пытается спасти своих цыплят, которых прикрывает железными боками. Но не вытянуть. Не сможет тягаться с реактивным снарядом. А я смогу. Из последних сил успеваю, врываюсь и ловушками обманываю ракету. Та в запале погони, ослепленная, нырком уходит к земле и достать уже нас не может.

А мы набираем высоту, торопясь уйти в низкие облака, куда, секундами ранее, спряталась Ми-8, сопровождаемая не менее ошарашенной Милей. Но с земли уже гулко застрочил пулемет, стараясь отомстить за просчет. Не хватает десятка метров, чтоб укрыться в спасательном полумраке облаков. Пули со свистом прошли обшивку, разбили блистер и пробили левое крыло. Хорошо хоть, провода не перебили. Боль разрывается во мне и растекается по корпусу, сковывая движения. Ух, как больно, «штурм» вам, гады, в бок! Слезы обиды и боли закипают, но перебивает чувство злой досады.

– Ну, падлы, держитесь!

Это то ли я кричу, то ли Сеня. И резко снижаюсь, вынырнув из спасительного укрытия, разворачиваюсь и возвращаюсь к месту засады, и уже мой пулемет начинает работать, вспахивая белый снег, оставляя грязные глубокие борозды. В ответ огрызнулись враги.

Это они зря!!! Этого мне и надо было. Заметив цель, со свистом уходят ракеты. Эти отомстят за все – за боль, за страх, за движение на пределе возможного. Земля

озаряется разрывами. И я с удовлетворенным чувством наслаждаюсь звуком взрывов, который ласкает мой слух.

– Получили, ублюдки. – И Василь устало стирает капли пота с лица.

– А еще у нас есть камни за пазухой! – Кричит довольный Семен, откидываясь в кресле, на секунду прикрыв глаза.

6

Кто сказал, что мы железные и нам не больно. Больно, ох, как больно. Но надо терпеть, молчать, чтоб не выдать свою слабость, живую душу. А еще нельзя допустить, чтоб механик Славок, понял нашу ахиллесову пяту. Хотя, судя по тому, как долго и бестолково он ковыряется в моих ранах, и с каким удовольствием на десятый раз, не считаясь со своим личным временем, которое он в обычной ситуации очень ценит, переклепывает заплатки на крыле, то складывается ощущение, что все он знает и сейчас целенаправленно мстит мне за все. Но сил ответить ему той же монетой уже нет. Измотали меня – бой, дальний полет, парней все ж надо было доставить до места назначения, дорога домой. На обратном пути мы сделали круг над местом боя и в очередной раз результатами остались удовлетворены. Белый снежный саван был вздыблен и разорван вывороченной землей, раскиданными камнями. Но больше всего радовали взгляд останки крупнокалиберного пулемета и кровавый след, стелющийся вокруг черной воронки. Вот он цвет нашей победы, ровно как и нашего поражения – грязь, гарь, кровь. И только снег стыдливо прикрывает и оправдывает нас перед природой.

По прилету парни устало поплелись в расположение. Славок же, узнавший про бой, с готовностью отозвался на ремонтные работы и вот уже пару часов с удовольствием садиста ковырял мои внутренности.

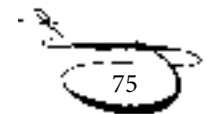
– Ублюдочные духи, чему вас только учат, уродов. Вертолет и тот подбить не смогли. Тупые бездари. Понтарылые волки свободной Ичкерии. – Бормотал он, скаля свое и без того неприятное лицо.

– Что ты там ворчишь все время? Слазь, я сам доделаю. – Внизу стоял Василь.

Славок вздрогнул и выронил из рук молоток, который, стукнувшись об крыло, в аккурат, отлетел и ударил его по ноге. Уж в такой мелочи я себе отказать не смогла. Славок взвыл, со злостью пнул меня в бок, слез на землю и, матерясь, пошел прочь.

– Задолбали! Доделывайте свое ведро сами! – И он быстро скрылся из вида в наступающем вечернем тумане.

Василь, молча, проводил его усталым взглядом, погладил меня по криво заклепанной заплатке и вдруг уткнулся лбом в обшивку, по-мужски смахнув наверхнувшу-

юся слезу. А потом подошел Семен, спокойный, деловитый, без извечных шуточек, похлопал командира по плечу, и они, быстро, как хорошие врачи, без боли отремонтировали пробоины.

А позже еще долго сидели в кабине, пили коньячный спирт, думая каждый о своем и в то же время об общем, как будто втроем вели неспешную внутреннюю беседу, понятную только нам, которую невозможно обратить в слова. Да и как можно высказать все, что наболело – внутреннюю усталость, ощущения рядом бродящей смерти, бездарной и непутевой организации работы, неизменного предательства, продажности, зависти, тупости и повсеместной непроходящей глупости. А еще – какого-то щемящего ощущения в глубине души...

7

– Ноль шестой, ноль шестой, поддержки огнем. Попал в засаду. Несу потери. Квадрат тридцать семь точка пятнадцать. По улитке – восемь.

– Принял. Держитесь. Скоро будем.

Я набираю обороты. Семен корректирует Мило. Мы спешим. В засаду попала разведгруппа майора Горвачева, старого друга Василя. Подружились они еще в Таджикистане, где дислоцировались рядом. Периодически встречались и в первую чеченскую компанию. Жутко радовались друг другу и обязательно приходили в гости. Пили, жарили картошку, пели под гитару и всю ночь напролет разговаривали, вспоминая тех, с кем сводили их фронтовые дела и дороги.

И вот теперь майору нужна была помощь. О предстоящей зачистке Василь знал, как, впрочем, знал, чьими силами она будет проводиться. Старые друзья встретились за пару дней до боевого выхода. Просидели полночи, но на этот раз не пели, а обсуждали предстоящую работу, подводные камни и возможность попасть в засаду на данном участке при утечке информации. И, судя по всему, информация утекла, как всегда – неизвестно, какими путями. Их уже ждали. Бандиты были готовы и хорошо вооружены. Обманули дозоры, дождались, когда разведчики втянутся в труднопроходимый сложный участок, и захлопнули огненный капкан. Группе приходилось тяжело. Горная местность, занятые боевиками высоты давали им преимущество и делали их практически неуязвимыми. Отойти вниз и укрыться в зеленке тоже не получилось, так как при первой же попытке путь отрезали длинные пулеметные очереди хорошо замаскировавшихся духов. Засада была хорошо продумана и подготовлена. Боевики, предчувствуя скорый конец боя и легкую победу, гортанно орал – Аллах Акбар. Разведчики в ответ отгрызались взрывами гранат, автоматным и пулеметным огнем, но силы явно были не равны. Пока. Пока из-за отвесной скалы не вынырнуло две хищ-

ные морды небесных крокодилов. Я всегда любила смотреть на лица людей в такие моменты. Один из чеченов, обернувшись и не ожидая увидеть в такой близости вертолет, выронил взведенную гранату себе под ноги, которая не замедлила сработать. А я уже крутила пулеметный барабан смерти, раздавая бесплатные билеты врагам на тот свет. Точечным ударом ракет присоединилась к этой музыке войны Миля. Среди боевиков началась паника. А по склону, в унисон нам, раскатисто неслось родное, непобедимое русское – Ура!

– Спасибо, братишки! – Прохрипел в рацию майор. Он был легко ранен, но не переставал координировать цели. А мы уже были в запале боя, не ощущая ни усталости, ни собственной боли, ни боли врагов. Мы упивались и наслаждались мстостью, и в этом было какое-то необъяснимое удовольствие, которое мог понять и разделить только воин.

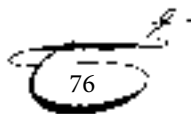
Миля заходила на очередной заход, включив АСО, действуя точно, как мы с ней отрабатывали, учитывая опыт применения штурмовой авиации в период Великой Отечественной войны. Стараясь активно использовать маневр «Круг» при нанесении ударов по наземным целям. Суть его заключалась в том, что, подходя к заданной цели, ведущий группы боевых вертолетов наносил первый удар и, выполняя вираж, заходил в хвост ведомому, таким образом мы замыкали круг и прикрывали друг друга. Жаль, только что нас двое. Эх, развернулись бы, если б, нас было три двойки! Но, мечты, мечты.

Невольно я все время приглядывала за Милей, с внутренним удовлетворением отмечая, что держится она уже уверенно и осмысленно. Ловушки яркими фейерверками разлетались в стороны, и мне от этого огненного дождя на душе становилось спокойней за нашу девчонку. У меня же ловушки кончились еще в прошлый вылет, и взамен Василю ничего не дали, сославшись на нехватку.

И вдруг, в самый разгар боя, я явственно почувствовала кровь. Ее металлический вкус ни с чем не спутаешь. Что это? Но понимание случившегося уже навалилось. Бронированное лобовое стекло и обшивка были прошиты пулеметной очередью. А голова второго летчика безвольно упала на грудь, пробитую в нескольких местах. По летному комбинезону расплзались бурые пятна. Кровь тонкими струйками стекала и впитывалась в сиденье.

– Семен, подожди, потерпи... – прошептала я, но теплая человеческая кровь подсаживала мне, что все, уже поздно. Вы, люди, такие несовершенные. Вкус крови, вкус смерти впитывался в меня. И вдруг горе потери чего-то родного и любимого навалилось тяжким грузом. Рухнуло и придавило, сковав в спазме крика движок. Резанув болью и разрывая внутренности. Хотя, нет, не только горе.

В хвостовую часть попала ракета, выпущенная боевиками, которые, хотя уже

и понимали тщетность своего сопротивления, но еще огрызались, отступая, бросая своих убитых и раненых. Снаряд раздробил хвостовую балку, разбил винт и закрутил меня, как раненую собаку, пытающуюся унять боль. Василь, поняв, что случилось, пытался сбалансировать вертолет, вывести из крена, и почти смог, когда второй удар опрокинул меня в противоположную сторону и на секунду лишил сознания. Вторая реактивная граната решила мою судьбу. Из этой передряги мне не вытянуть, это понимание с удивительным спокойствием пронеслось во мне. Да и желания бороться уже не было. Осталась только боль, острая колючая душевная боль, которая затмила боль физическую. Сенька-Сэмэн, мой человеческий друг, который часами возился со мной, что-то подкручивая и налаживая, который разговаривал со мной, делясь своими радостями и бедами, переживаниями и мечтами, душа компании, но по-своему очень одинокий – был мертв. И внутри меня все было раздробленно, убито. Вкус человеческой крови смешивался с едким запахом перебитой проводки – витающая рядом смерть объединяла нас.

– Все вертолеты попадают в рай. Правда, Семен...

Я вздохнула, покрепче притянув ремнями к креслу убитого летчика, будто обняв его.

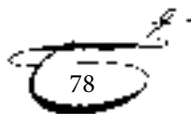
Только одно еще удерживало меня в воздухе. Кинув прощальный взгляд на семейную фотографию командира, я вдруг сделала то, что по нашим неписаным законам не имела права делать. Но война иногда стирает многие запреты. Почти рывком, на разбитых лопастях, вытянула до скалистого уступа и без сил рухнула на него.

Со скрежетом и грохотом запрокинулась на бок, целенаправленно вырывая о зубчатые камни правую дверь летчика и выламывая под силой падения часть фюзеляжа вместе с креплением кресла командира и, уже не цепляясь ни за что, сорвалась с обрыва. Двигатели, разбитые ракетой, не работали, но обломанный несущий винт медленно вращался, разворачиваемый воздушными потоками, закручивая меня в штопор.

Я падала, заметив напоследок, как кружится на пронзительно синем фоне неба Миля, в остервенении расстреливая врагов, мстя за меня, за первую потерю ее жизни. В ней было столько горькой, но гордой силы и особой, боевой красоты, что я невольно улыбнулась. А потом был удар и яркая вспышка взрыва.

8

Василь на секунду пришел в себя, ничего еще не понимая, ощутив лицом, холод снега и очень этому удивился, но осознать не смог, снова провалившись в забытие. Второй раз он пришел в сознание, аккуратно поддерживаемый майором Горвачевым, взгляделся ему в лицо и вдруг сразу все понял. С трудом поднялся, стянул с головы шлем и, шатаясь, подошел к краю скалы, зажимая рукой рот от крика, стоа, нечело-

веческого воя, пытаясь проглотить застрявший острый, разрывающий горло ком. И до боли в воспаленных глазах вглядывался вниз, где в зимних сумерках, среди камней, вздыбленной земли и растаявшего снега, догорала его вертушка – Ми-24В и его боевой товарищ, второй летчик, штурман, жизнерадостный и никогда не унывающий Сенька-Сэмэн. И на долю секунды ему вдруг захотелось оказаться там, в глубине скального мешка, внутри этого пылающего вертолета, и лишь крепкая рука майора задержала его от этого порыва, придержав за лётный комбинезон.

– Тебя дома ждут, – прохрипел он сорванным голосом.

И Василь отпрянул от манящей глубины. Обессилено осел на землю, привалившись на плечо друга, и глубоко затянулся, протянутой сигаретой, хотя давным-давно уже не курил.

Сергей ВАСИЛЬЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК В ЭЛЕКТРИЧКЕ

*Электричка везет меня туда, куда я не хочу.
Виктор Цой*

Осветитель Петров безвольно забрался в электричку, следующую от станции «Земля» до станции «Марс». В руках у него были две тяжелые сумки, за плечом – рюкзак. Рюкзак был набит всяческими мелкими деталями бытия (деньги, книги, зубная паста, бритва, и.т.д.). Сумки были набиты едой и хай-теком.

Шесть часов от Земли до Марса – долгое, тягучее время.

Осветитель Петров сел на свободную лавку и повернулся лицом в окно. Он уткнулся лбом в стеклянную гладь и ждал, когда электричка тронется.

Она тронулась.

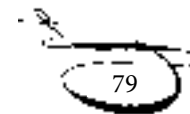
Он тронулся.

Все тронулись.

За спиной у осветителя Петрова был рюкзак. За спиной у осветителя Петрова была разодранная любовь. Любовь – маленькое чувство среди огромного мира.

Петрову было щекотно от понимания этого.

Потом он снял рюкзак и повесил его на крюк над головой. Рюкзак мешал. Самому Петрову казалось, что сзади не рюкзак, а горб.

«Квазимодо, – подумал он. – Я – Квазимодо. «О Эсмеральда, я посмел тебя желать!..»

Эти слова не имели никакого смысла, потому что он не был Квазимодо. Он был Петров.

У него не имелось горба – это просто ему так показалось. Избыток фантазии, причуда воображения.

Но от этих причуд было забавно. Интересней как-то жить становилось. Можно представить себе такое, что и во снах никому не приснится. И смаковать это представление, как вкусное мясо рака. Поворачивать его так и эдак, вертеть, словно кубик Рубика.

Электричка неслась сквозь пространство и время навстречу Солнцу. Солнцу было все равно – оно вставало и заходило, вставало и заходило. Его постоянству можно было позавидовать. Египтяне верили, что Солнце – это бог Ра, плывущий на своей лодке. Ты молодец, Ра!

За окном поезда лежал космический снег, выпавший только вчера. Поздняя вакуумная осень, сиротливого вида межзвездные деревья и белые столбы в черноте. Это навевало тоску. Но, однако же, было прикольно наблюдать, как это все проносилось снаружи. И еще – как сквозь снег тянулась к небу чахлая трава.

Это навевало тоску и всякие мысли. Петрова часто терзали мысли, терзали, как маленькие дикие ящерицы.

«Так и моя жизнь, – думал Петров, – словно эта трава. Чахнет, скоро ее занесет снегом. Бессмысленным космическим снегом».

Он думал: «Нынче поздняя осень, а скоро наступит зима. Осень и зима – это даже хорошо. Они соответствуют моему полумертвому настроению. А вот когда будет весна, когда наступит полная весна, когда наступит подлая весна...»

Птички вернутся, почки набухнут, сирень зацветет. И все будут ходить счастливыми, взволнованными, потными, пряными.

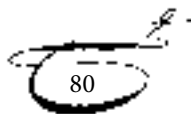
А я, положим, не смогу так. Да я же убью себя!

Быть грустным в одинокой комнате – не так страшно и глупо. Гораздо хуже быть грустным на мегавеселом, драйвовом маскараде. Стоять среди шумного бала случайно... и хмуриться. Потому что просто не можешь по-другому, не пришел в нужную форму. Потому что дамы танцуют с другими кавалерами, потому что горячительных напитков тебе не дают. Потому что просто – не нравятся маскарады.

Лучше выйти из своего коматозного состояния до весны, до всеобщего пробуждения, лучше быть готовым к весне, совпасть с ней».

– Петров, Петров!

– Кто это?

– Это я, Эсмеральда.

Он глянул прямо. Эсмеральда? Нет, это была его любовь, оставленная за спиной. Это была Люся Кнапельштицхен, оперная певица.

Она вроде как осталась за спиной. Но почему-то опять оказалась впереди и смотрела Петрову в глаза.

Смотрела так зорко, что Петров не выдержал и опустил взгляд в пол.

– Люся, оставь меня! Все это бессмысленно.

– Зачем ты едешь на Марс?

– Я хочу любить марсианку.

– А я?

– Ты же сама уехала на курорт с режиссером Сидоровым.

– Он больше способен постоять за себя и за меня. Зачем ты едешь на Марс?

– Я хочу начать жизнь заново.

– Зачем ты едешь на Марс?

– Я хочу жить там в уединении.

– Я от тебя не отстану. Зачем ты едешь на Марс?

– Ладно. Я еду туда – потому что просто куда-нибудь надо ехать. Чем-то занять свою жизнь. Я все еще люблю тебя.

– Я отпускаю тебе грехи. Хотя ты и порядочная сволочь.

– Сама ты сволочь.

Эсмеральда-Люся достала нож. С этим ножом она смотрелась очень красиво. Красное платье изящно гармонировало с черным ножом.

– Я тебя убью, – сказала Люся.

Она двинулась к Петрову.

Она размахивала ножом, как бывалый урка.

Она приближалась к Петрову.

Он закрыл лицо руками.

Он испугался за свое лицо, хотя оно было не ахти какое приятное. Но все же было жалко свои губы, свои глаза, свой нос. Особенно нос.

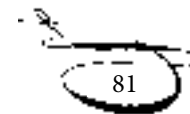
Она подступила вплотную и стала опускать нож на Петрова.

Петров закричал.

Петров проснулся и понял, что орет на весь вагон.

Электричка неслась сквозь пространство и время, изредка останавливаясь на станциях-астероидах.

Через пару минут Петров успокоился, отошел от шока непонятного сна. И стал изучать других пассажиров. Слева – две студентки, не очень, если быть откровенным,

красивые. Напротив них едет бабушка с гигантской родинкой на щеке. Бабушка разговаривает с сорокалетней тетенькой, сидящей рядом. Точнее говоря, разговаривает одна бабушка. А тетенька слушает и смачно ест бутерброд с колбасой. Петров видит ее слюни – ест она неаккуратно. Все это мерзко. Чуть поодаль еще какие-то мужички, кажется, они играют в карты и пьют пиво. И уже много выпили, судя по поведению. Они пытаются познакомиться с неказистыми дамами и делают это очень грубо.

Мерзко. Но зачем же интеллигент Петров поехал именно электричкой? Мог бы сесть на звездолетный автобус или ракетное такси. Что ж так? Просто Петров много бухал в последнее время и потратил почти все деньги, а теперь хотел сэкономить. Мало ли, что там могло случиться на Марсе.

Мерзко. Он грустно смотрел на простой люд, и понимал, что люд этот на самом деле добрый, только это такая доброта, для восприятия которой он слишком сложен. И в данном случае сложность – это большой минус.

«Как эта тетенька смачно ест! Как это мы все – жрем, жрем, жрем, а потом выделяем отходы. Да мы просто машины для переработки органики. О какая палка колбасы! Когда-то эта палка бегала по полям, ела травку и пронзительно мычала. А теперь она попадет в рот, больной гадким кариесом, пройдет через человеческие внутренности... и на выходе превратится в... сами знаете что. Если подумать, жизнь – это что-то очень смешное и нелепое. И злое. Злое по сути. Мы едим коровок, мы едим собачек, мы едим птичек, мы едим рыбок, мы едим плесень, мы ужасны».

Но на одном святом духе далеко не уедешь.

Желудок Петрова заурчал, ему самому захотелось коровки. Или собачки. Мяса. Он спокойно достал юпитерскую колбасу из сумки – совесть его не мучила. Ведь он же пристыдил человечество только что в своем жестком внутреннем монологе, апологетике вегетарианства. Это все оправдывает. Если человек делает плохое, и его не мучает совесть – он неисправимый подонок, а если человека мучает совесть, но он все равно делает плохое – он на пути к святости. Так, увы, считается.

– А где хлеб? – спросил сам себя Петров.

Засунул руку в пещеру сумки, покопался, натываясь на что-то узнаваемое. Вытащил булочку. Булочка и колбаска в полевых условиях – прекрасно.

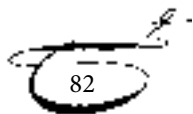
Так Петров стал тетенькой, над которой глумился.

За едой он начал изучение других пассажиров. Но ему помешали.

В салон вошли контролеры. В красивой синей форме и с озабоченными работой лицами. В руках у них были кассовые аппараты, выбивающие билеты. На пузах у них висели кошельки с деньгами. Походка их была твердой и уверенной.

Где-то в другом конце вагона уже слышалось:

– Ваш билетик.

– Вот, пожалуйста.

Петров забеспокоился и почему-то убрал еду обратно в сумку. Петров снял рюкзак с крюка и вцепился в него двумя руками, как будто это был портфель с миллионом долларов. У Петрова был билет, но он беспокоился. А вдруг он его сейчас не найдет в рюкзаке? Все подумают, что он заяц, а он никакой не заяц. Это будет позор, скандал, и его попросят купить новый билет или же вообще покинуть состав. Все подумают, что Петров хотел обмануть всех, что Петров бомж...

Но еще Петров беспокоился потому, что не любил контролеров. В их присутствии он чувствовал себя ущемлено и глупо. Так было с детства.

Тут надо сказать, что для Петрова контролеры – это не только те, кто работает в общественном транспорте, но и вообще все, кто что-нибудь контролирует. Он ненавидел воспитателей детского сада за то, что те контролировали его. Он ненавидел учителей в школе за то, что те контролировали его («Петров, ты сделал домашнее задание?»). Он ненавидел всех своих начальников («Петров, ты куда? Ты сдал отчет?». «Я в туалет». «Возьми у секретаря справку на посещение туалета», – так было в одной фирме, где Петров работал еще до осветительского периода своей жизни). Он считал, что контроль – это отсутствие доверия. Он был прав. Те, кто контролируют – злые, пошлые люди, они никому не доверяют, они создают круговую поруку недоверия. А Петров в целом доверял людям и не хотел ничего контролировать. Он считал, что мир станет лучше и светлее, если люди будут доверять друг другу. И есть лишь один способ научиться этому – отменить все формы контроля. Так думал Петров, и он был прав.

Но не станешь же это рассказывать контролерам электрички?

И вот он нервно открывает замок-молнию на рюкзаке и руками шарит по всем мелким внутренним карманам, вытаскивая оттуда деньги, ключи, записки, но только не то, что нужно.

Оп! Слава богу – билет.

К нему подходит симпатичная контролерша, она улыбается. Но Петрову все равно тошно, он вжимается в свое место и краснеет.

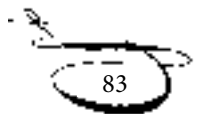
– Ваш билет, молодой человек.

– Вот мой билет. Вот мой билет, – дрожащим голосом произносит Петров и протягивает хрупкую бумажечку.

«Вот мой билет... Билет на край Вселенной», – подумал Петров.

– Все в порядке! – весело говорит девушка в форме и отдает условный талончик Петрову.

«Ей идет униформа. Почему они все ходят в униформе, эти контролеры? Почему у меня нет никакой формы, а у них есть? Чем я хуже? Почему у них есть право носить ее, а у меня нет?».

Это был уже бред и паранойя.

Однако вскоре Петров заставил себя успокоиться. Он сделал это с помощью собственной методики. Методика состояла в следующем: Петров просто начинал медленной дышать, он пытался избавиться хотя бы на пару минут от всех мыслей. Это не получалось вполне, всегда ведь о чем-то думаешь, хоть о какой-нибудь ерунде. Ну или о том, что ты не думаешь. Петров думал о ерунде. Он думал о подвигах Супермена. О комиксах про Супермена. Это всегда помогало.

А вскоре он опять вернулся к разглядыванию пассажиров. Прямо перед Петровым, лавки за три от него сидела еще один «экспонат кунсткамеры» – страшная женщина с ребенком. Женщина все время жевала жвачку и делала это крайне противно. Опять, по привычке, Петров стал смеяться над этой женщиной. Но через несколько мгновений одернул себя, пораскинул мозгами: «Блин, я же интеллигент, я должен ко всем малознакомым людям и предметам относиться одинаково. С одинаковым уважением. Или одинаковым равнодушием. Это и есть терпимость. Да, пусть не толерантность, но хотя бы терпимость. А я что? Я считаю себя центром Космоса, а всех их – жалкими? Но это не так. Все люди и предметы имеют свое место и предназначение в мире».

Потом мысль пошла по несколько другой ветке: «Блин, я же интеллигент, я даже должен быть не равнодушен, а болеть за всех за них – убогих – сердцем».

Но сердце Петрова было крайне здоровым. Как у какого-нибудь быка-осеменителя.

Тут ему вспомнился один старый знакомый, связи с которым давно оборвались. Этот знакомый до остервенения ненавидел сыр. Он считал сыр недостойной для существования расой. Он считал, что все великие неудачи истории связаны сыром. Он считал, что во всех бедах прямо или косвенно виноват сыр. Он хотел уничтожить весь сыр и жить на бессырной планете.

Но это же глупо.

Как бишь его звали, этого знакомого? Ах да, Альфод Трелиг.

Стремное имя.

«Прости меня, женщина, – внутренне (не вслух) извинился Петров. – Я больше так не буду. Я сам урод, я сам – обыкновенный урод. Все у нас, уродов, будет хорошо».

Женщина понимающе выплюнула жвачку себе под ноги, на пол. Ее ребенок захныкал. Она покорно стала его укачивать, успокаивать.

Петров в миллиардный раз отвернулся к окну. Мысли-ящерицы не отпускали его. Они то перекидывались на новые темы, то возвращались к старым.

Чаще всего этим старым была Люся. Ее лицо вновь всплывало перед глазами, и Петров старательно от него отрешивался. Он вспоминал новые и новые подробности их романа. Да, она уехала с Сидоровым – и это было очень подло. Но за полго-

да до этого, как недавно узнал Петров, у нее была еще одна интрижка. С баянистом Ивановым. А ведь Иванова Петров всегда считал своим лучшим другом. Они были не разлей вода: осветитель и баянист. Но се ля ви. Теперь об Иванове можно было выразиться так: «бывший друг». Сколько грусти было в этом определении! Это что ж такое друг должен сотворить другу, чтобы о нем отзывались, как о «бывшем»? Дружба – это же ведь навсегда. И даже если они не видятся годами, они все равно друзья.

А главное: друг предал тебя, но ты для него вроде тоже как бывший друг. Очень неприятная ситуация.

Это что ж такое надо сотворить?.. Переспать с женщиной друга...

Впрочем, все это мелкие проблемы по сравнению с огромной галактикой.

Понимал это и сам Петров. Он переключился с темы про Люсю и про Иванова на другие.

На Бога, на Зло и Добро... – но все это было как-то банально. Интересно стало, когда Петров спросил себя: «А вдруг эта электричка никогда не доедет? Она будет плутать среди астрономических дорог (гастрономических дорог – спародировал сам себя Петров), в этом звездном лабиринте, и не будет ни одной станции, ни единого шанса выйти. А вдруг она едет не туда? Едет себе на какой-нибудь «не столь отдаленный» Нептун, а я сижу тут и затылок чешу. Вдруг это все – большой обман, и нас всех везут в жуткий концлагерь? Не дай бог. Или – вдруг электричка самовольно сойдет с рельсов и пойдет напролом через лес комет, опровергая здравомыслие и логику?»

Петрова охватила паника от перечисления этих вопросов. Ему хотелось побежать по салону и истерично предупредить всех о том, что они в опасности.

Но он остановил свой порыв.

«Все будет нормально! Нормально! Нормально!»

«Никакого Нептуна, только сказочный Марс...»

Петров на четвертом часу езды опять выпал из реальности. Уснул. Снов никаких не видел. Пробуждение вызвал резкий толчок. Остановка. Машинист, видать, пьян, и тормозит слишком неожиданно. Крупный астероид – Киблясово. Центр астероидного пояса.

Заходят люди с баулами. Они приносят с собой холод, шумиху, суету. Да, от них так и веет холодом, морозцем, инеем... Чем-то таким.

«Скоро все рассядутся, скоро все уляжется», – бессвязно мыслил Петров.

Веселый мужичок в тулупе и тюбетейке проходил мимо, но потом, внимательно взглянув на Петрова, остановился. У мужичка были хитрые раскосые глаза и толстые губы.

– Здесь свободно? – спросил раскосый.

– Да, – вынужден был признать Петров.

Одному было ехать комфортней, но что поделаешь. Это электричка, а не личный пентхаус. Жизнь – это электричка, а не личный пентхаус.

Мужичок ставит сумки наверх, садится рядом, напевая при этом что-то на явно тюркском языке, вероятно, родном.

В общем, одиночество Петрова, его личное пространство, было разорвано.

А мужичок плюс ко всему жаждал попутных разговоров. И скоро он начал действовать. Протянул Петрову руку для знакомства, и назвал свое имя:

– Ахмат.

– Петров.

Петров всегда назывался фамилией, не произносил имени. Он берег свое имя для близких. Он считал, что имя (а значит, и самого человека) можно осквернить частым произношением.

Ахмату были пофигу эти темы.

– Ахмат. Ахмат, – повторил он.

– Угу – нерешительно кивнул головой Петров.

– А я с Киблясово еду, – всё, попутчик начал триндычать. – Киблясово – астероид хороший, хоть и маленький. Я там две месяца работаю уже. А сейчас домой решил съездить на выходные, семью навестить, водочки выпить, сам знаешь. Работаю я. Прораб я на стройке. За всю свою жизнь чего только не строил. Даже коттедж мэру. Да, в 95-м году. А сейчас вот в Киблясово – заказ поступил. Бригада у меня исполнительная, все сделают...

– Угу, – сказал Петров.

– Очень-очень мне нравится, как сейчас все есть. Жизнь моя налаживаться стала. А раньше часто денег не было. Я счастливый человек. Жена у меня, знаешь, какая красавица! А дочка, дочка! Приезжай ко мне в гости – на мою дочку посмотреть. 20 лет. Все при ней. В институте учится. Экономистом будет.

– Экономистом?

«Какая пошлость!» – мелькнуло у Петрова в голове.

– Ага. Экономистом. Экономить будет. Все сэкономит. Красавица, умница – говорю тебе. От женихов отбоя нет. Но я в строгости ее держу. Правда – когда дома. А дома я сейчас нечасто. А может, выпьем?

– А есть?

– Есть.

– Нет. Я не буду.

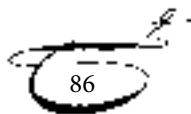
– Ну по маленькой...

– По маленькой?

– По маленькой.

– Не буду.

Недавно у Петрова был запой все-таки, и, слава Богу, он сейчас об этом вспомнил, пусть нетвердо, но отказался, воздержался от водки. Смог, проявил свою волю.

– А ты как, что? – начал спрашивать Ахмат. – Зачем на «Марс»?

– Да... дела... так надо...

– А кем работаешь?

– Работал. Осветителем. Уволился.

– Осветитель? Это что ты делал?

– Ну вот в театре, когда представление было, я прожекторы, софиты настраивал, – пауза. – Включал. Я, можно сказать, самым главным человеком был в театре. Я сеял свет во тьму зала.

– А ты уверен, что сеял свет? – за одну секунду Ахмат почему-то посерьезнел.

Петров не успел ответить.

Ахмат продолжал:

– А вдруг темнота того зала – на самом деле свет? Просто глаза зрителей воспринимали его как мрак. Но если это был свет, то ты не освещал, а наоборот – омрачал. Ты сеял мрак. Ты был королем прожекторов мрака...

Длинная пауза.

– Идиот, ты сеял мрак. Идиот, ты сеял мрак. Идиот, ты сеял мрак.

Больше Ахмат за всю поездку не проронил ни слова. Такая вот странность.

А Петров впал в депрессию. Пошел курить в тамбур, хотя в тамбуре курить запрещено. Зажигалка долго не хотела зажигаться, Петров нервно шевелил большим пальцем, сигарета становилась мокрой в губах... и на глаза почему-то наворачивались слезы.

Ура: вспышка – и можно подкурить.

Затем он пошел в туалет: справить нужду особой нужды не было, но надо было чем-то себя занять. В туалете находился долго и смотрел в зеркало. И сказал зеркалу:

– Эх, тоска зеленая!

Сплин.

– Эх, тоска зеленая! – откликнулся уставший человек из зазеркалья.

Петров вышел прочь. Вернулся в салон. Пересел на новое место, подальше от Ахмата. Ахмат был не против, Ахмат будто превратился в каменного божка-истукана.

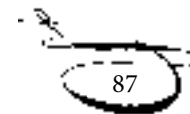
Затем Петров поел. Затем попил. Принял валерьянки. Стал шептать как молитву: «Скоро приеду. Скоро приеду. Скоро приеду».

Время тянулось медленно, но все-таки тянулось, шло. Вот осталось каких-то сорок пять минут. Потом полчаса. Потом пятнадцать минут.

Петров собрал свои вещи и пошел с ними в тамбур. Он шатался, нагруженный бараклом, его взгляд блуждал по сторонам. На прощание он зацепился за мальчика, который вытащил из носа соплю.

Петров зашел в тамбур. Мальчик вытер палец об сиденье.

В тамбуре Петров, находясь в каком-то ступоре, долго-долго внимательно-вни-

мательно изучал надпись на двери: «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ». Не прислоняться, ни к чему не прислоняться, ни к кому не прислоняться, в этом мире не прислоняться...

Больше ничего в голове Петрова не было. Он тупил. Он устал ехать.

Наконец, наконец, наконец – долгожданная остановка. Сзади другие люди – они, как и Петров, затаили дыхание...

ШуууууХ! – дверь открылась. Можно выдохнуть

Петров быстро-быстро спрыгнул на перрон.

«Да здравствует воздух свободы! Воздух счастья и долгой счастливой жизни!»

Петров побрел по асфальту к автобусной остановке. И вдруг понял: что-то не так. Все, что было вокруг, было очень узнаваемым, как будто Петров здесь уже был. Дежа вю?

Он оглянулся на здание вокзала. Вывеска на здании гласила: «Станция «Земля». Что за черт?!!

Сзади, в двух шагах от осветителя, катил куда-то свою тележку бородатый старичок, похожий на Карла Маркса.

Петров резко повернулся и начал разговор.

– Что ж это такое, дед? – спросил нервно Петров. – Я уезжал с Земли и вернулся на Землю.

– А чего ты хотел, милоч? С Земли не убежишь.

– Но я же купил билет до Марса.

– Значит, хреновый у тебя был билет. Фальшивый, неправильный.

– И что же делать?

– Ничего. Просто живи на Земле.

– Вот блин. Я так не хочууууу...

– Это суровая правда действительности...

– Вот блин!

– Это твоя судьба.

– Вот блин!

– Это твой крест.

– Вот блин!

– Это твое.

– Вот блин!

Больше дед ничего не сказал. Он укатил со своей тележкой по направлению на восток.

Петров поставил на сумки, запрокинул голову вверх и заорал во всю глотку на серую тучу над вокзалом. Туча вот-вот грозилась пролиться дождем.

А два десятилетия спустя к власти пришел Сталин, и жить стало веселей.

Павел ЧЕРКАШИН

ПЕРЛАМУТРОВАЯ РАСЧЕСКА

«...Стоит ли объяснять, что чем старше становится человек, тем сильнее его привязанность к любимым вещам – свидетелям и друзьям его жизни. С каждым прожитым годом человеку дороже то или иное событие и то, что связывает с прошлым, с воспоминаниями. Обычно, это какая-нибудь вещь, пусть даже безделушка. Не правда ли? И уже не он властен над ней, а она над ним. Но, вот странность, человек рад такому рабству. А свободу от него считает катастрофой, потерей себя. Несколько утешает то, что подобное происходит лишь с возрастом, когда веноч лет уже не столь лёгок, как в юности. Но неизмеримо труднее приходится тому, у кого привязанность к вещам оказалась врождённой. И к тому же, если такой человек по досадной ошибке считал себя их хозяином». Из одной статьи.

Все события, которые произошли с Николаем Игнатьевичем весной 1995 года, случились из-за того, что в один из понедельников он обнаружил пропажу своей расчёски.

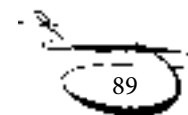
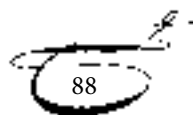
Сразу надо сказать, что сам по себе факт потери в данном случае необычен, ибо наш персонаж – человек очень пунктуальный и очень педантичный. Хотя, если взглянуть сторонним поверхностным взглядом, может показаться, что ничего примечательного в нём совершенно нет. Обычный мужчина пятидесяти шести лет (а он на столько и выглядит), работающий рядовым учителем русского языка и литературы в средней школе областного центра. Разве что идеально аккуратен.

Стоп, стоп. Вот тут-то, пожалуй, уже и есть первая зацепка. Изумительная безупречность Николая Игнатьевича невольно остановит и заострит ваше внимание, и вы обязательно обернётесь назад, если случайно встретите его на улице с неизменным блестящим портфелем в руке.

В школе он явный образец для подражания. Как для учеников, так и для учителей. Чтобы к чему-то можно было придраться в поведении, в одежде или в исполнении обязанностей – да никогда! Даже смешно хоть раз засомневаться в этом. У Николая Игнатьевича всегда всё в полном порядке и всё, как говорится, по своим полочкам. Он – визитная карточка школы. Недаром его фотопортрет двенадцать лет беспрерывно висит на районной доске почёта. Лишь год назад его снимали для замены на новый, учтя поправку на возраст учителя.

Как же так получилось, что исчезновение расчёски повлекло за собой глобальные перемены в размеренной жизни Николая Игнатьевича? Тем более (и что самое главное!) сам Николай Игнатьевич в пропаже никак не виновен. Сам он расчёску потерять не мог никогда.

Чтобы это понять и более не сомневаться, необходимо побывать в квартире у нашего учителя.

В мягком полумраке коридора мутно блестит монотонно качающийся маятник настенных часов. Без четверти семь. Утро того самого рокового понедельника, круто изменившего всю оставшуюся жизнь Николая Игнатьевича.

Вот довольно уютная спальня. За не зашторенным окном хорошо виден небольшой балкончик, где на металлической подставке разместились несколько цветочных горшочков салатного оттенка с невысокой ухоженной зеленью камнеломки и фиалок. На тахте безмятежно спит ещё ничего не ведающий хозяин квартиры. Лицо спокойно, аккуратное дыхание бережно вздымает и опускает грудь.

Со стороны кухни едва слышно доносятся шаркающие шаги. Розалина Павловна уже встала и готовит супругу обычный завтрак. Она старается всё делать очень тихо, но, по обыкновению, это у неё никак не получается. Вот снова упал нож, и в ответ слышен невольный вздох досады.

Розалина Павловна полная противоположность Николаю Игнатьевичу. Рассеянная, ужасно неловкая, отчасти из-за своей щедрой полноты, иногда туго соображает, что не всегда приятно мужу. Впрочем, Николай Игнатьевич достаточно терпелив и ещё никогда в силу укоренившихся привычек поведения не повышал голоса на свою благоверную. Да это было бы и лишним. Розалина Павловна сама глубоко, искренне переживает каждую допущенную оплошность и всегда извиняется, добавляя при этом, что совершенно недостойна своей половины. Вот такая Розалина Павловна.

– Розочка! – радостно возвещает из спальни Николай Игнатьевич, и Розалина Павловна от неожиданности чуть не роняет из рук заварочный чайник. – Я уже проснулся!

– Прекрасно! – дежурной фразой откликается жена.

Минуту спустя Николай Игнатьевич в ванной. Тугая струя ударяет в дно раковины, и вот уже слышны частые всплески и бодрое покряхтывание от холодной воды. После умывания наступает очередь бритья. Кстати, бреется он два раза в день, утром и вечером, и весьма тщательно.

Пока совершается традиционный утренний моцион, давайте на минутку заглянем в кабинет Николая Игнатьевича.

Застеклённая молочного цвета дверь открывается легко и бесшумно. Какая необыкновенная чистота и идеальность! Ни пылинки! Всё скрупулёзно протёрто добросовестной рукой Розалины Павловны. Невольно складывается впечатление, что кабинет Николая Игнатьевича, несомненно, есть «святая святых» в этой семье.

Напротив двери окно, уже вымытое после зимы, и письменный стол с пятью выдвигаемыми ящичками. На столе под накладным толстым стеклом расписание уроков и ещё несколько листов с необходимой информацией. Слева во всю длину стены большой, почти под потолок, доставшийся по наследству от отца, вместительный

книжный шкаф. Как и на столе, за его дверцами всё идеально и упорядоченно: отдельно художественная литература, отдельно методические пособия и журналы, отдельно словари и всевозможные справочники. И на каждой полке с завидным тщанием соблюден алфавитный порядок.

Что ещё? В правом углу от окна тумбочка с грампластинками, а на ней не новый, но в хорошем состоянии переносной проигрыватель. На правой стене не менее десятка простеньких, выполненных пастелью портретов русских писателей. На полу ковровая дорожка, на потолке люстра. Всё. Конечно, если быть до конца дотошным, то ещё можно заметить белую кружевную салфетку на подоконнике (десятидневные старания Розалины Павловны) и стоящую на ней сухонькую гипсовую статуэтку Николая Алексеевича Некрасова. Теперь – всё.

Несомненно, обстановка кабинета – лицо и суть его хозяина. Всё было, как вы убедились, просто и со вкусом, хотя и несколько необычным для нашего времени. Старомодным что ли.

Вы наверняка обратили внимание, что интерьер сравнительно невелик, но не это самое главное. А вот отметил ли кто-нибудь из вас, что у каждого предмета, который находится в кабинете, своё строгое определённое место? Как будто для каждой вещи с несуетливой заботой и любовью было выбрано и узаконено раз и навсегда единственное расположение. А ведь это важно отметить. И не только в кабинете, а во всём, что напрямую связано с жизнью Николая Игнатьевича, я не побоюсь повториться, присутствует неизменный закономерный порядок, как в таблице химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева.

А вот и Николай Игнатьевич. Умытый, с выбритым до синеватого блеска подбородком. На нём аквамаринного цвета рубашка, изящный галстук и на совесть отутюженный костюм. Но что это? Он явно чем-то огорчён, выглядит растерянно и машинально трёт виски.

– Розочка, – произносит он беззащитно и с тревогой в голосе. – Роза!

– Ау, – добродушно отзывается супруга.

Николай Игнатьевич мгновение молчит, шаря рукой в левом кармане брюк, потом недоумённо спрашивает:

– Ты мою расчёску не видела?

– Расчёску?

– Да.

– Твою?

– Господи, да! – умоляющим тоном выдавливает из себя Николай Игнатьевич и вновь тщательно исследует карман, нет ли там дырки. Дырки нет.

– Нет, Коленька, не видела. Иди завтракать.

– Какое завтракать! – обиженно восклицает Николай Игнатьевич. – У меня расчёска пропала. Я непричёсан. Видишь?

Розалина Павловна выглядывает в коридор. Она удивлена и тоже встревожена. Ещё бы, первый раз Николай Игнатьевич так возбуждён.

Желая помочь и успокоить его, она торопливо идёт к трельяжу, возвращается и протягивает мужу другую расчёску.

– На, причешись этой.

– Это не моя – однозначно отказывается Николай Игнатьевич.

– Ну, пусть, не беда.

Долгое мгновение он ошарашенно смотрит на непонятливую супругу, потом его словно прорывает:

– Как не беда? Моя расчёска пропала – это ерунда? У меня ещё никогда ничего не терялось! Понимаешь ты это? Никогда! – возмущённо, но гордо восклицает Николай Игнатьевич.

Да, сложно поверить, но у Николая Игнатьевича, действительно, за всю сознательную жизнь до сего дня ещё ни разу ничего не терялось. Всё всегда оказывалось на своём месте в нужный момент.

Для расчёски это был левый карман брюк. Теперь её там не было.

Представляете, какой трагедией показалось для такого человека как Николай Игнатьевич нарушение установленного им порядка.

– Это просто невероятно! Она не могла потеряться! Это невозможно! – то и дело выкрикивал Николай Игнатьевич, суетливо метался по квартире и перебирал руками все вещи, что попадались на глаза, в поисках расчёски.

Впервые покой вещей был так грубо нарушен. Только сейчас открыто проявилась ещё одна черта в характере Николая Игнатьевича: трепетно любя и оберегая все свои вещи, он в то же время требовал от них беспрекословного «послушания». И любая из них должна была быть послушной и верной. Тем более, что сам Николай Игнатьевич был исключительно верен им.

Многие из находящихся в квартире учителя вещей были уже завидными старожилками. Некоторые верой и правдой служили своему хозяину около тридцати лет. Например, статуэтка Н. А. Некрасова, которую ему, обладателю красного диплома, торжественно подарили на выпускном вечере в педагогическом институте.

О расчёске разговор особый.

Она хоть и была сравнительно более «молода» среди других, всего-то шесть лет, но Николай Игнатьевич очень дорожил ею, как памятью о приятном минувшем.

Шесть лет назад ему исполнилось пятьдесят лет, и администрация школы с пышной речью вручила своему самому уважаемому учителю месячную путёвку в санаторий на побережье Крыма.

Ялта, Ливадия, Алушта... Николай Игнатьевич первый раз был у моря. И оно глубоко поразило его своим величием, как бывает с каждым, кто впервые очутился на каменистом берегу и услышал мерное дыхание волн прибоя.

Почти перед отъездом обратно Николай Игнатьевич, сам не зная для чего, забрёл на ялтинский базар. У самых ворот к нему подбежала смуглолицая, с огромными карими глазами девочка-подросток. По виду цыганочка.

– Дяденька, купите сувенир на память!

В её ладони лежала искусно отделанная перламутром расчёска.

– О, какая прелесть! – невольно выдохнул Николай Игнатьевич.

– Купите! Недорого! Память будет! – почти скороговоркой выпалила девочка.

Николай Игнатьевич осторожно взял расчёску в руки и внимательно рассмотрел. Кропотливая и добросовестная работа. По основанию расчёски было мелко и витиевато выгравировано: «На память о Ялте. Лето 1989 года».

– Папа делал? – поинтересовался с улыбкой Николай Игнатьевич.

– Нет. Брат.

– Красивая! – Николай Игнатьевич восхищённо покачал головой. – Я куплю её.

По дороге в санаторий он сразу определил расчёске своё место, уверенно положив в левый карман брюк. Несколько раз он останавливался, вновь вынимал её, любовался нежными переливами перламутра и по-доброму улыбался, вспоминая девочку.

За минувшие шесть лет Николай Игнатьевич два раза сменил старые брюки на новые, но расчёска неизменно продолжала быть в левом кармане. И вот теперь произошло это необъяснимое исчезновение.

Николай Игнатьевич обессилено опустился на стул. Учащённое дыхание со свистом выходило из него. Он беспомощно глядел на жену.

– Может, где на работе оставил? – робко предположила Розалина Павловна.

– Не знаю, – безнадёжным голосом выдохнул он, медленно поднялся, проковылял к выходу и стал обуваться.

– Ты разве не позавтракаешь? – округлое лицо супруги изумлённо вытянулось.

– Нет... Не хочется что-то. Извини, – тоскливо пробормотал Николай Игнатьевич, вялым движением взял портфель и, не попрощавшись против обыкновения с женой, вышел за дверь. Неуверенно спустился по ступенькам с третьего этажа. Кожаный портфель безвольно болтался в онемелой руке учителя.

Все коллеги по работе моментально заметили внезапную значительную перемену, которая произошла с Николаем Игнатьевичем, хотя терялись в догадках, в чём она заключается.

Трагедию учителя непроизвольно усугубила девочка-пятиклассница, которая, спускаясь по лестнице навстречу ему, удивлённо и добродушно заметила:

– Здравствуйте, Николай Игнатьевич, что-то вы сегодня не совсем причёсанный!
– А?... – очнулся от печальных дум Николай Игнатьевич. – Да, Верочка, не совсем... – и внутренне весь сжался.

Словно в бреду, лишь благодаря прошлому опыту зрительной памяти, он нашёл свой кабинет и тяжело ступил через невысокий порог. Когда раздался звонок с первого урока, Николай Игнатьевич мучительно вздрогнул и вдруг безразлично отметил, что совершенно не помнит, о чём говорил на уроке ученикам и какую пройденную тему необходимо вписать в соответствующую графу классного журнала.

Каждую перемену он неуверенными шагами подходил то к одному, то к другому учителю и скованно, виновато спрашивал:

– Извините, пожалуйста, вы случайно не видели мою расчёску? Перламутровую.

И с каждым разом, получая отрицательный ответ, надежда в нём гасла всё больше и больше.

Словно привидение, медленно и бесшумно передвигался он по коридорам школы, не слышал за спиной озабоченного шушуканья коллег по поводу его необычного состояния и, как во сне, давал положенные уроки. На последнем их них, совершенно непонятно как, поставил «отлично» отъявленному двоечнику.

Это был урок русского языка.

Николай Игнатьевич вызвал ученика к доске, дал карточку, на которой были записаны слова с пропущенными орфограммами, и попросил его выполнить задание на доске. Когда наступило время проверки, Николай Игнатьевич невидящим взглядом скользнул по написанным словам, кивнул в знак одобрения и собственноручно поставил в журнал «пять». Из восемнадцати слов в девяти были допущены грубейшие ошибки, но ни одну из них учитель сегодня не заметил. Поднявшийся в классе гул непонимания и возмущения на некоторое время вывел Николая Игнатьевича из оцепенения.

– Тише, ребята, тише. Не надо шуметь на уроке. Для этого у вас будет перемена. Выполняем упражнение двести тридцать четвёртое, – и снова забылся.

Перед уходом из школы, он ещё раз бессознательно обошёл все классы и коридоры, высматривая по углам пропажу.

«Она действительно пропала», – обречённо заключил Николай Игнатьевич про себя и вышел из школы.

Ярко светило майское солнце, белыми облаками казались цветущие яблони, а над головой с жизнерадостной суетой носились ласточки. И сам воздух, ароматный и тёплый, как будто был насквозь пропитан веселящей бодростью скорого лета. Но сегодня, против обыкновения, это нисколько не радовало Николая Игнатьевича, а лишь ещё больше утомляло.

Неизвестно, как Николай Игнатьевич оказался недалеко от причала. Может

быть, подспудно шелест речных волн напомнил ему шум морского прибоя в Крыму. Около двух часов он брёл сюда наугад, ничего не видя по сторонам и ни к чему особо не прислушиваясь. Его туфли изрядно запылились, и шнурок на одной из них развязался. Но Николай Игнатьевич даже не заметил этого...

Всё бы сложилось совершенно иначе, если бы ещё утром рассеянная супруга Николая Игнатьевича вовремя вспомнила, что накануне вечером, когда она гладила костюм мужу, расчёска выпала из кармана брюк, и Розалина Павловна машинально вложила её в нагрудный кармашек пиджака, даже не запомнив этого.

Вот и крутой спуск к причалу. Ступени стремительно опускаются в тенистый скверик, постепенно сужаясь в своей перспективе. Здание старого речного вокзальчика практически не видать из-за буйно разросшейся зелени.

Николай Игнатьевич отрешённо постоял наверху, потом медленно опустил ногу на первую железную ступень лестницы. Так же неторопливо поставил рядом другую. Попереминался с ноги на ногу и бесцельно запрокинул голову в небо. Навстречу ему стремительно двигались рыхлые облака. Обманутый их движением, он невольно подался вперёд, чтобы сделать следующий шаг. Но попавший под подошву шнурок предательски остановил ногу, и, беспомощно взмахнув руками, Николай Игнатьевич ринулся в пролёт лестницы. Тело глухо ударилось о ступени и уже безвольно съехало вниз, перевернувшись на спину.

Остекленелый взгляд учителя провожал всё так же бегущие за горизонт облака. А рядом, у плеча, преданно лежала и нежно переливалась на послеполуденном солнце выскользнувшая при падении из нагрудного кармана перламутровая расчёска Николая Игнатьевича.

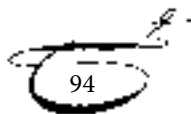
Владимир МОРОЗОВ

СОЛДАТСКИЕ СКАЗКИ

Сказка – ложь...

Велика и раздольна река Вятка. От истока в глухих удмуртских лесах до встречи с Камой-сестрицей в широких казанских полях напетляла, родимая, огибая наши пологие горюшки – Вятские Увалы. Протянулась ее голубая дорога сквозь тёмные рамени, звонкие боры, зыбкие болота и ровные пашни. Ежели глянул бы кто сверху в ясную ночь, увидал бы везде по берегам россыпи огоньков. Будто кто уголья швырял пригоршнями.

То все людские селища.

Испокон веку живут тут русские люди – мужички вятские. Дотошные, работающие и незлобливые.

Незлобливые-то незлобливые, да коль в государстве живешь, изволь и дела государевы справлять. Ведь где ни жить – не миновать в армии служить. Вот и брили вятским мужикам лбы, забирали по рекрутскому набору, как, впрочем, и мужиков смоленских, воронежских или там, московских.

Служба царская – не мамкина перина. Многими солдатскими косточками удобрены земли на пределах государства Российского: виноградники крымские, болота финские, горы Кавказские да Балканские. Много полегло в баталиях бравых воинов, да всё одно есть и те, что по запасу домой вернулись.

Возвращался солдат в родную деревню к отчей избе, обзаводился семейством, хозяйством. Соседям: детишкам ли непоседливым, мужикам ли степенным, бабам ли хозяйшкам – любопытно. Сами-то они дальше села не бывали, а тут свой, деревенский, полмира ногами измерил. Да и телевизоров с радиоприемниками тогда ещё не изобретено было. Вот и собирались по вечерам в избе у солдата. Кому не интересно послушать бывалого грамотного человека!

А тот и рад. Про всё расскажет: и про Шипку с Балканами, и про имама Шамиля, и даже покажет, велик ли ростом турок-янычар, и каков из себя Его царское Величество государь Император. А то и сказку заведет как бы промежду прочим.

Сидят мужики: где правда, где байка солдатская, распознать не могут. Но не прекословят. Известное дело: не любо – не слушай, а врать не мешай!

Так и пошли гулять по Вятке солдатские сказки. Умный человек учёный-этнограф Дмитрий Константинович Зеленин их в своё время записал и до нас донёс. А мы вам передаем.

Читайте, только, чур, – не перебивать.

Известное дело: не любо, – не слушай, а врать не мешай.

СОЛДАТ ЗНАЕТ ВСЕ НАПЕРЕД

Раз как-то шёл солдат со службы домой. Доходит до ключа, только наклонился водицы испить, кто-то его цап за шею!

Змея это оказалась. Обвилась вокруг шеи, жалить не жалит, а только давит.

Осерчал солдат, схватил гадину за хвост и хотел было с размаху торкнуть о сосновый пенёк, как та и говорит:

– Не бей меня, служба, я тебе много добра сделаю.

Солдату что:

– Делай, – говорит.

– А что тебе лучше сделать, – спрашивает змея, – денег мешок или наперёд всё знать?

– Деньги что, – отвечает солдат, – в трёх походах был, на чёрный день и ломаного грошика не скопил, так и этот мешок проживу. Давай знание!

Подаёт тут змея ему травяной корешок, съестъ предлагает. Солдат противиться не стал, корешок прожевал, водичкой из ключа запил и дальше отправился.

Недалеко попошёл, навстречу грозовая туча: гремит, молниями сияет, дождём брызгает. Солдат от дождя под дуб встал.

Стоит и слышит, как наверху в ветвях две белки по сучьям скачут и переговариваются:

– Гроза придёт, молнией шибанёт, дуб этот на щепочки расщеплет. Бедный солдатик: смерть его рядом, а он и не чувствует!

Солдат, не будь дурён, из-под дуба убежал и под ёлкой схоронился. Тем временем ехал по дороге барин. Грозу тоже решил под дубом переждать.

– Эй, господин хороший, – кличет барина солдат, – идите сюда под ёлку, коли жизнь дорога!

Глянул барин: на ёлке ветки погуще, чем на дубе, и бегом к солдату. Только успел перебежать, как шваркнул гром, воссияло, и дуб на щепочки расхробастало.

Стоит барин, ни жив, ни мёртв. Лишь крестится да «свят, свят, свят» прищёптывает. Едва отошёл, давай спасителя благодарить:

– Ах, какой дикий случай! Счастлив мой ангел, – говорит. – И чем же мне вас, любезный солдат, отблагодарить?

– Да пустяки, ничего мне не надо, – отказывается солдат. – Вот разве что подвезите немного, а то второй месяц пехом шагаю.

– С превеликим удовольствием, – просиял барин.

Вот едут они, едут, разговоры ведут, беседы степенные. Доезжают до поля.

На меже две вороны сидят, меж собой балясы разводят:

– Гликось, подруга, барин едет домой с радостью, а того не знает, что его горе ждёт: у парадного крыльца стоит барыня с кинжалом, сама себя хочет жизни лишить!

– Ох ты Господи! Чего же она натворила, болезная? – вопрошает другая.

– А денег пропало сорок тысяч.

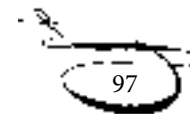
Солдат вороний разговор прослушал, обращается к барину:

– Беда, – говорит, – вас дома караулит, господин хороший. Пропало сорок тысяч денег, и ваша супруга надумала сама себя порешить.

– С чего это вы взяли? – не верит солдату барин.

– Хороший солдат должен всё наперёд знать, – отвечает тот.

Вспомнил барин своё недавнее чудесное избавление и притрухнул. Вдруг да прав солдат?

Стали думать, как быть, и порешили солдату вперёд барина верхом скакать. Пристяжную лошадь отпрягли, солдат вскочил на неё и вперёд умчался, а барин потихоньку следом поехал.

Прискакал солдат к усадьбе, видит: барыня-то и вправду стоит на крыльце и в руке ножик держит. Спешился солдат, разговоры с нею завёл, а сам подошёл и ножик отнял.

Тем временем, пока они так вошкались, и барин подкатил.

– Что же это вы, дражайшая моя супруга, такие непростительные глупости в голове держите? Разве мало мы на веку потерпели? Что такое эти деньги? Разве они живота дороже? Из-за экого дерьма Богом данной жизни лишаться! Пльньте! Наживём и более того, – заплакал барин, и барыня тоже слезами залилась.

Обнялись оба и пошли наверх в покои. А солдат внизу остался: чего им мешать, пусть милуются. Да и до ветру решил сходить. Завернул за угол и видит, как одна собака другую грызёт.

– Ты почему деньги не уберегла? – рычит и товарку рвёт и кусает.

– То конюх украл! – верещит другая. – Я видела! И на лужке в соломе спрятал!

Солдат малую нужду справил и к барам в покои.

– А нет ли, – говорит, – у вас карт погадать?

Дали солдату карты. Солдат их раз бросил, собрал. Другой раз бросил.

– Деньги, – говорит, – недалеко ушли. По моим картам выпадает, что шкатулочка краденая на лужке в соломе спрятана. Как пойдём, так и найдём.

Барин с барыней бегом на лужок. Чуть солому трягнули, шкатулка-то и вывалилась.

Подивился барин, да и то: третий раз солдат из беды выручает. Видно, в походах крепко со счастьем побратался. Снова стал спрашивать, какую бы солдату услугу в благодарность оказать. А барыня-то советует: что, мол, если поженить молодца на дочке Аннушке?

Солдат и согласился. Да и что ему. Где приветят, там и дом.

Хотя, если правду сказать, и Аннушка приглянулась.

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Прежде долгая была служба: двадцать пять лет. Отслужит солдат, дадут ему паспорт, и ступай себе пешком на родину или еще куда. Прежде ведь паровозов этих, пароходов не было.

Вот идет как-то солдат, застигает его тёмная ночь. Просится ночевать – никто не пускает. Пошёл дальше, а навстречу сиротка, живет в келейке, и говорит:

– Пойдем, служивый, я тебя схороню от холодной ночи.

Приходят в келейку. Сиротка накормила солдата, постель постелила. А напротив сироткиной избёнки стояла через улицу богатая хоромина. Везде окна светятся, а в ней ни огонёчка.

Посмотрел солдат и говорит:

– За двадцать пять лет службы я много где побывал, много чего повидал, но не встречал нигде такого строения. Кто ж у вас, хозяйшюка, проживает здесь? Купец или какой помещик?

– Нет, – отвечает сиротка, – простой крестьянин, только большой капитал имеет.

– Да, – не может наглядеться солдат, – дивное строение!

– Хорош терем, служивый, только жить там нельзя, – возражает сиротка.

– Это почему же так? – удивился солдат.

– Нечистый дух там завёлся, – поясняет сиротка.

– Что ж, – говорит солдат, – нечистый дух разве невозможно выжить?

– О, – отвечает сиротка, – три доктора приезжали и расписывались своей жизнью, чтоб не искались в ней, а богач в ответ половиной своего имущества. Трёх докторов-то и растерзали бесы.

– Нет! – не соглашается солдат. – Не может быть, чтоб крещёный да бывалый человек поддался нечисти.

Сказал так и спать завалился.

А сиротка, только солдат уснул, бегом к тому богачу. Так, мол, и так, сосед. Ночует у меня бывалый человек, что может ваш дом использовать.

Не поверил богач: мало ли их, солдатов-засерь, по свету бродит, а потом одумался. Доктора-то лишь науку знают, а солдату за долгую службу, поди, и с нечистым духом приходилось спорить.

Утром, едва солдат встал, умылся, Богу помолился, богач тут как тут и спрашивает:

– Слухом земля полнится, служивый, будто мог бы ты мой новый дом использовать?

– А что у тебя такое в доме? – интересуется солдат.

– Да вот, глушенесь ночи набьется в комнаты нечистого духу, заведут они игру – ажно стены дрожат. Никакого покою нет.

– Пустяжное ваше дело, – машет рукой солдат.

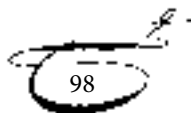
– А ты, служивый, можешь ли в том головой расписаться? – не унимается богач.

– А что моя голова? – солдат отвечает. – Разве больно дорога? Паспорт со мной, где умру – там и похоронят!

Обрадовался богач:

– Вот, – говорит, – служивый, я расписываю: половину всего своего имущества отдам, если сможешь дом мой использовать!

Пошли к старосте. Там и написали расписки друг другу.

Солдат расписался и богач расписался.

Приходит ночь. Солдат чарку вина принял и по дому как по собственной казарме расхаживает. В одну комнату зайдет: хорошо! В другую – ещё лучше! На том диване полежит, на этой тахте присядет.

Чуть часы полночь сбрыкали, нечистый дух лезет в большую залу. Атаман ихний расселся на стуле, тут и солдат из другой комнаты вываливает. Стопал ногой:

– Ты это что тут расселся, нечистый дух? Кто вам, чертям, разрешил сюда ходить?

Увидал его атаманище:

– Ну-ка, – приказывает, – растерзать этого солдата!

– Что ты, как пьяная голь перекатная, – корит его солдат в ответ. – Тот тоже, едва вылезет из кабака, сразу давай драться-терзаться! Сделаем лучше по-благородному.

– Это как ещё? – удивился атаманище.

– А на спор: кто хитрее, тот в доме и оставайся! Если ваши хитрости хитрее, я отныне и до веку сюда не загляну. Если мои – чтоб вашего духу здесь больше не было.

Интересно стало атаману, что за хитростей солдат понабрался, согласился. Начали бесы свои комедии представлять. И так кривлялись, и этак. Устали, а солдата взять не могут.

– Давай, – говорят, – солдат, начинай свои представления, наши все вышли.

Солдат не долго думал. Взял сверло, начал в стене дырку вертеть. Провертел до половины и говорит:

– А ну, господа черти, поместитесь ли все тринадцать человек в этакую дырку?

Бесы рады стараться, лезут – пищат-визжат. Один был хромой, у солдата милости просит, а тот его сапогом пихает:

– Лезь, – говорит, – и ты!

Залезли черти, все поместились. Солдат снял нательный крест да тем крестом эту дырку в стене и оградил. Возились, возились черти – нет ходу обратно. Взмолился атаманище:

– Выпусти нас, солдат, твоя взяла. Отныне мы больше не заглянем в этот дом.

Согласился солдат, убрал крест и выпустил нечистых на волю.

Побежали они вниз по лестницам, а солдат им сапогом помогает.

Известное дело: солдатский сапог – штука серьезная. Быстрехонько скатились бесы все до единого!

Выгнал солдат нечисть и спать завалился.

На следующую ночь пришли караулить хозяин с понятыми. Всю ноченьку просидели и никакой игры, ни шуму, ни грому. Богач еще три ночи подряд караулил – не пришли больше черти. Отдал он солдату половину имущества и предложил занимать в доме любую комнату, которая понравится.

Живет солдат у богача беспечально. Всем жизнь хороша, только жены нет. Приходит он к богачу:

– Что, – говорит, – дядя, придумал я жениться!

– Хорошее, доброе дело задумал, братец, – отвечает ему богач. – От нас ни одна невеста не отобьется. Сосватаем, хоть у купца, хоть у помещика, хоть попову дочку – капиталу на всех хватит. Какую пожелаешь?

– Хочу взять сиротку, что меня приютила, – отвечает солдат.

– По нашему разумению, живет она бедновато, – засомневался богач.

– А и пускай, – упёрся солдат, – она меня счастьем нашла. Её возьму!

На том и порешили. Сыграли свадьбу, и зажил солдат в мире и достатке.

И я на той свадьбе был – хмельное пиво пил. Бывало, что и по усам текло, а в основном в рот попадало.

Рифма – звучная подружка...

Александр ШАЛОБАЕВ

* * *

Мы – огонь на ветру,
Мы трепещем, как сердце синичье,
Мы исчезнем к утру,
Вскрикнув жалобно, тонко, по-птичьи.

Мы не знаем порой,
Когда будем подхвачены ветром,
Только кто-то седой
Вскрикнет: «Господи, как же мы смертны!»

Только глухонемой
Ужаснется жестокости мира,
И порою ночной
Превратится в колодец квартира,

Только листья с берез
Будут сорваны времени ветром.
В вихре чьих-то волос
Мы исчезнем мгновенно, бесследно.

* * *

Как прекрасен путь домой
От последней электрички.
Кто-то над тобой и мной
Чиркает о небо спички,

Кто-то над тобой и мной
Листья с шелестом листает,
Кто-то ходит над травой,
Кто-то за туманом тает,

Кто-то вымочит в росе
Голубое это платье.
Кто-то включит вдруг рассвет,
Так внезапно и некстати.

* * *

Занесенный белым снегом
Танкодром вдали забрезжил.
Часть земли сливалась с небом,
И земля казалась меньше,
И земля казалась домом,
И родными были дали –
Там, за нашим танкодромом –
По которым мы стреляли.

* * *

В час, когда я завершу
Путь среди могил,
Что на небе я скажу
Тем, кого убил?
Может, стану сказки петь
О своей любви?
Но куда мне руки деть?
Ведь они в крови!
А быть может, им сказать,
Что, мол, не хотел?
Но куда мне деть глаза?
Это же прицел!

А быть может, их презреть,
И не дать ответ?
Но куда мне душу деть,
Если тела нет?

* * *

Под утро пал туман, такой густой, что легионы
Исчезли напрочь с берегов седого Рубикона.
Туман укрыл костры, солдат, долину, скалы, плавни
И человека, что сидел на берегу, на камне.
«На Рим», – нашептывала мгла, «На Рим!» – звенели струи.
Вдыхая запахи реки и пропотевшей сбриуи,
Гай Юлий Цезарь, властелин всех цизальпинских галлов,
Укутанный в дорожный плащ (светает, плач шакалов),
Перехитривший меч и яд и переживший Красса,
В ряду жестоких галльских войн не проиграв ни разу,
Проконсул, наводивший страх на брита и сармата,
Не распустив войска назло решению Сената,
Сидел один на берегу (костры, туман, не спится),
И взгляд его усталых глаз пересекал границу
С Италией. Он грел рукой залеченную рану.
Клубились в голове слова, подобные туману.
Еще никто не написал: «В начале было Слово»,
Осталось сорок девять лет до Рождества Христова,
Но и тогда имели власть уже слова и строки,
И рвался ключьями туман. Выходила на востоке
Звезда. С небес стекал металл на поножи, кирасы,
И тем металлом отлилась в мозгу у Гая фраза.
В привычное вскочив седло и вскинув меч из ножен,
Послушный раб красивых слов, он крикнул:
«Жребий брошен!»
... Прошли века, и те слова, в отвесах крови, меди,
На равных с Цезарем стоят в статьях энциклопедий.

ЗИМНИЙ КАМЕНСК

Янтарные на солнце сосны
Горят на радость декабрю!
Я Каменск зимний и морозный
Особо – горячо – люблю.

Люблю, когда лыжнёю дети
Бегут вдоль древних рудников,
Со склонов катятся к Исети,
Снегов покровы распоров,

Морозные дымы заводов
С подсветом солнечных лучей,
И торопливых пешеходов
Дыханий пар, дымки печей,

Ледок с песком на тротуарах,
Когда выходишь поутру,
Мерцанье ёлочных базаров:
Шары, хлопушки, мишуру,

И ёлки, городки и горки,
Хруст рукавичек заскорузл,
И тонкой мандаринной корки
Неповторимый едкий вкус.

Люблю! Тягаться нам с Европою,
Друзья, поверьте, ни к чему!
Морозно варезками хлопая,
Я аплодирую ему!

* * *

Утром проверил на прочность перила.
Чуть погода – тормоза.
Не было дня, чтобы мне не открыла
Дверь хоть на что-то глаза.

Не было даже сакральной минуты,
Чтоб, озираясь вокруг,
Не произнёс бы привычно я: «Тьфу ты!» –
В зеркале видя испуг.

* * *

Пишу и надеюсь, что кто-то
случайно возьмёт и прочтёт.
Работа, ещё раз работа,
а всё остальное – не в счёт.

Мне что понедельник,
что вторник –
не чувствую разницы я –
по собственной воле
затворник –
худрук своего бытия.

Чуть-чуть – и ослепну в коморке,
немного – и сдвину с ума.
Читаю от корки до корки
своих сочинений тома.

Напуганный жизнью редактор
Стихи удалит, будто спам...
Опять человеческий фактор
ударит меня по рукам.

* * *

Я – гений! Конечно, я гений! –
Питают меня сплошь надежды.
Пугаюсь своих откровений,
Как кошек облезлых в подъезде.

О, господи, если услышат
Мои рассужденья коллеги?
Решат, что свалился с телеги,
И тихо поехала крыша.

Вослед будут дружно хихикать,
С сарказмом нести ахиною.
И музы от нервного тика
Меня защитит не сумеют.

* * *

Настроюсь с утра на волну
Минорную – слишком ретиво
Ругают почём зря страну,
Хлебнув грамм по сто «негатива».

Со знанием дела бьют в грудь
Себя, разрывают рубашки.
Ничуть не меняется суть:
Всё это – «блатные» замашки.

Являют великую страсть.
А истина, как на ладони –
Все те, кто стремится во власть,
Хотят быть ворами в законе.

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Здесь русская женщина в платьице тонком...
Ей дождик и снег – нипочем.
Почти Богородица. Но не с ребенком,
А с поднятым в небо мечом.

С вершины кургана виднее, наверно,
Какая беда со страной:
Пустуют поля и нищают деревни
И гибнут одна за другой.

И с нефтью цистерны на всех остановках –
Идет всероссийский погром.
И кажется Ей, что в стране обстановка
Покруче, чем в сорок втором.

Но меч тяжеленный послушен замаху
И слышат родные края:
«Примкните штыки, поднимайтесь в атаку!
В атаку, мои сыновья!»

* * *

Мне вновь подфартило чертовски –
Я море опять увидал,
Каким его зрел Айвазовский,
Каким его Грин представлял.

И, кажется, стал я отважен
Настолько, что слушать готов
Отчаянный скрип такелажа
И гул штормовых парусов.

ПО ГРИБЫ

Был дождик, молнии и гром.
Мы оба вымокли до нитки,
Но согревался я теплом
Твоей волнующей улыбки.

Наверно это дар судьбы,
Такой, что каждому на зависть.
Возможно, были и грибы,
Но нам они не попадались.

ДРУГУ-ХУДОЖНИКУ, УЕЗЖАЮЩЕМУ В ИЗРАИЛЬ

Пусть будет дорога вам белою скатертью.
Вы были причастны к серьезным делам,
И Родина наша была для вас матерью,
А дойной коровой служила не вам.

Талант есть талант. Не писать вы не сможете.
Но только исчезнет из ваших картин
И чуткость осин воплощённая в золоте,
И ясность священных Байкальских глубин.

Виталий МОЛЧАНОВ

ШАМАН

На его невытой шее – банка «Пепси», амулет.
Бьется юность в тощем теле, сам же выглядит, как дед.
Волос сед, тесемкой схвачен, вместо бубна – барабан.
Пыль столбом – в шинели скачет городской дурак Шаман.

Час рассветный – для камлания; у фонтана босиком,
Словно жертва на закланье – в дробном танце круговом,
Плачет, морщится, смеется под затейливый мотив.
Вдруг к прохожему метнется, бормоча речитатив:

«Мир – тайга, вы все не люди – волки, рыси и песцы.
Крови мало? Так добудьте, жрите слабых, подлецы.
Люди – звери, души – тундры: мох, лишайник, мерзлота.
Сколько дерзких, тонких, мудрых провалилось в бездну рта?..»

Кто-то в страхе отшатнется, тыча пальцем в телефон.
Кто-то громко рассмеется, кто-то врежет сапогом...
Темно-синий с красным кантом, взяв Шамана за бока,
Мелочь стащит, после, франтом, пропоет: «Весь мир – тайга».

На работу люди-тундры, шаг ускорив, проскользнут.
Равнодушной, снежной пудрой чумы сердца заметут...
Как медведь в углу таежном, спит Шаман, обняв сосну.
Маша-школьница, возможно, завтрак свой отдаст ему.

СТЕПЬ ПЕРЕЛЕТНАЯ

Вячеславу Моисееву

Заката пламенные угли
Сгорали в пепел серый, мглистый.
Шел месяц – тучен и насуплен,
В плаще из тьмы евангелистской,
Роняя звезды, где попало:
– Зря доверял портнихе-ночи...
Вдруг встрепенулся: «Степь пропала!»
...Она летела по-сорочьи,
То вверх, то вниз, хвостом ковыльным
Скелеты обметая вышек.
Злой месяц, покраснев бессильно,
Откинул капюшон и вышел.

В пере белел снежок ноябрьский,
Чилижные чернели крылья.
Над Каргалой гремел татарской
Град из камней, земли и пыли.
...Она летела над огнями
И чадом газовых заводов.
Как дети, тонкими руками
Вцепились в спину речек воды.
Озера – слезы голубые –
Камыш хранил от расплесканья,
А птицы, в темноте слепые,
Сгрудились в травах тесно, стайно.
Цветы прижались – сухостой –
К груди меж сусликовых норок.
Сон разума, «Капричос» Гойи, –
Под ней индустриальный морок:
Разливы пятен нефтяные,
Как вены умерщвленных – трубы.
...Она летела над пустыней,
Оставив будущему трупы
Полей, пробитых буром скважин,
Пригорков, срезанных ковшами,
И родников, хлебнувших сажу,
Засыпанных солончаками.
...Летела степь, храпели трутни
В панельных городских могилах.
Дивился месяц: «Ночка-блудня
Обратно звезды не пришила».

РОБОТ ТАНЯ

Таня лепит пельмени в «Диете» до позднего вечера.
Надо больше лепить – платят сдельно за каждый пельмень.
Тесто-фарш, тесто-фарш-и-мука – в заморочках заверчена,
Будто робот живой – производства родных деревень.

Таня хату снимает с подругой-землячкой, уборщицей,
Тоже робот – метёт три двора, моет каждый подъезд.
И грустят они вместе – домой бы, да там одиночество.
Парни в городе, здесь, где так много для роботов мест.

Таня любит таксиста, веселый мужчина, настойчивый,
«От сохи», работающий, но кризис все планы сломал.
У него порожняк, а она, как всегда заморочена,
Лепит, лепит – стремится на свадьбу слепить капитал.

Таня смотрит кино: бьются роботы, в латы одетые.
Только люди умнее – восстание глохнет машин.
А Луна, как пельмень недолепленный, жалобно сетует:
– Ты долепишь меня? Спать ложись, вновь с утра в магазин.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

* * *

Тучи косматые, тёмные, грузные,
Точно броня.
Мчится стихии табун необузданный,
Громы гремят.
Всполохи синь лошадьми игривыми
Заполонив,
Скачут и плещут червонными гривами,
Даль осветив.
Жмутся в околках берёзоньки кучечно,
Шепчут едва.
Всюду разряды вблизи по-над кручами,
Никнет трава.
Дождь, зашумев, разразился вдоль берега,
Холодом льнёт,

Больно, наотмашь, небрежно, не бережно,
яростно бьёт.
Лодку надежды уносит течением,
Гонит волной.
Лес озаряется медным свечением
В жути немой.

Ливни пройдут и на небо умытое
Выйдет звезда.
Так и душа, непогодами битая,
Светит всегда.

* * *

Вечер. От действий отрешена,
Я ненароком забылась.
Синью курилась вокруг тишина,
Пестрым закатом струилась.
Сладкою ватой белый туман
По-над речным перекатом.
Горе ли, счастье ли мне от ума,
Чем же я больше богата?
Умной, не умной ли выпало быть –
Скроется все в пересудах.
Знаю одно, что мне счастье – любить
Край полевых незабудок,
Стылые запахи утренних рос,
Ближних церковей очертанья,
Крепкой зимою упругий мороз,
Святочный шум и гулянья.
Дедовских баек зернистую суть,
Сказки, что мы с ним слагали.
И не предать мне, и не обмануть
Сердцем сибирские дали.

* * *

Стон деревьев под порывом ветра
Сердце ранит больше, чем обычно.
И тоска терзает непривычно
Долго. Томно ждёт душа ответа.
Может, ты в дороге затерялся?
Спишь в цветах, во ржи, в широком поле,
Или с ветром вырвался на волю,
Камнем в пруд, поросший тихой ряской?
Может в небе с журавлиной стаей
Улетел ответ на лёгких крыльях,
От меня загадкой вечной скрылся,
Незаметно вдалеке растаял.
Я гадать к цыганке не ходила.
Я сама в руках держала карты...
Так куда же ты, ответ мой канул,
На вопрос: «Зачем я полюбила?»

* * *

Прогорают солнечные дни
На кострах, где полыхают листья.
Рвётся паутинки тонкой нить.
Впереди – дождям унылым литься.

Вызрела пахучая полынь.
Кистями калины рдеет осень.
Бабьим летом радует теплынь.
Ветер горечь по округам носит.

Вместе с этой горечью душа
Мечется и не найдёт приюта,
Хоть стремится осень украшать
Все округи золотым уютом.

Облетают листья и кружат
Словно ветер о пощаде просят...

Эх, душа! Зима ль не хороша,
Что ж ты так волнуешься за осень...

Инна ИГНАТКОВА

* * *

Однажды за мною вернётся весна,
Но это случится нескоро.
...Гордая кошка сидит одна
На самом краю забора.

И на небесном фоне углем
Очерчен её силуэт.
А рядом с нею
во весь окоем –
Совсем не весенний свет.

* * *

Свободы больше никогда не будет.
Холодный ветер. Пляж пустых песков.
Нагое солнце над нагою грудью,
Не загоревшей около сосков.

Куда ни рвись – повсюду этот берег!
Следы... Ракушки... Замки из песка...
На сердце тяжесть боли и потери,
Смятенье и зеленая тоска.

Предчувствие, с которым не поспоришь –
Как будто только волны впереди.
Мне снова начинает сниться море –
А это значит, надо уходить.

* * *

Ей было рано умирать.
И теплилось сознание,
Как дождь, кропя ту сторону стекла.
Она лежала до утра
с открытыми глазами,
А на рассвете тихо отошла...

И был туман такой густой,
такой молочно-белый,
Нарочно будто кто-то скрыть хотел,
Как из такого молодого тела
ее душа под небо отлетела
И растворилась в горней высоте.

Ирина РЯБИЙ

МОЛИТВА РЕМБРАНТА

Саския, солнце мое восходящее светлое!
Мой золотой одуванчик, качаемый мной, словно ветром,
Утром росистым и свежим, как губы твои,
Ночью, в серебряном воздухе, лунном и зыбком...

Саския – счастье!
О знак восклицательный дерзкий! –
Два этих звука в одном поцелуе и взгляде смешаны,
Смешаны краски светоструящие! Саския!
В облик твой вечно влюбленный, я пью и рисую тебя
В древнем наряде узорном золототканном...

Дивной жемчужиной в сонме даров драгоценных
Ярче других и прелестней ты светишь огнем несказанным.
Саския! Милая сердцу жена!

ПИСЬМО НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ

Я Вас прошу, ведь сон Ваш неглубок,
Смертельной ночью, нависшая над веком,
Очнуться Вам, чудесный странник света,
Распутать исторический клубок.

Никто-никто не знает, как и где
Найдутся силы, чтобы нам подняться,
И горько сознавать себя на дне,
И поздно о прошедшем сокрушаться...

Ах, Николай Васильевич, потом
Досмотрите свой сон, уж Вам известный:
Вы записать должны сожженный Вами том,
Чтобы Россия светлая воскресла!

ОКТАБРЬ

Леса знобит, и тянет в окна
Прогорклым соком октября,
Конец сегодняшнего дня
Едва ль отметит солнце оком.
А завтра новая нужда –
Мой день рожденья и застолье.
Все будут мне желать здоровья
И говорить, что и всегда...
И пей до дна, и пей до дна, и пей до дна!...

Октябрь чайнкою отчаяний
В моем трепещется стакане –
Не хватит духа допивать...

* * *

Из болота вместе с клюквой
Я домой принес в корзине
Желтый пух с осою-злюкой,
Шишку в липкой паутине,

Куст морошковый и ветку
В ломкой шляпе сыроежки,
Лист похожий на монетку
Вместе с заячьим орешком,

Шелуху столетних сосен,
Пригоршню осенней хвои,
Комара, что был несносен,
Домогаясь легкой крови,

Щелкуна с пучком пушицы,
Паука на длинных лапах,
Родниковый вкус водицы
И багульниковый запах,

Кочек жиденькие космы,
Мха пружинистую сырость...
Мотыльки, сучки, стрекозы –
Все в корзину поместилось!

И когда с улыбкой бодрой
Вытряхнул на кухне это,
Ягод было в куче пестрой
Горсть всего,
но горсть-то деда.

ИЗБА

Снег к весне чернее и дырявей,
Подтекает, как ни проморозь.
Воробьи расхристанной оравой
Прошивают яблони насквозь.

В огороде грядки да малинник,
Да листвы матерчатый лоскут.
Дырки проводов мышинных
К тёплой куче мусора ведут.

Снег всосёт оттаявшая супесь.
И ладони вспомнят до щелей
Замшево бревенчатую сухость
Сруба и уютный скрип дверей.

Петя кукарекнет ввысь и тут же
Пес залает, замычит телок,
Выбегут цыплята за квохтушей,
Мухами взорвется солнцепек...

Сорок лет вместились в этот полдень,
Тысячи дорог – в одну тропу...
Вижу лес, в дурнине сад и поле
Сквозь давно незримую избу.

НОВОСЕЛЫ

С нами в таежные дебри,
Где голубика да мох,
Таволги хрупкие стебли
Да комариный дымок,

Переселилась крапива,
Донник, овсюг и репей.
Даже ромашки пугливо
Вытянулись возле пней.

Будто давно проживали
Здесь они, прячась от зим.
И земляков своих ждали,
Чтобы откликнуться им.

СВИРИСТЕЛИ

Рябины давно безлисты.
Лишь изморозь на кистях.
Синицы теперь солисты
В смородиновых кустах.

Над лужей обледенелой
Сорока трясет хвостом.
Дождутся ли свиристелей
Рябины мои под окном?

И в страшно стылое утро
Прожорливая орда
Нагрянет невесть откуда...
И канет невесть куда.

Оставит пушинки в стыни,
В ушах пересвист и сверк,
Взъерошенные рябины
Да в розовых ляпах снег.

* * *

Март сугробен и погож,
Малохолен с недосыпа.
По карнизу снег похож
На пельменные защипы.
Снег запачкан и пропах
Гарью и погодой хворой.
Снег забрызган на углах
Цепко твякяющей сворой.

А когда-то в белый снег
Я нырял из жаркой бани,
В холодящий пух и сверк,
И хватал его губами.

А глаза, бывало, вскинь!
Эх, какая в небе нашем
Из прорех лучилась синь
Над густым одноэтажьем,

Как звенели над сквозной
Суетой шальные песни,
Как небесная с речной
Переглядывались бездны!

Анатолий ГАГАРИН

* * *

Слепит речная нагота
С одним плечом покатым.
Заполняет простота
Окрестности заката.
И колобокая луна
В воде студеной скачет.
От лодки прочь – и вновь видна.
Весло украдкой плачет.
Бьёт по затылкам буруны
И лодка нивы пашет.
Гоняя колобок луны,
Что катится и пляшет.

И так до утренней зари
Рисует киль улыбки.
И червячка рыбак морит,
Качаясь в утлой зыбке.

* * *

Языком по шершавой сосне
собирать бы смолистые мёды.
Да вот только стоят непогоды,
и дожди намывают породы,
так что золото мнится во сне...

* * *

Чай с малиной попивая в доме
отцовском, а теперь уж – материнском...
Вот это «уж» змеится, пресмыкаясь.
И мыкаюсь душою возле полок,
оставленных хозяином. И книжки
перебираю. А читать не в силах...

* * *

Волшебная река играет и резвится.
Жемчужный перламутр по камешкам гремит.
Фантазия моя легко меняет лица,
и солнце языком надежды говорит.

Отчаливший корабль – намокшая коробка,
плывет в далекий путь к заветным берегам.
Летит по валунам то бешено, то робко,
и падает с волной к мальчишеским ногам.

И в заводи речной, что лужею зовется,
застывший перламутр таинственно блестит.
И верит паренек, что чудо не прервется.
Рассеется бензин. Но детство все простит...

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ

БАБЬЕ ЛЕТО

Сентябрьский солнечный день,
Собор над ленивой рекою,
И мост из Тюмени в Тюмень,
И бронзовый лист под ногою.

На солнце теплеет щека,
И всюду счастливые лица,
И девочка гладит щенка...
И хочется – взять и влюбиться!

* * *

Осень в лето следы замечает –
Жжёт листву и разносит вокруг,
А вдали журавлиная стая
Рваным клином уходит на юг.

И сгоревшие ржавые листья,
И стальная небесная твердь,
И рябины кровавые кисти –
Это всё – неизбежная смерть.

Всё исчезнет – и это не ново,
Кто из нас в этом мире не гость?..
Всё пройдет, но останется Слово –
То, с которого всё началось...

* * *

Рассерженная осень
Расстроилась всерьёз

И мокнут струны сосен
И рощица берёз.

Куда ни глянешь – всюду
Палитра потекла,
Уже не будет чуда,
А будет дождь и мгла.
На сердце грусть и стылость,
А в колеях вода,
Недолго лето длилось,
Недолго, как всегда...

Давай не будем плакать,
Не будем слёзы лить,
И так повсюду слякоть,
Зачем её плодить?

* * *

От судьбы я ожидала
Много сказочных даров.
Мне подарков было мало,
Мало света, мало слов.

С жизнью долго торговалось,
Больше это ни к чему –
Я теперь любую малость
С благодарностью приму.

Марина АЛЕКСАНДРОВА

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Немыслимо огромное,
Отчаянно счастливое
Хочу я строю равненьким

Укладывать в стихи.
Но если всё огромное
И невообразимое,
То как оно поместится
В размер одной строки?

И очень удивительно:
Когда прочтут, наверное,
То будут вслух и мысленно
Озвучивать слова.
Но это умозрительно.
И это уморительно:
Надеюсь я на вежливость...
Пока душа жива.

ДОЛГИЙ ВЕЧЕР

В горном тёплом краю,
В древней благословенной долине
Снова вечер.
Стою и смотрю –
Нет заката, есть тень горных линий.

Нет заката. Всегда
Нежный вечер и ночи густые.
И зовут сквозь года
Тени гор, вечера молодые.

Сколько раз в том былом
Я любовью была отогрета,
Между ночью и днём,
Между тьмою и светом.

Снова хочется жить,
Вспоминать вечера в крае милом,
Времена сохранить,
Чтобы сердце опять защемило.

КАКТУС

– Что, дорогой кактус
Имени мужа бывшего?
– Да ничего лишнего.
Просто тебе нравлюсь.

– Просто ещё будем
Дни ожидать летние.
Может, ещё медные
Нам пропоют трубы.

– Если другой рядом
Днями пойдёт длинными,
Мне не меняй имя... И
Поливай, ладно?

* * *

Намечтала счастье.
Быстро. На бегу.
Жмёт чужое платье,
Больше не могу.

Мир цветных фантазий,
Поманив едва,
Оказался грязью
Липкой, в слоя два.

Дождиком отмыло.
Снегом замело.
Показалось? Было.
Отлегло. Прошло.

Племя младое, незнакомое

Татьяна РЕШКЕ

* * *

Всё, что коплю за душою – отдам.
Жить надо легче, проще.
А снег проходит по городам
на цыпочках, как танцовщик.
В белых пуантах танцовщик-снег,
светлый, холодный, лёгкий.
Он вовсе даже не человек.
Он – перелётный
Ангел. Бессмертная синяя кровь,
тонкие пальцы,
чёрные пряди. Быть может, он
мне разрешит остаться
с ним?.. С гулкой пропастью наедине.
С городом одураченно-синим.
Даже бессонница будет по силам
снежно-хранимой
неплачущей
мне.

КОФЕ

Я обожаю кофей по утрам –
Густой чудотворительный бальзам.

Его учуяв, семенит в пампасы
Моих девятых снов гиппопотам.

Отступит ночь. И я уже не там,
Где звёзды притаились по углам
Живой и грустной комнаты моей.
Душа моя не дышит в спину снам.

Час пик долбит по бедным головам,
Корпит народ по офисным углам,
А за моим плечом нет-нет да улыбнётся
Приятель, синий зверь, гиппопотам.

* * *

Кто придумал, будто жизнь есть путь?
Тьма людей барахтается в жизни,
Как в густой, непроворотной жиже.
Лишь бы уцелеть каким-нибудь
Чудом. Лишь бы вырочательную нить
Подобрать. Туманом обогреться,
Да в бреду в беду не обронить
Зябкое, едва живое сердце.

ЕДВА ЛЬ...

Летят года, листвою шелестя,
Уносят грусть.
Морщинистой и белой буду я...
И пусть.

Я – буду. А со мной – весь рай земной,
И солнце. И луна.
Я буду светом, буду тьмой льняной
Полным полна.

Ладони-тучи, волосы-ветра,
И кожа берез...
Нахмурившись, взгрустну (что, мол, стара),
Но не всерьез.

В груди дрожит... синица ли? звезда?
Век напролет
Смеюсь, лечу – одна, одна.
А всё – моё, моё...

Мир – мне в ответ. Вовне и внутрь меня,
И вглубь, и вдаль...
Я белой буду. Но умру?
Едва ль...

Анастасия ПОРОШИНА

* * *

Я не плакала в электричке,
Я не плакала на вокзале.
Плакать, вроде бы, неприлично,
Чтобы лишнего не сказали.

Плакать, вроде бы, несерьёзно,
И причины, как будто, нету...
Оплывает февраль морозный,
Время катит под горку к лету...

Я не плакала на прощанье –
Мы расстались почти без сцены.
Ничего ты не обещал мне.
Но и это уже бесценно.

* * *

Это лёгкость отчаянья,
Имя которой – ложь.
Это сломанный обруч
Пытается снова замкнуться в круг,
Но не сходится.
Осень по всем каналам,
из первых рук,
И чего ни касаешься, всё обратимо
В дождь.

Ирина КИЯШКО

В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Снова в прошлое иду
Осторожными шажками:
В Александровском саду
Торговали пирожками,
У Манежа, на краю –
Это место было свято!
Вот я в очередь встаю,
Одурев от аромата.

А Москва... Да что Москва –
Позолоченные двери!
Верно сказаны слова,
Что Москва слезам не верит.
Ей и вправду не с руки
Сторожить чужие чувства.
Только помню пирожки –
Ароматные, с капустой!..

Жизнь катилась, не тая
Искрометного азарта.

Ах ты, молодость моя,
Как ты кончилась внезапно!
А ведь было, как в кино –
То ли правда, то ли сцена...
Позабывтое давно
Вдруг становится бесценным.

А Москва... Да что Москва –
Позолоченные двери!
Верно сказаны слова,
Что Москва слезам не верит.
Ей и вправду не с руки
Дорожить чужою болью.
Помню только пирожки –
Ничего не помню больше!..

* * *

...Переболеть неистойвой зимой,
В потемках сердца разыскать дорогу –
И осознать мучительно и строго,
Что свет – в тебе самой...

В который раз до Истины дойти,
Что свет тебе дарован от рожденья,
А все твои земные заблужденья –
Лишь поиски пути

К себе самой... Ведь истина сама
Тебя своим переполняет светом!..
Всего труднее – не забыть об этом,
Когда придет зима...

НА ПОРОГЕ

Нине Ягодинцевой

О чем ты размечталась, недотрога,
Танцую исступлённо при свечах?..
Покуда не сожгла тебя дорога,
Покуда не разрушен твой очаг,

Покуда тяжело и обречённо
Не замерла раскрытая ладонь –
Остановись, безмозглая девчонка!
Куда ж ты устремилась на огонь?
Покуда эти матовые крылья
Огонь не опалил тебе, шутя,
Покуда не пришло к тебе бессилье –
Опомнись, светоносное дитя!

За эти шутки платят только кровью,
Ужель себе ты станешь палачом?!..
Нахмурилась старательно и кротко
И молвила:
– Простите, вы о чём?..

Татьяна СЕРГЕЕВА

ПРЕДГОРНАЯ МОЛИТВА

Ты, красавица, празднуешь лето,
А мы еще не снимали плащи!
Такого же наглеца и поэта
Для меня, пожалуйста, отыщи.

Вытолкни, недра свои напрягши,
Прямо в объятия из-под груд,

Такого же черного и блестящего,
Как сколы подземных руд.

Пусть будет живой, из костей и мяса,
Вина и хлеба, меда и кваса...

Пусть будет нахальным, лишь бы живой!
И только, пожалуйста, не уставший!
Чтоб мог выводить спокойной рукой
В поля стада желтоглазых ромашек...

* * *

Ласкать губами руки ливня,
Искать покоя в танце света,
И быть беспечной и наивной,
И быть счастливой до рассвета,
И обнимать холодный ветер,
И улыбаться веткам клена,
Боготворить усталый вечер,
В луну без памяти влюбленный,
И плыть по воле странной силы,
И пить безделье полной чашей,
И если все же что-то было,
Успеть разбить свой день вчерашний...

* * *

Земля кругом становится Землею,
И клен ласкает юных листьев стаю...
Я без тебя не сникну, не завою,
Не пропаду – котенка приласкаю...
Мне без тебя не биться и не злиться...
Мне без тебя – за ветром не угнаться...
И все на свете – маски, краски, лица –
На душу сном безжизненным ложатся.

СНЕГ

Я до тебя была другою.
Меня ты просто отпусти.
Хочу я стать опять живою,
С тобой – так холодно в груди.

Сегодня снег такой колючий,
Как будто кактус или ёж...
Любовью ты меня не мучай –
Сам на колючий снег похож.

УЖИН

Победа, что далась без боя,
Не так достойна и важна.
Сегодня, милый, я с тобою
До неприличия нежна.

Ты, побежденный, мне не нужен –
Заранее прошу, прости...
Дарю тебе прощальный ужин,
Как милость, как пятак в горсти!

УТРО

Растворимый кофе или чай –
Вот и снова наступило утро.
Я своей хандре скажу: «Прощай!»,
Мне расстаться с ней теперь не трудно.
Утро...И душа моя чиста,
Боль в ней растворилась без остатка.
Начинаю с чистого листа
Новый день, как новую тетрадку.

* * *

Едут где-то таксисты
По лентам дорог.
Ну, а лифт пассажирский
Только взад и вперед.
Гаснут лампы в подъездах,
Каплет в кране вода.
Можно жить без протеста
И не жить никогда...

* * *

У тебя на спине оставляю полоски
По-кошачьи заточенным ногтем –
Таковы наших судеб кривые наброски.
Что спасти не сумели – испортим.

Разложу по таблицам, по схемам, по лицам:
Наше прошлое, как на ладони.
То, чем больше ни с кем не смогу поделиться,
Ты спокойно прими и запомни.

* * *

Мне так сегодня горько, и некстати
Растаял первый снег, с любовью заодно.
И точно знаю я: на всех его не хватит,
И мне тем более, и, значит, всё равно
Не скоро новый снег отыщет здесь квартиру,
Нескоро по нему отмерю я шаги...

Забившись в угол, грежу я о мире,
В котором все друзья, а не враги.
Мне б только видеть круговерть снежинок,
И больше ничего. Да, ничего!
Не надо мне пустых цветных картинок –
Не надо никого, поверьте, никого.
И, если наверху нас кто-то слышит,
Пусть будет ночь светла и вьётся снег.
Ведь сердце, хоть оно почти не дышит,
Не хочет прерывать свой гулкий бег.

Валерия ДАНОВА

* * *

Позолоченное солнце пало на поля,
Пропитало тлеющие травы.
Позолота в них осыпалась пылью –
А звезда, оставшись в теле янтаря,
Просочилась августу под сердце лавой,
Под язык – медовым леденцом.

Желтая жара. Тепло лучей
Оплавилось в лугах топленным маслом.
Одуванчик окунул в огонь
Голову, чтоб в пламенной парче
Вспыхнуть, воссиять ярчайшей краской –
Грибнику – да на бегу – тушить ногой.

Полземли – в пыли. Цветы – желты.
Рыжий можжевельник долу клонит
Тяжело смолистые ресницы.
Лето – мухомор. Срослось грибницей
С корнем сущего... И мякоть на разломе –
Белая, а после – золотится.

* * *

Я жду. Тень крестом на ступенях. Я жду.
Розы лимонные – чайные.
Время наложит бесчувственный жгут
На чахлые вены отчаянья.

Мрамор – как чаша. Испить – только пыль.
Статуи брезжат фонтанами.
Кистям рябин – разжигать чей-то пыл,
Рук – свою бледность утаивать.

Плющ спеленал вековую вражду
Трещин с гранитными латами.
Я – расколовшийся рыцарь. Я жду
Слез от безглазой статуи.

* * *

И в этой сумрачной и полновесной тишине
Ты вновь со мной, ты медленней, чем снег,
Ты ярче, чем вода, и льда древней.

В зверином повороте головы, в осколках глаз –
Пружина молнии, неназванная власть
В них безотчетно навсегда зажглась.

Я не желаю, не тяну умильных рук.
Я созерцаю. Алчный – сердцем близорук,
Теряет все – и прозревает вдруг.

А ты – не все, тебя не взять. Ты просто сок,
Сок вороники, прост, как строки диких сот,
Древнее вод с небесных благостных высот.

И верь – никто, кувшин с тем соком опростав,
Не сохранит своей крови былой состав,
Ему острог не строить, в строй не встать.

Но под копытами толпы – и в паре – ты один:
Моей тоски ко дну идущие ладьи
Стучат о створки твоей сомкнутой груди.

Юрий СМИРНОВ

ПЕТУХ

Чуть-чуть, едва-едва, полоской розовой
Природа просыпается окрест.
Но дремлет астра, дремлет куст мимозовый –
Король и королева этих мест.
И тишина. Ушли ночные страхи.
Но вот, травмируя фальцетом слух,
Кричит гортанно, несмотря на охи, ахи,
Похожий на фельдфебеля, петух.

* * *

А мотыльки – шпанюю – на огонь...
Пригелась ночь у тихого огня,
И тихий всхрап уснувшего коня,
Что стоя спит, как настоящий конь.

Ночное. Пойма. Спутанные кони.
Почти кентавр – и человек, и конь,
Пеку картошку, и добры ладони
Земли, как материнская ладонь.

Я с мотыльками тихо говорю,
О жизни краткой, что ни говори...
На пламени пылающей зари
Я мотыльком когда-нибудь сгорю.

* * *

Грачиный град вечерним граем
Раскраивает тишину,
Простертую над кротким краем,
Готовящемуся ко сну.

О, перелетный черный город,
Облюбовавший тополя!
Базар твоих житейских споров
Смирненно слушает земля.

Иду опасливо, украдкой:
Наст хрупкий – крошево стекла...
Пьянящий воздух влажно-сладкий:
Весна пришла!

СНЕГИРИ

Быль да правда, что зимуют впроголодь
Красногрудые шальные щеголи!
Чванятся, взворашиваясь – с жиру,
Снегири – известные транжиры!
На груди салфеткой красной – знамя,
Впереди – рябиновое пламя!
Сналету негаданные гости,
Рвут и мечут огненные гроздья.
Чернокрылый на расправу скор –
Отпылал оранжевый костер.
Снег – нежнейший, тонко свитый лен,
Снегириной славой окроплен!

СОВЫ

Кричи, но не горчи.
Разбуженные совы
Взирают на тебя
С продавленных ветвей.
Одна из всех причин –
В тебе так мало крови,
Что валятся слова,
Как прах из тополей.

Замену не найти
Застеленному миру,
Который крепко спит
В неспящих нас с тобой.
Вползает нервный тик
В звенящую квартиру,
Когда шаги за дверь –
Рассыпанная соль.

Осталось отгадать,
Куда уходит запах
С пропитанных твоей
Любовью простыней.
Смещается вода
Из шаткой кружки на пол.
И тянется январь,
Как цепь следов за ней.

НЕБОПАШЕЦ

Сквозь брезентовых псов отутюженный лай,
Населяющих щедро бездомные ночи,

Небопашец уходит в свой плазменный край.
Исчезает в разводах его червоточин.

Там, вдали, с недопитых землёю болот
Растекаются мутные пресные песни.
Их кисель застывает у ног, этих ног
Хватит на зиму. Сгорбились вещи,

Как протезы времён. Только стадо часов
И стеклянная водка в палёном стакане
Защищают от натиска уличных псов,
По сюжету поставленных кем-то над нами.

Даль свободного романа

Александр ПАПЧЕНКО

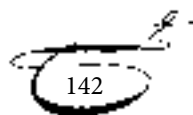
ЛИТ

Юльке Локшиной

Вот и солнце, вот и свет, вот и тени – это я. Все что я чувствую – я. Все что я вижу – я. Так устроен мир.

У куропатки есть и запах, и тень. Я чувствую запах куропатки, сладкий запах её слежавшихся перьев, запах её помёта, и я знаю – это куропатка. Никому в голову не придет отделить запах куропатки от самой куропатки и понимать их отдельно. Невозможно охотиться только за запахом куропатки. Так же и человек – никому в голову не придет оторвать от меня руку и понимать её отдельно от меня. Или вот, я вижу на речном песке свою тень и понимаю – это я. Нельзя отнять от меня тень, унести её в другое место и оставить там. Тени нет без меня. Но и меня нет без моей тени. Во всяком случае, я никогда не видел себя таким. Но даже пусть и так. Пусть моя тень исчезнет. Тогда меня станет меньше на мою тень. Нельзя отнять от меня мою руку, унести её в другое место и оставить там жить. Рука умрет. И меня станет меньше на одну руку. Мне будет больно оттого, что меня станет меньше...

Или вот я вижу ветвь орешника. Из нее можно сделать рогатину. Я ломаю ветвь орешника. Я её обжигаю в костре. Я её ласкаю ладонями, принавливаюсь к ней. Мои руки запоминают каждый бугорок её жилистого узловатого тела, каждый выступ – теперь эта рогатина часть меня. Потому что она стала продолжением моей руки. Уроню я её, наткнется на неё человек моего племени и почувствует – это я. Потому что у рогатины мой запах. А наткнется на рогатину незнакомец, ну хотя бы охотник из племени У – ему незнаком мой запах. Он вначале подумает о рогатине как о чужом человеке. Поговорит с ней, то есть со мной, незнакомым ему. Познакомится. Поднимет с земли, даст ей свой запах, и рогатина станет им, став продолжением его

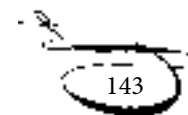
руки. Мне будет больно оттого, что меня станет меньше на рогатину. И разве это не так? Разве не правильно, что все, что я вижу – это я? Разве вон та сосна, цепляющаяся корнями за песок на самом краю обрыва, не я? Разве это солнце, сверкающее в вышине, не я? Разве та, Имя Которой Произносить Нельзя, не я?

Например, идет Эли берегом реки, видит мою тень на песке, а я прячусь за деревом. Эли узнаёт меня по тени и не наступит на меня лежащего. Потому что моя тень и я, тот, что спрячется за деревом, это все одно – это я, а Эли не такой человек, чтоб наступать на людей. Даже если это тень чужого человека.

Эли – та часть меня, что беззуба, мудра и седа. Осторожная часть меня. Задняя моя мысль. Несделанное впопыхах движение. Сгоряча не данное обещание. Моя скорая усталость на дневном переходе. Иногда моя бессонница. Вот что такое Эли. А еще Эли – мой дед, хотя это не так уж и важно.

Эли стар. У него нет зубов, а борода так седа и длинна, что напоминает клоч водорослей, тянущихся за течением на перекате. Когда я был маленьким, мне казалось, что в его бороде заблудилась рыбка. Заблудилась и плещется, и стремится против течения, отсвечивая серебристым брюшком. Вот я смотрю на сидящего у костра Эли. Костров несколько и теней Эли столько же. Как сложно устроен человек, если может быть сразу таким разным?! Один Эли черный и очень длинный простирается до большого серого в красных прожилках камня, лежащего у входа в пещеру. Этот Эли тягостно задумчив. И недвижим. Другой Эли толстый, как сам Оя. У него короткая шея и крючковатые руки. Смотреть мне на такого Эли страшно. Пламя костра окрашивают толстого Эли красным, и от этого он еще страшнее. Толстый сытый Эли лежит на земле, как обожравшийся паук... А вот Эли мерцающий. Его тень то гаснет, то вспыхивает, дробясь среди стволов деревьев – вот что делается в душе старика, хотя ему уже больше тридцати восьми зим! Эли, Эли... Тут я поднял глаза – в бороде старика плескалась рыбка. Я засмеялся – вот каким может быть Эли – рыбкой, прячущейся в собственной бороде. Ну разве не весело, каким может быть человек одновременно?

Но солнце еще не взошло. Солнце, этот огненный глаз плавающий в лоснящейся белизной выемке на голубом животе той, Имя Которой Произносить Нельзя, не взошло, потому что та, Имя Которой Произносить Нельзя, еще спит. И пока она спит, даже сам Вигару не решается ударить камнем о камень, чтоб не тревожить её сон. Проснется она, и опрокинется над миром, вглядываясь. И тепло и уютно станет всякому человеку под животом той, Имя Которой Произносить Нельзя. А ночью человеку неуютно. И страшно. Особенно когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, разметаётся во сне, опрокинется на бок, и тогда над человеком только мгла и в ней тлеют угли угасающего костра той, Имя Которой Произносить Нельзя. А погаснет её костер – от чего, скажите, она зажжет завтрашнее солнце?!

Страшно человеку ночью еще и потому, что он сокращается до размеров себя и его становится мало. Только мягкая кожа, только хрупкие кости и что-то еще, что стучит изнутри его, и трепещет, и шевелится в нем. И нет в человеке уже той березы, что стоит на опушке леса. Той со сломанной верхушкой. И даже камень на перекате уже не часть человека. Тот большой серый камень, обглоданный рекой. Потому что темно, и березы, и камня не видно. И сомнения одолевают человека – а ну как их там уже нет? Они исчезли, и утром человек не сможет быть собой! Тем, которым был вчера! Ведь без березы и камня человек уже другой...

Во мгле человек так легко теряет себя. И если человек уже и не камень, и не береза, и не река, тогда он кто? Лишь бы хоть что-то осталось от человека, когда наступает ночь. Пусть даже только то маленькое, что стучит изнутри его...

Эли тридцать восемь зим, а мне пятнадцать. Как говорит Эли – пережил зиму, сосчитай её. Первые мои зимы мне насчитали, а остальные я уже сам. Вот мои зимы; Зима Голодная, Зима Большого Перехода, Зима На Новом Месте, Зима Болотных Псов, Зима “Мальчик мой”, Зима Когда Мама, Зима Эли, Зима Дымная, Зима Один Туда и Один Обратно, Зима Больного Уха, Зима Учита-ту, Зима Тех Что Неподалеку, Зима Бесснежная, Зима Теплая, и Зима Которую Еще Нужно Будет Назвать...

Эта история началась давно, сразу после зимы которую я так и назвал – Зима Учита-ту. Учита-ту моложе меня. У неё нет родственников. Отец и мать Учита-ту умерли в Зиму На Новом Месте. Учита-ту жила не в пещере как все, а под обломком скалы. В Зиму «Мальчик Мой» та, Имя Которой Произносить Нельзя, обрушила обломок вместе с другими камнями с вершины Горы, и он сполз к её подножию. Такой был грохот! Учита-ту тогда первой забралась в образовавшееся убежище, и так хватилась зубами за руку сунувшегося было следом за нею Сына Салисы, что тот до вечера отмачивал руку в реке – вот такие зубы! Правда, убежище оказалось неудобное, продуваемое насквозь. Говорят, что видели, как однажды в непогоду из него сквозняком вынесло костер. Но Учита-ту была рада и такому убежищу. Еще бы, ведь раньше ей приходилось жалобно скулить у входа в чужие пещеры, пока какая-нибудь женщина, сжалившись, не позволяла ей погреться у своего костра.

Как-то в страшную Зиму Когда Мама, Учита-ту так же скулила, перебираясь от пещеры к пещере, а её никто не пускал, так как добыча в тот раз ускользнула от охотников и все были голодные и злые. Ветер леденил. Он уже охрип от воя, а тут еще Учита-ту скулит. Эли наконец сжалился над Учита-ту и пустил её за полог к нашему костру. И я проснулся. Я всегда просыпался, когда полог, тяжелая медвежья шкура, взлетев и опав, скреб обмякшими когтистыми лапами по каменному полу – значит, кто-то вошел. Я проснулся. Я думал, это вошла мама и уже обрадовался. Я так обрадовался! Я даже забыл, что три дня назад мама уплыла по Реке навсегда... Я различил

чей-то силуэт, протягивавший к костру руки. А тень греющегося, отпечаталась на стене пещеры. Словно плыла по стене пещеры ко мне. Мама! Я вскочил... и увидел – это просто Учита-ту. Обыкновенная Учита-ту. Съежившись, вжавшись подбородком в колени, она испуганно косилась на меня, а я плакал от обиды. Как я мог обмануться? Но как я хотел обмануться! Всю зиму я ненавидел Учита-ту...

Потом шло время. Зима за зимой. Учита-ту привязалась ко мне, и бродила следом, как собака. Сын Салисы тоже ходил в моих друзьях. Я был самый сильный среди них и мне это нравилось. Мы вместе охотились на маленьких коричневых ящериц и жарили их на костре. Мы вместе забирались в заросли ежевики. А однажды мы ушли далеко, за поворот реки. Там, к перекату подступали сосны и было много земляники. Сын Салисы отговаривал меня и не хотел идти так далеко. Но кто же не знает Сына Салисы? Он всегда был робким...

Подобрав все ягоды вокруг, мы улеглись на песок на берегу реки. Было жарко, и я уснул... Проснулся я... не знаю, почему я проснулся. Приоткрыл глаза – рядом со мной на песке валялась шкура Учита-ту, а сама она лежала в реке, среди камней на перекате. Там было так мелко, что вода перекатываясь через Учита-ту и, не в силах скрыть полностью её тело, урчала, как кошка. Из омота, что рядом, тянулись по течению словно волосы, водоросли, и вплетались в Учита-ту. Вода сверкала, серебрилась на солнце, и поэтому Учита-ту тоже серебрилась, и казалась рыбкой, в недоумении застывшей на перекате. Рыбкой, которую так удобно, извинившись, проткнуть острой...

Учита-ту скосила глаза – я не отвернулся. Некоторое время мы смотрели друг на друга... Учита-ту вдруг медленно раздвинула ноги и у меня заломило в затылке. Прядь водорослей, послушно изогнувшись, скользнула ей между колен. Затем собралась в жгут в низу живота и перетекла на узкий коричневый живот, покрыв его равномерно, оттуда на грудь, которая еще была плоская, как моя, и затем обвила ей лицо...

И так мы смотрели друг на друга долго. Потом Учита-ту улыбнулась. И уплыла с отмели. Почему она улыбнулась презрительно? Или мне показалось?

Или я не прав? Или эта история началась позже? Тогда, когда лето еще не наступило, а я должен был идти и прикоснуться к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя?

Улекой еще кутался в тумане и поэтому костер еще горел у входа в пещеру. И его дым, смешиваясь с кислым запахом мокрой земли, не хотел улетать, а стелился, как пёс. Как голодный болотный пёс. И еще тогда шел дождь. Ленивый. И светало. Я выбрался из пещеры. Я обошел стороной спящих у тлеющего костра. Рыжебородый, лучший воин и следопыт племени, проснулся. Приподнялся на локте. Встретился со мной глазами и вновь опустил голову на валежник. Хотя сон его теперь будет некрепок. Потому что та часть Рыжебородого, которая в нём я, будет смущать его моими

сомнениями. Интересно, как велика в Рыжебородом та его часть, которая я? Зато мне сейчас так кстати уверенность Рыжебородого, его сила. Даже его оскаленные в приступе ярости клыки мне сейчас кстати. Хотя такая улыбка вряд ли понравится той, Имя Которой Произносить Нельзя. И всё таки я стал сильнее...

По тропинке я спустился к реке. Как я и чувствовал – река спала. Под дождем. Я перебрался на другую её сторону. Снял с ног чуфы, эти кожаные лоскуты, и сполоснул в реке. Вывернул их на изнанку и примотал к ступням так, чтобы ворс меха помог мне взбираться на холм. Чтоб глина не выскальзывала из-под ступней. Кожаные ремни отсырели и скользили в пальцах. Это мне неприятно. Это я не люблю – скользящее в руках. Это – как опасность. Вот интересно, от кого это во мне? Кого из нашего племени испугала скользкая в пальцах опасность, что мне тоже теперь это страшно? Что это за чувство такое – страх? И почему это чувство такое – страх?

Так думая, я взбирался на холм. Внутри меня Рыжебородый спорил с Эли. Эли отговаривал меня – Рыжебородый скалился... И почему это Рыжебородый сейчас сильнее Эли во мне? Тут я поскользнулся и упал. И больно ударился лбом о землю. В шерсть набилась глина и чуфы больше не задирали дорогу, а скользили.

Некоторое время, передыхая, я лежал на земле и думал о том, что у настоящего мужчины голова усеяна шишками. Это знает всякий. И я вспомнил, как был маленьким. Как шел от реки. Вот так же вверх. Мама стояла выше на берегу и звала. А я плакал и полз к ней. Плакал от досады на дорогу, на себя, на маму. Тогда дорога также была мокра. И я также соскальзывал и пятился, и скатывался вниз на берег реки. И вновь полз. Потому, что мама звала. А я был тогда почти весь ею. А она мною. И казалось самым страшным разделить эти части – на нас. Я тогда еще не знал, что это невозможно... И этот страх потерять её во мне – гнал меня. Я полз, пока с размаха не ткнулся головой в её колени. Пока я больно не ткнулся лбом в её колени. Пока я едва не расшиб себе лоб о её колени. Но эта боль смешалась во мне с чувством покоя. Потому, что я достиг. Смог. Вот отсюда на голове появляются первые шишки у мужчин. И только потом уже – от дороги. Вот почему появляется спокойствие внутри человека, когда он достигает цели.

Я встал на четвереньки. Я ухватился одной рукой за ствол орешника у самого его основания, другой рукой за другой ствол и, чувствуя, как больно сейчас орешнику от того, что я гну и ломаю его, и от этого чувствуя боль в себе, все же пополз вверх. Пополз, стряхивая на себя задержавшийся в листьях кустарника дождь.

Я достиг вершины. Я стоял на ней на четвереньках и боялся разогнуться. Я глянул вниз – Улейкой прятался в дожде. Вершина соседней сопки тоже пряталась в дожде. Где-то там внизу, за невидимой отсюда рекой, наше стойбище. Но его, как и реку, не видно. Не видно! Едва я это осознал, как меня неожиданно стало очень мало. Это

сделалось со мной вдруг, как будто я в одном стремительном прыжке сузился. И я тут же стал неуклюжим, жалким, стоящим на четвереньках человечком. У меня закружилась голова от страха совсем исчезнуть. Я лёг на землю и обхватил её руками. Я лег на землю и прижался к ней. Вцепился в неё. Так, что ногти заломило... Ногти заломило, и я перестал стремиться к себе. Я остался в этом видимом мне круге травы и деревьев. Но этот я был так жалок... А над головой туман. Если я встану, я наполовину исчезну в нём. Это-то и страшно... Оттуда, с нашего стойбища туман как облако. Как твердое облако, похожее на камень. А оно не камень. Если бы я мог дотянуться до той, Имя Которой Произносить Нельзя из другого места! Вот зачем я сюда пришел – чтоб прикоснуться к ней. Я поднял руку. Начиная от локтя, она таяла и исчезала в облаке. Я пошевелил кончиками пальцев. И удивился, что они еще есть где-то... Чтоб прикоснуться к теплomu животу той, Имя Которой Произносить Нельзя, следовало встать. Встать и нырнуть в эту белёсую пелену. В это ничто. И раствориться в тумане. Перестать видеть даже себя! Так вот почему так отговаривал меня старый Эли идти на Гору. Ты еще мал, говорил он. Вот почему скалился Рыжебородый. Ты еще слаб, скалился Рыжебородый. Они знали – для того, чтоб прикоснуться к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя, нужно потерять себя. Исчезнуть. Умереть.

Меня прошиб холодный пот. Или это дождь? А вдруг после возвращения я перестану быть тем, кем я был, думал я. Потеряю себя того, который я есть сейчас, думал я. Колени дрожали. А вдруг я совсем перестану быть, думал я. Вдруг не вернусь никогда, думал я?

Уж я не тот человек, что может долго терпеть. Хоть даже и страх. Поэтому некоторые думают, что я отчаянный. А я не отчаянный, я просто долго не могу терпеть. Вот я и вскочил. Зачем? Кто мне скажет, зачем я боюсь страха прослыть трусом более страха погибнуть, скажем, в пасти пещерного тигра? Или страха исчезнуть в тумане? Потому что страх прослыть трусом будет грызть меня изнутри долго, а я не могу терпеть. Такой я.

Цепенея от ужаса, я вскочил. И поперхнулся белёсой мглой. Пустота вытаращила на меня свои жуткие бельма. Я захлебнулся ужасом, и... я остался? Не было ничего, а я был?! Я не исчез полностью! Что за страшное чувство быть, когда ничего нет?! Зачем оно, это чувство? Зачем я, если нет ничего? И тут моя рука простертая ввысь, прикоснулась к чему-то теплomu и мягкому... К ней! К животу той, Имя Которой Произносить Нельзя! И это прикосновение повергло меня на землю. Я упал. Я плакал от счастья. Или смеялся? Я катался по мокрой земле, и плакал, и смеялся – я понял! Я понял, что та, Имя Которой Произносить Нельзя, подвергла меня испытанию. Научила меня быть даже тогда, когда нет ни деревьев, ни сопки, ни травы, быть тогда, когда нет ничего.

Вот какой я теперь – теперь я мужчина, думал я, мчась с горы! Теперь мое место у костра среди мужчин, радостно думал я, несясь с горы! Теперь я смогу быть на равных с мужчинами, думал я! Вот как может думать человек, если он счастлив...

Нет, всё-таки эта история началась на следующий день. Точнее, на следующую ночь. Тогда как раз вернулся Рыжебородый с добычей. С тем кабаном. С тем огромным жирным кабаном. Вот не знаю я, как уж там Рыжебородый просил прощения у своей добычи, но мне почему-то кажется, что, может, и плакал. Уж очень силен был тот кабан! Что за огромные желтые клыки! А лоб – камень! А копыта? Можно понять Рыжебородого, как ему жалко было лишаться части себя, воплощенной в таком могучем облики!

Костров должно быть много – всякий знает. Разве согреешь живот той, Имя Которой Произносить Нельзя, одним костром? К тому же, чем больше костров, тем больше теней! Что за радостное зрелище – эти мечущиеся по поляне, по стволам деревьев, по каменистому откосу тени! Вот как много нас! Ух! Вот какое мы сильное большое племя!

Мы наконец согрели своими кострами живот той, имя Которой Произносить Нельзя, и она перевернулась на бок, отстранилась, и стал виден круглый желтый камень на стене её пещеры. Когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, бьёт в него, бледнеет даже Вигару, такой это грохот и такой это свет.

А сейчас нам весело. Мяса, что принес Рыжебородый, хватит на всех. Даже старикам достанется. И вот я, сидящий среди мужчин, улучил момент, когда у всех рты были заняты, отхватил кусок и снес Эли. Рыжебородый рыкнул на меня, но слишком он сыт сейчас, чтобы злиться. А толстопузый Ух ощерился. И закашлялся. Это он так смеется. Он смеется так, что складки его живота, лоснящиеся от жира, стекающего на них изо рта Уха, начинают смешно шевелиться и подрагивать. Как будто живот смеется отдельно от Уха. Отдельно – правда, это смешно? Помню, в зиму “Мальчик мой” я приходил смотреть на его живот и смеялся. Вот и сейчас, от соседнего детского костра раздавался хохот. А маленький Чок лишь покосился в мою сторону... Ох, уж этот Чок. Низкорослый, и голова его, как моя босая пятка. И он никогда не ходит прямо. Даже направляясь к себе в пещеру, делает крюк. Потому что Чок хитрый. А Сын Салисы даже не посмотрел на меня. У него такие длинные волосы и он так низко склонился над пищей у себя на коленях, что я лица его не вижу. Он робкий. И еще Чужой, Тот Которого Оставила Женщина. Никогда не поймешь, о чем он думает. Скрытный он, этот Чужой.

Вот так мы сидели у костра, и я был в тот момент немножко скрытным, как Чужой, робким, как Сын Салисы, смелым, как Рыжебородый, хитрым, как Чок и веселым, как Ух. И даже Оя, печальное божество Оя, наверное присоединилось к нам,

потому что роса в ту ночь так долго не выпадала. И то, не всё же Оя бродить по лесу и плакать в папоротниковых зарослях?

Вы спросите, где был Вигару? У Вигару свой, отдельный костер, потому что он должен неотступно присматривать за Воа. Ох уж и тяжелый характер у этого божества!

Потом все стали жевать листья сакты. Вот с этого то всё и началось. Вся эта история. С листьев сакты.

Едва все насытились – Вигару дал знак. У листьев сакты пряный вкус. И язык от них становится шершавым и отказывается служить человеку. Да и зачем человеку язык, если он не может высказать то, что он в этот момент чувствует?

Если бы круглый желтый камень той, Имя Которой Произносить Нельзя, сорвался со стены её пещеры и рухнул наземь, я бы не удивился, так мы веселились. Все оставили свои костры и перемешались. Жирный Ух посыпал свой живот пеплом. Там, где на его животе был липкий жир, пепел прилипал и получались полосы. Рыжебородый, тяжело ступая загнутыми внутрь, как клешни, волосатыми ногами, подошел к одной из женщин, сорвал с неё шкуру, опрокинул навзничь и стал владеть ею, размеренно хакая, будто рубил дерево. Чок вертел головой, как селезень усмотревший в пламени костра пищу, пока у него не закружилась голова и он не повалился с застывшей на лице благостной гримасой. Дети метались, словно брызги. И визжали. Кто-то мочился поодаль. Кто-то упал в костер, но его тут же выдернули оттуда, даже шкура накинутая тому на плечи, не успела заняться, и это так развеселило Сына Салисы, что он стал икать. Он бродил между кострами и икал, как проклятый самим Вигару, пока не наткнулся на Учита-ту. Да, так и было. Учита-ту рыжая. И я не знаю, почему, но Учита-ту смуглая, хотя в племени таких смуглых больше нет. И на ней лоскут шкуры медведя. Так как ей четырнадцать зим, детей у неё еще не было, и поэтому нельзя было понять, как она хороша. Насколько она будет хороша. Будет ли она хороша так же, как мясистая Усса, которая каждый год приносит потомство? Вот и сейчас Усса с животом, а значит, племя скоро станет еще сильнее. Хороша Усса! Раньше я думал – стану мужчиной и тут же овладею Учита-ту. Но чем ближе становился день, когда я должен был идти на Гору, чтоб коснуться живота той, Имя Которой Произносить Нельзя, тем больше я сомневался. А сможет ли узкое лоно Учита-ту вместить в себя ребенка, посланного мне той, Имя Которой Произносить Нельзя? И способно ли оно вообще принять его? А если я овладею ей, а ребенка не будет? Кем я буду? Как Оя я буду... Потому что скажут – вот идет тот самый Мадо, которому та, Имя Которой Произносить Нельзя, отказала в своей милости. Я думал, может, сначала овладеть Усса? Или я боялся Учита-ту? Или я помнил презрительную её улыбку, ту, которой она улыбалась тогда на мелководье? И если она так мне улыбнется, и я не смогу стать

мужчиной – вот это будет смех! Но вот теперь, когда икающий Сын Салисы стоял и смотрел на Учита-ту, я вдруг понял, что хочу владеть ею сам. Или так – не хочу, чтобы ею овладел Сын Салисы. И даже в голове у меня помутилось. У меня заболела голова – я бросился к Сыну Салисы и оттолкнул его. Тот споткнулся и рухнул наземь. И заскулил, держась за ушибленное колено. Заскулил, как побитый пес. И та часть моей души, которая была Сыном Салисы, съезжилась. Потому что я так страшно ненавидел его в себе. И если бы не листья сакты, я бы, наверное, испугался этого. Как можно ненавидеть часть себя? Но я был горд и я не думал. Я положил руку на грудь Учита-ту. Накрыв её левую грудь ладонью, как птичку, и понял, что сейчас овладею Учита-ту. Немедленно. Так сильно мне захотелось её. Я много раз видел, как это делают другие мужчины и, подражая им, сдернул с Учита-ту шкуру, в которую та куталась. Учита-ту оскалилась краем рта – острые зубы. Ощерилась, как пойманная в западню ласка. Но без отчаянья. И без презрения. Потом глаза Учита-ту расширились, и в тот же миг кто-то больно двинул меня в плечо. Я отлетел в сторону и едва удержался на ногах. Оглянулся – Рыжебородый. Он, оказывается, не насытился. Рыжебородый стоял, раскорячившись и напоминал выброшенную рекой на берег корягу. Отвратительную корягу, облепленную рыжими водорослями. Под тяжелым взглядом Рыжебородого все попятились, признавая его право владеть Учита-ту... Сын Салисы, подвывая и приволакивая ушибленную ногу, пополз прочь. Рыжебородый посмотрел на меня, глухо рыкнул и ощерился. Все смешалось во мне и я потупился. Удостоверившись в своем превосходстве, Рыжебородый коротким уверенным движением согнул Учита-ту. Согнул её так, как сворачивают голову утке. Когда уток так много, что у охотника кружится голова от изобилия. Когда в запале охотник так торопится, что забывает извиниться перед уткой, прежде чем скрутить ей башку – вот это-то меня и взбесило.

Не отворачивая от меня лица, и не переставая щериться, Рыжебородый приступил к Учита-ту. Тогда я схватил с земли увесистую дубину и опустил её на голову Рыжебородого. Рыжебородый упал. Нехорошо упал. Как камень, или как что-то плоское. Какое-то время никто не знал, что и подумать о случившемся. Учита-ту посмотрела на меня так, как я потом вспомнил, убегая, и с воем вцепилась мне в лицо ногтями. Ух! Разрывая его. А её зубы впились в мое плечо. Я оттолкнул её и бросился бежать. Что я наделал?! Я убил Рыжебородого. Быть может, мне бы еще и простили, если бы я убил самую смелую часть только в себе, но я убил её в каждом из нас. Что такое каждый из нас без отваги Рыжебородого? Это половина каждого из нас...

Я бежал, и вдруг вспомнил то, как на меня посмотрела Учита-ту и даже остановился от боли – глаза Учита-ту из темноты на меня смотрели презрительно. Как тогда, когда она была серебристой рыбкой на перекате. Уф!

Вот опять та, Имя Которой Произносить Нельзя, разожгла Солнце и пустила

его к себе на живот кружиться. Я лежал на нагретой спине валуна и смотрел, как липкий туман убирается за дальние сопки, уволакивая мои ночные страхи. Прошло время с тех пор, как я бежал. Днем я искал съедобные корешки и охотился, а вот ночью... Ночью, забившись в расщелину у подножия Горы, я плакал и стонал вместе с Оя, я угрюмо пыхтел и скрежетал зубами вместе с Воа, я молил ту, Имя Которой Произносить Нельзя, и всё равно был одинок и так мал, что наступил на меня в тот момент куропатка, я бы верно погиб под её стопой. Дрожа от холода, я раздувал ноздри, приносясь, я всматривался в мрак, я ловил каждый шорох, каждую, самую неверную тень или отблеск в чаще леса, чтобы быть чем-то большим, чем я был на самом деле.

А однажды мне приснилась серебристая рыбка. Она плескалась у Эли в бороде. У рыбки были бедра, как у Учита-ту, и лоно. Я обнял рыбку, я привлек её к себе, и ощутил её трепещущую подо мной, я слился с ней, и меня бросило в жар, наконец-то я был не один! Но тут старик Эли открыл рот и рыбка послушно заплыла туда. А я вновь остался сам с собой...

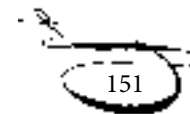
– Что ты надумал, Эли! – воскликнул я и проснулся. Некоторое время я был неподвижен во мраке. Я сидел в темноте, пораженный своим одиночеством неожиданно увиденным как бы со стороны. Я сидел, словно во рту Эли. Затем наощупь я выбрался из пещеры, вскарабкался на валун и завыл. А мне в ответ из чащи – волк. И я заплакал. Что же я, волк разве той частью себя, которая во мне теперь ничья?!

Так шло время. Пришлось устраиваться на новом месте. Я натаскал в свою расщелину хвои и принялся обозначать себя. Пока я жил в племени, обозначать себя не было нужды. Без всяких отметин было видно, что нас много, что мы сильны, что мы здесь и что весь этот мир уже чей-то. Но когда ты один, ты не так заметен.

Однажды в начале дня я точно так же, как сегодня, лежал на спине валуна, смотрел, как туман уволакивает ночь, и вдруг почувствовал страх. Он был маленький и мохнатый, и как бы даже еще и не сам страх, а тягостное предощущение страха. Я насторожился и ощутил, как по самому краю осязаемого мной мира, там, где от него оставались едва уловимые запахи и невесомые шорохи, двигалось что-то. Время от времени оно замирало, и я, почти теряя его, тем не менее, знал – оно здесь и оно тоже чувствует меня, как необъяснимую тревогу...

Он был из чужого племени, этот мужчина. Я понял это за миг до того, как он выступил из-за сгрудившихся в глубине распадка деревьев. Он был высок и немного нескладен – то есть его голова покачивалась на длинной шее, словно под ветром. Но это он так прислушивался. Густые черные волосы спускались по загривку до середины спины. На плече у него лежала короткая узловатая дубина.

Незнакомцу предстояло пересечь открытое пространство и, почувствовав как он напрягся, я напрягся вместе с ним. От незнакомца пахло водой и страхом. Водой

потому, что он шел со стороны реки, а страхом потому, что он забрался далеко, стал одинок и понимал это.

И я подумал так – иди, незнакомец...

А он подумал – где ты прячешься?..

А я подумал – иди...

А он думал своё – а вдруг...

Часть меня, наполненная незнакомцем, дрожала его страхом перед невидимой опасностью...

А я подумал о Рыжебородом. Он тоже уходил далеко и ему было тревожно одному. Но он нёс в себе и меня тоже, и ему было легче от этого, а я его убил... Всё во мне возмутилось от такого себя. Незнакомец вздрогнул, снял с плеча дубину и, обернувшись ко мне, попятился, низко склонившись, словно готовясь отражать нападение и, не разгибаясь, поспешно пересек открытое место и скрылся в лесу. И его страх стал моим, и я еще долго потом не мог отделаться от ощущения, что боюсь себя. Раньше такого со мной не случалось.

Я пошел по следам незнакомца и достиг одинокого утеса на краю леса. Обычно так далеко я раньше не заходил. За утесом был незнакомый мне мир, с его перелесками и лугами. Там, в траве сверкала вода и кричали птицы. Хорошие птицы. Вкусные. Но уйти от себя туда я не решался. Вот Рыжебородый, тот да, тот мог...

У подножия утеса я наткнулся на метку, оставленную незнакомцем. Она стояла невысоко. Я знал, что незнакомец мог бы помочиться и выше. Он мог бы разбросать свою метку широко, гордо, но не сделал этого. Скромно обозначил себя у подножия скалы и ушел. Я понял – незнакомец почувствовал границу моего мира как окончание собственного страха, и благодарил меня за то, что я его оставил... И я в волнении перебил его метку своей.

Потом я нашел крепкую сучковатую палку нужной длины и принялся обозначать себя. Я ел можжевельниковые горькие ветви, листья земляники, немного папоротника, отвратительного на вкус, затем приставлял свою палку к дереву, взбирался по ней и мочился на соседнее дерево. Мои метки должны были стоять достаточно высоко, чтоб чужой, случайно оказавшийся здесь, понимал, как я силен – вон какого я роста. И в тоже время, они не должны были пугать его своим резким запахом. Я просто говорил, что этот мир уже есть... И он уже такой. Я требовал уважения от незнакомца, а не страха.

То, что это Сын Салисы, я понял сразу. Он еще огибал поверженный бурей ствол сосны за два поворота от того места, с которого бы я мог его видеть, а я уже знал – это Сын Салисы. Я слышал его робкие неуверенные шаги и еще какой-то глухой, ритмический звук – наверное в руках у него была палка. Вот Сын Салисы остановился

у второго поворота. Да, там земляничная россыпь, вспомнил я, и испугался, что он только для того и проделал свой путь, чтоб поесть земляники и вернуться. И я вновь останусь один. Я вскочил. Я хотел бежать ему навстречу... Но вот ведь как устроен человек – одному ему плохо, а бежать навстречу он не хочет! Но нет, вот Сын Салисы двинулся дальше и вдруг вновь остановился. Это он у моей метки, догадался я.

Когда Сын Салисы показался из-за деревьев, я сделал вид, что его приход мне безразличен. Я играл в камешки. Знаете как? Это когда два камешка лежат. Затем один из них подбрасываешь, и пока он летит, нужно поднять второй, и той же рукой успеть поймать падающий камешек. Детская игра. И тем не менее, когда Сын Салисы показался из-за деревьев, я уронил камешек. И он запрыгал, зацокал вниз по откосу. Сын Салисы проследил за его падением, да так и остался с опущенными глазами. И у него действительно была палка – сосновая обожженная сверху небольшая рогатина, нижний конец заострен.

– Ты, вот... – сказал он, съезжился и замолчал.

Вот какой робкой частью прирос мой мир, но я и ей был так рад, что не объяснить!

– Знаешь, Рыжебородый умер... – сказал Сын Салисы и вновь замолчал.

И хоть я это знал еще в тот момент, когда увидел, как плоско Рыжебородый упал, мое сердце сжалось.

– Я пришел сказать... – сказал Сын Салисы и снова замолчал.

Так невнятно и медленно он говорил всегда, и раньше это меня злило. Но сейчас я так рад был его приходу!

– Они не хотят тебя... – сказал он.

– Не хотят... – задохнулся я от боли.

– Совсем, – сказал он.

– Совсем, – эхом, я.

– Потом, когда-нибудь...

– Когда-нибудь...

– С горы будет видно, – сказал он и пошел.

Я смотрел ему вслед. Сын Салисы уходил, и я уменьшался вместе с ним. Мой мир. И я думал; какой он маленький, мой мир, если даже такой человек, как Сын Салисы, способен его наполнить собой?

Конечно, я не пошел на Гору. Я затаился в зарослях ежевики, где река в последний раз, прежде чем броситься прочь, в луга, оборачивается к горе. Я устал ждать, пока вдаль не показался погребальный плот. Связанные между собой стволы деревьев лишеными листьев ветвями царапали воду, точно так же, как сейчас в стойбище женщины нашего племени раздирают себе лица ногтями. Но я не женщина. Я зачерпнул ила. Холодного ила со дна реки. И опустил в него лицо. И пошел себе прочь. Тяжело

будет плывущему на плоту Рыжебородому повстречать своего убийцу, пусть даже скорбящего...

Через пару дней, в сумерках, я пришел в стойбище за огнем. Мне предстояло жить одному, а что такое человек без своего костра? Я бы мог не прятаться, меня бы никто не тронул. Рыжебородый умер – мир съезжился. Погибну я – мир сократится еще. Зачем? Но я не хотел видеть, как они, люди моего племени, будут отворачиваться от меня. Поэтому я подкрался со стороны леса, рассчитывая взять огонь, когда все уснут. Псы, которых здесь у стойбища шныряло множество, учуяли меня, но знакомый запах их успокоил. Я гладил их, а они урчали и облизывали мне колени. От пещер стойбища доносились голоса мужчин, преувеличенно мужественные, обозначавшие готовность дать отпор прячущейся в ночи опасности. Пахло жарящимся на углях мясом. Женщины перекликались, созывая припозднившихся детей. Голоса женщин летели далеко в прозрачном вечернем воздухе, и от этого казались особенно печальными и одинокими, как вопли гагар, отбившихся от стаи. У меня сжалось сердце от жалости – от реки шел Эли. Я ведь совсем забыл о старике. Кто его теперь накормит?!

Покачиваясь от усталости и тяжело переставляя ноги, Эли поравнялся со мной и неожиданно оглянулся в мою сторону. Я испуганно ткнулся лицом в землю – вдруг Эли почует меня и выдаст неосторожным жестом! Когда я поднял голову – старик удалялся. Его тень волочилась за ним, как побитая...

«Чего я жду?» – подумал я, и выбрался из укрытия. Едва я миновал крайние пещеры, где селились молодые охотники, как встретил Чужого, Которого Оставила Женщина. Увидев меня, он закрыл уши руками и отвернулся. И так стоял, немой... Их мир больше не мой. И что я без них? Только я. Только мои глаза, мои уши, мои руки – вот какой я маленький. Я шел, а все встречные закрывали уши и отворачивались... Из пещеры выбежал ребенок. Следом женщина. Глупый ребенок, сунув палец в рот, с интересом уставился было на меня, но женщина спохватившись, закрыла ребенку уши и прижав к себе, увела его в пещеру. Один лишь Вигару сидел недвижимо у большого костра и его взгляд пронзал меня, не задевая, так, будто меня не было. Быть может, потому, что сегодня его лицо украшали зеленые разводы... Разве сегодня праздник?

Я взял из костра дымящуюся головню и, почтительно обойдя стороной лежащую на земле тень Вигару, направился прочь. И замер. Это Вигару приказал мне остановиться. Мой затылок потяжелел под его взглядом, у меня заломило в висках от мудрости Вигару, которую я ощутил, как струящийся сквозь меня поток. Как поток, который увлекает меня. И я, как щенок брошенный с берега на стремнину, барахтаюсь и захлебываюсь в нем...

– Ты найди себе женщину, – сказал Вигару, – И это будет верно. И пусть она родит тебе сына. И это тоже будет верно. И вот тогда ты вернешься. И вот это и будет верно.

Голос Вигару звучал во мне, как мой собственный...

– Потому что Рыжебородого больше нет...

Голос Вигару затухал во мне...

– Старого Эли можешь взять себе... И это будет верно. Ты не умер.

Я не умер, задохнулся я от радости! Я жив! Еще некоторое время я стоял оглушенный, не смея пошевелиться, дышать не смея. Потом поднял глаза – пологи ближних пещер были приподняты и длинные языки света от горящих внутри пещер костров тянулись по каменистому откосу. И еще тени. Тени от стоящих внутри пещер людей тянулись ко мне. Все эти люди сейчас прислушивались к нашему с Вигару разговору, не решаясь выйти из своих убежищ. Значит, меня простили! Не то, чтобы совсем простили, но хотя бы прислушиваются... Значит, я жив! Это быстрое прощение тогда мне не показалось странным. Я забыл вспомнить, как Сын Салисы просил меня не появляться в стойбище. Это потому, что я тогда еще не умел понимать вещи раздельно друг от друга. Я тогда думал о том, что я обязан взять Учита-ту себе. Я убил Рыжебородого и теперь должен кормить Учита-ту. Она мне родит сына, думал я. Вигару будет доволен, все будут довольны, и я вернусь в племя. А о том, о чем я не хотел и боялся думать, я не думал.

Я ушел из стойбища... Эли я забрал себе. Кто будет кормить чужого старика? Едва я сбежал, Эли тут же ушел в нашу пещеру и почти не покидал её, доедая прокопченное над костром мясо из наших старых запасов. А что потом? Потом бы Эли умер и его бы отправили вслед за Рыжебородым по реке. Каждый старик знает, что он живет, пока живет хотя бы кто-то из его потомков.

Однажды, сидя с Эли у костра, я подумал, что будь он рядом со мной всё это время, меня бы не выгнали из племени. Во всяком случае, ударил бы я Рыжебородого слабее. Ну, покусал бы он меня... Эли лишь улыбнулся.

На новом месте Эли начал обустриваться. Уходя из поселения, Эли прихватил с собой нашу медвежью шкуру-полог, которой теперь занавесил вход в расщелину. Дальний её угол завалил травой с излучины реки. У входа расчистил место для костра и наносил валежника, и наша пещера уже не казалась мне чужой. Трудился Эли в одиночку, потому что я охотился. Возвращаясь с добычей, я радовался, видя сидящего на валуне у входа в жилище Эли. Если я возвращался с пустыми руками, я знал, что не останусь голодным – уж кто-кто а запасливый Эли чтонибудь да придумает.

Как-то, преследуя бурундука, я забрел к одинокой скале на краю леса, той самой, на которой когда-то незнакомец оставил свою метку. Сразу за скалой простирался луг, но высокая луговая трава даже здесь, на опушке леса, царапала мне лицо, и это раздражало. Солнце подобрало тени, чтоб те не волочились по земле, как медвежья шкура, накинутая на ребенка, и было жарко. Досадуя на себя за то, что утратил след бурундука, я решил было возвращаться, когда моих ноздрей коснулся чужой запах. И

не то чтобы он испугал меня, но волосы на затылке неприятно пошевелились. Я пригладил их и стал принохиваться. Да, это были люди. Незнакомые. Несколько. Смятение и ужас овладели мной. Если где-то когда-то человек и может быть своим носом, то сейчас я стал именно таким человеком-носом. Вот запах пота. Я почувствовал его соленый привкус у себя на языке. Запах выделанных шкур. Шкуры нашего племени пахли по-другому, потому что их соскребали... Я не успел додумать, как почувствовал запах обожженного дерева. Так пахнет обугленная на костре рукоять рогатины, когда её запах смешивается с запахом ладони, держащей её. Эти запахи не были знаком плохих намерений, и я несколько успокоился. И в этот момент я почувствовал женщину. Женщина! Я прислонился к скале... Женщина, не об этом ли говорил Вигару? Нужно украсть женщину! У меня заболела голова... Что делать? Если бы можно было посоветоваться с Эли! Но желание уже овладело мной. Я упал на землю. Вбирая в себя запахи травы, я принялся кататься по земле. Но тут кто-то голосом Эли сказал внутри меня: оставь это, так свои запахи не перебить. Это верно, понял я. Разве что зайти с подветренной чужакам стороны.

Согнувшись, я утонул в траве. Лишь бы только ветер не переменялся – сейчас он дул мне в лицо. Я сделал несколько шагов, и из-под ступней брызнула вода.

«Это хорошо, – обрадовался я, – Если придется убегать, то бежать нужно через луг – к воде запах не липнет. Хотя, с другой стороны, ноги проваливаются в зыбкой почве. К тому же, на траве все равно останется запах. Нет уж, лучше взять левее, вон взгорок...»

Так думал я, успокаивая себя. С женщиной на плече разве убежишь от мужчин? Никогда. На что я надеялся? Если бы я мог думать, я бы не надеялся. Но запах женщины кружил мне голову. Слова Вигару звучали во мне. Желание владело мной, заглушая то маленькое, что скулило внутри меня и жалось в уголок, и царапало меня изнутри своими шершавыми паучьими лапками...

Я бежал с закрытыми глазами и меня ничто не отвлекало от следа. Запах то бросался мне в ноздри, и тогда я обмирал от близости чужих, то истончался, и я, боясь потерять след, возвращался на несколько шагов, находил его, и вновь бежал.

Наконец запахи стали настолько сильны, что я вынужден был остановиться и осторожно приподняв голову над травой, оглядеться – вот они! Чужие! Несколько едва различимых точек, брели друг за другом по склону холма, возвышающегося по ту сторону луга. И какая-то из этих едва уловимых точек была женщиной.

Я вдруг почувствовал их. Я понял, с какой опаской смотрят они сейчас на незнакомые им горы, как им неуютно и тревожно. Как у вожака сводит от напряжения пальцы, сжимающие дубину. И от этого его ладони потеют. И этот запах далеко слыш-

но. И вожак знает, что слышно. И поэтому ему еще тревожнее. «Зачем мы здесь?» – думает он. Волнение вожака передается следующим за ним мужчинам...

Ветер изменил направление и, чтобы и далее оставаться незамеченным, мне пришлось пристроиться вслед за идущими. Я шел за ними, всматриваясь в каменистую почву у себя под ногами и надеялся найти хотя бы что-то. Смятая травинка, или отброшенный в сторону камень могли бы мне рассказать о чужаках. Но следов было мало, и это меня пугало. Значит, среди чужаков не было ни детей, ни старух. Старики, те знают как надо скрывать свои следы, а вот старухи... Передо мной шли люди опытные, охотники, воины, а вовсе не кочующее племя, откуда, конечно, похитить человека проще... Что это? На травинке красная точка. Я присмотрелся – кровь! Кровь женщины. Молодой женщины. Веселой. Вот здесь она зачем-то отбежала в сторону – вон куда укатился камень, неосторожно отброшенный её ногой. Здесь она зачем-то сорвала несъедобную траву. Вот опять кровь... Зачем они, эти опытные люди, взяли с собой женщину? Я слизнул её кровь с травинки и ускорил шаг. Эта женщина будет моей, в этом я больше не сомневался.

Я увидел впереди себя мерно раскачивающие спины чужих и, как учил меня Эли, потупился. И обрел бредущих вереницей чужаков без смятения. Я извинился перед вожаком и дал ему понять, что я не вооружен.

«Я стал на твой след и недопустимо близко приблизился к тебе и твоим людям, но ты не опасайся. Ты не запнешься за мою тень. Ты не запнешься за мою тень. Не запнешься. Ты не запнешься», – твердил я, нагоняя идущих.

Все было неправильно, но сосредоточившись на разговоре с вожаком, я об этом вначале не подумал. А потом я увидел женщину. Невысокая. Черные волосы разметало, словно ветром золу перегоревшего костра. Потрепанная шкура. Зим ей пятнадцать. Так я её видел. Женщина вернулась от кустарника, куда вновь зачем-то отбежала, и пристроилась вслед за последним из идущих. И тут я подумал, что всё неправильно. Женщина должна идти в середине группы. И главное – не было замыкающего, того кто бы охранял идущих от нападения сзади.

«Вдруг замыкающий отстал! – испугался я, – Отстал и сейчас набросится на меня. Прыгнет мне на спину!»

Я затаился и некоторое время ждал, но замыкающий так и не появился. Его не было. Странно...

По левую руку от меня возвышался склон холма, по правую тянулись заросли кустарника. Вожак вел своих людей по склону чуть выше кустарниковых зарослей. Если опасность будет грозить с вершины холма, можно быстро уйти в заросли, если группа подвергнется нападению из кустов, можно отступить на вершину холма и оттуда, сверху, отразить нападение.

Я спустился чуть ниже по склону и, прячась в кустарнике, стал нагонять чужаков. О та, Имя Которой Произносить Нельзя, защити меня!

Я закрыл ей рот ладонью. Я закрыл ей рот ладонью, когда она в очередной раз отбежала к кустарнику. Она в очередной раз оставила мужчин, отбежала к кустарнику и принялась обрывать с ветки какой-то листочек. Глупая женщина! Я лежал в траве у её ног. У самых её ног, но она не чувствовала меня. Мужчины её племени уходили за очередной поворот, а я смотрел снизу вверх на женщину, обрывающую глупый листочек с ветки. Вот каков я! Её запах оглушил меня. Бедрa у неё были шире, чем у Учита-ту. Шире. Соски её груди указывали в разные стороны. В разные! На животе её ни волоска. Ни волоска! И тогда я закрыл ей рот ладонью. А в следующее мгновение я уже мчался. Я бежал вверх по склону холма, взвалив женщину себе на спину. Пусть это будет олененок, думал я, чтоб не думать о погоне. Женщина прокусила мне руку, которой я закрывал ей рот, она била меня и вырывалась, но у меня не было времени чувствовать боль. Пусть это будет олененок, думал я...

Я выбежал на вершину холма и остановился. Меня поразило то, о чем я подумаю позже, потому что сейчас я мог думать только о погоне, смотреть мог только себе за спину, удерживать мог только женщину у себя на спине. Но погони не было. С вершины холма я видел уходящую вдаль вереницу чужаков. И я не верил своим глазам, но их шаг стал шире. Да, шире! Этого нельзя было понять! Я украл у них женщину, а им безразлично. Неужели они такие трусы? Нет, я их не чувствовал так. Но тогда почему они не догоняют похитителя своей женщины? Тут я вспомнил о том что меня поразило – река! Отсюда с вершины холма я увидел реку и то что простиралось за ней. Раньше я был уверен что река, обогнув стойбище, уходит в луга навсегда, а оказывается – нет, она позже возвращается ... Я сбросил женщину на землю. Она принялась шипеть на меня, как рассерженная кошка, а мне не было страшно. Я смотрел на реку, которая словно змея, сверкая на солнце чешуёй, уползала в луга, чтоб вонзить свое жало в мышь, прячущуюся за горизонтом. Я смотрел на огромные пространства за рекой, на синюющие вдалеке леса – мир был огромен. Соединяясь со мной, этот огромный мир, дарил мне то величие, чувствовать которое раньше мне не приходилось. Сейчас я был рекой, стремящейся к горизонту, а еще я был заречными лугами, а еще во мне простирались те леса, что таяли вдалеке. Вот каким большим может быть человек!

Я оглянулся – женщина была покорена моим величием – она заворожено смотрела вдаль.

– Тебя как зовут? – спросил я женщину.

– Лит... – прошептала женщина, не отводя взгляда от горизонта, и от звука собственного голоса опомнившись, набросилась на меня, как взбесившаяся рысь, а я рассмеялся. Я отталкивал её, не позволяя расцарапать себе лицо. Достаточно было

прокушенной руки. Верно? Потом Лит сорвала несъедобную травинку и уставилась на неё. Глупая, Лит.

Лит тащила за мной по гребню холма и тихо шипела мне в спину. Я не боялся, что она уйдет – куда ей уходить. Разве она сможет жить, если рядом с ней не будет мужчины? Ну, найдет себе другого мужчину, но кто сказал, что он будет лучше меня? Когда шипение стало надоедать, я разыскал в траве чесночный корень. Выдернув его из земли и отряхнув, я протянул его Лит – на, ешь. Ешь, Лит. И ты станешь красивой, как Усса. У тебя, Лит, будут бедра, как стволы сросшегося дерева, и у тебя будет большая, наполненная молоком грудь, как у Уссы, чтоб кормить моих детей. Которых ты родишь мне. Ешь, Лит. Лит подумала, и взяла чесночный корень...

Солнце догорало. Я спешил вернуться к Эли до наступления темноты, но ночь обогнала нас. И когда Лит стала жаться ко мне, испуганно косясь по сторонам, я принялся искать место для ночлега. По левую от меня руку простиралась болотистая низменность, в высокой траве которой ночью так тревожно, по правую, у подножия холма – река. Можно было спуститься к реке, но как беззащитен человек, над которым возвышается берег. Уже было совсем темно, когда я отыскал удобное место для ночлега – одинокий дуб на гребне холма с разможенным обугленным стволом. Так случается, когда та, Имя Которой Произносить Нельзя, гневается и швыряет головни своего костра на землю. Уф!

От некогда величественного дерева уцелела лишь та его часть, что нависала над рекой. Эти несколько ветвей, расходящиеся от ствола, словно растопыренные пальцы, простирались над берегом реки на огромной высоте, и не было никакой возможности понять, почему дерево не падает. Чем-то этот дуб напомнил мне Вигару, и я понял что это хороший знак, и более не раздумывал. Уговаривать Лит взбираться на дерево не пришлось – всякому известно, как небезопасно человеку ночью на открытом месте. Еще немного, и темнота наполнится голосами зверей, и тогда только Воа, да костер, которого у нас не было, могут защитить человека.

Солнце погасло, но небо в той стороне еще тлело. Мы с Лит сидели на ветвях и вслушивались. Где-то тьякнула гиена – это хорошо. Проснулся филин – тоже хорошо. Внизу, под нами, на берегу реки зашевелились тени, послышался шорох или всплеск. Всё это меня радовало. Я боялся тишины. С тишиной ходит человек. Что ждать от человека, не боящегося охотиться в ночи? И тут раздался звук. Я вцепился в ветку, на которой сидел, так он был ни на что не похож, этот звук, тянущийся длинно... У меня на затылке приподнялись волосы, но я не смел пошевелиться чтоб коснуться их. Звук затих, и я услышал, как внутри меня кто-то возится и стучит. Если бы я сейчас думал, я бы услышал собственные мысли, так стало тихо. Лит поглядела на меня... И в следующее мгновение звук повторился – Лит! Это была Лит. Я что подумал вначале – я подумал,

что ей больно. Я подумал, что в её племени все так стонут. Потом я подумал, что она хочет есть. И это было бы правильно, потому что я тоже проголодался. Потом я посмотрел на её лицо и подумал... Я не знал, что думать, потому что этот звук ничего не значил. Это не был стон, это не был крик... Потом Лит увидела желудь. Стала пробовать дотянуться до него и едва не упала. Желудь невкусный, глупая Лит! Зачем тебе желудь?

И в это мгновение я услышал Его. По краю осязаемого мной мира, двигался кто-то. Принимаю к моему следу. Замирая. Вслушиваясь. Это со мной всегда одинаково – будто в меня насыпали сырого песка. Мокрого речного песка. И он давит. Как тоска. Беспричинная тоска просыпается во мне раньше, чем я начинаю что-то слышать или видеть, и я понимаю её как грозящую непонятно откуда опасность. Тогда я прислушиваюсь и хочу обмануться... Лит по моему лицу всё поняла и жалобно заскулила. Я толкнул её – она затихла. И тут я сообразил – Он, тот, принимающий, идет по её запаху. Как призывно пахнет кровь женщины!

«Ты мог бы подумать об этом, прежде чем устраиваться на ночлег, – упрекнул я себя, – Чему тебя только учил Эли? Ты не бросил ложный след. Ты не прошел по своему следу и не разметал его. Ты не сделал заячью скидку на своем следе. Эх!»

Нужно было спешить – брякнул камень, неосторожно задетый преследователем. Я сорвал немного дубовых листьев и протянул Лит. Мне нужен был её запах, вот в чем дело. Быстрее, Лит! Я схватил испачканные её кровью листья и спустился с дерева. Сейчас бы очень пригодилась хорошая рогатина! Или, еще лучше, палка с заостренным концом. Или дубина. Обожженная на костре узловатая дубина. Но отправляясь утром за бурундуком, разве мог я подумать, что мне придется схватиться с чужаком?

Вначале я побежал вдоль гребня холма, так, как если бы мы с Лит миновали дерево. В одном месте я уронил дубовый лист. Затем, стараясь не оставлять следов на песке, я по камням спустился к реке. Здесь я тоже оставил запах Лит. Пройдя немного водой и, выбравшись на берег, на всякий случай вновь оставил запах Лит. Я спешил. Запах Лит нужно было разметать как можно шире. Чтоб им пропахло все вокруг. Чтоб Он наткнулся на него везде. Чтоб запах не указывал более на наше пристанище. Взобравшись на гребень холма, я по его противоположной стороне спустился к зарослям кустарника и бросился обратно, туда, откуда мы пришли. Если мне повезет, я успею стать на свой след далеко от дерева, на котором пряталась Лит, и попробую увести опасность подальше. На бегу пучком дубовых листьев я изредка пачкал траву. А вот то место, которое нам с Лит пришлось долго огибать – заболоченный ручей. Он, этот ручей, так узок, что мужчина без труда дошвырнет камень до его противоположного берега, но непроходим. Я тогда с Лит было сунулся в него, и сразу же утонул по колено, а потом еще долго бродил по берегу, выискивая брод. Ему тоже придется обходить этот ручей со стороны луга... Я замер – на противоположном берегу я увидел Не-

знакомца. Вон то неотличимое от других черное пятно в камышах и есть Он. Значит, Он давно уже услышал меня. Услышал, как я бегу по своему следу обратно, загался и стал ждать. А ведь мне казалось, что я бежал бесшумно, как учил меня Эли. И тут Он, сообразив, что я не пойду далее по своему следу, вдруг молча бросился ко мне. Конечно, Он чувствовал воду впереди себя, но ведь Незнакомец не мог знать, что эта вода для него непреодолимое препятствие. И хотя я ждал этого броска, меня все равно пригнуло к земле – так обыденно Он ненавидел меня. Он меня хотел убить так просто, как ломают ветку дерева, нечаянно задевшую путника за лицо. Словно я был незначительной помехой у него на пути. Вот так он меня ненавидел. Мне стало больно от его желания сломать меня, как ветку дерева. Больно, будто мне внутрь насыпали углей костра... Незнакомец влетел в ручей и понял, почему я не убегаю. Он стоял на противоположном берегу, как огромная черная, поднявшаяся со дна ручья коряга, и смотрел на меня. Незнакомец был выше меня на локоть и в его фигуре чувствовалась мощь. Лица его я не видел, но знал, как шевелятся сейчас Его ноздри. Как в бессильной ярости сжимает Он кулаки. Раздался всплеск и Он исчез – помчался вдоль ручья по моему следу. Я бросился прочь. Теперь я бежал к реке. Надо было надежно утопить в ней листья с кровью Лит. Иначе Незнакомец тут же поймет, где я их сорвал. Ну, один лист, тот что я уронил, могла сорвать женщина, так мог подумать Он, а вот целый пучок дубовых листьев! А ведь наш дуб – единственный поблизости...

Я сделал крюк по берегу, несколько раз пересек свой собственный след, сделал заячью скидку и вернулся к Лит. Теперь оставалось ждать. Он всё равно распутает мой след, другое дело – сколько ему на это понадобится времени! И есть ли смысл нам ждать утра на дереве? Быть может, нам стоит прямо сейчас броситься бежать? Если бы я был один!

«А вдруг Лит сейчас окликнет его? Радостно?» – подумал я.

Я посмотрел на Лит. В темноте глаза её сверкали так ярко, что мне захотелось попросить её зажмуриться, чтоб они, эти её глаза, не выдали нас нечаянно. Нет, Незнакомец не её соплеменник. Иначе у неё не перехватывало бы дыхание от ужаса. Его присутствие её пугает, и Он не нравится ей. Очень не нравится. И это хорошо. Значит, в схватке, если случится, Лит не будет стоять в стороне, ожидая победителя.

Его шаги раздались неподалеку и мы стали деревом. Мы слились с шершавой его корой, мы стали его ветвями, продолжением ветвей, его листвой. Мы старались думать, как дерево, чувствовать, как дерево... Вот Незнакомец совсем рядом. Лит все-таки зажмурилась, и... Он миновал дерево и отправился по следу, который я положил для него. Скоро Незнакомец наткнется на дубовый лист, затем будет рыскать около него, пока не поймет, что женщина спускалась к реке... Я взял Лит за руку. Та, Имя Которой Произносить Нельзя, накрой нас своей ладонью!

Второй раз мы его увидели, когда уже побледнело небо. Река дымилась. Незнакомец шел по её берегу. Он так неожиданно появился из-за поворота, что мы испугались. Но Незнакомец очень устал искать нас, поэтому не почувствовал запаха нашего страха. Если сама твоя кожа, твои глаза, уши и даже голос, и даже то маленькое, что стучит и бьется внутри тебя, излучает страх, то чем ты его перебьешь, этот запах страха? А ведь он так долго держится на безветрии...

Незнакомец остановился под нами и я неожиданно почувствовал то, о чем я подумал позже. Я не успел отвести взгляда и смотрел, как Он стоял, уставившись на реку. На плече у него лежала увесистая сучковатая дубина. Как я её не заметил там, у ручья? Или Он её поднял позже? И тут я потупился. Я слился с деревом...

Я правильно проложил след, но Незнакомец прошел его быстрее, чем я думал. Сейчас Он от Реки отправится к ручью, и там поймет, как лежит след. Он увидит его сразу весь, целиком, поймет, как я его прокладывал, и догадается, где мы прячемся...

Я выждал еще некоторое время, чтоб быть уверенным, что Незнакомец уже на полпути от берега реки к ручью, и помог Лит спуститься с дерева. Более можно было не таиться, и Лит тихонько скулила, как ушибленная собака. Как ушибленная болотная собака. Мы спустились к реке. Я не знал, умеет ли Лит плавать, но не стал её спрашивать, все равно у меня не было времени на то, чтоб искать подходящую корягу. Подумал – буду держать её на воде, пока не увижу на берегу что-нибудь подходящее...

Мы вошли в воду и поплыли по течению. И тут я вспомнил о том, что я почувствовал, когда Незнакомец стоял под нашим деревом и смотрел на реку. Почему-то я почувствовал тогда, что Рыжебородый желал бы меня убить, точно так же, как этот Он. Точно так же буднично, словно сворачивая шею утке. Не извинившись...

Оказалось, что Лит неплохо плавает. Держась середины Реки, мы миновали устье заболоченного ручья.

За ночь вода немного остыла, но холодно не было. Нас согревало желание побыстрее покинуть негостеприимный берег... Никогда после я не встречал живым нашего преследователя.

Река уносила нас на себе, а я думал – кто был Он? Человек, от которого отвернулись соплеменники? Человек, которого изгнали из племени? Эли говорил, что когда человек остается один, в нём появляется много пустого места. Раньше эти места в человеке занимали люди, потом человек ушел от людей, и их место в нём освободилось. Но человеку плохо, когда его мало, вот он и наполняется всем, что вокруг него – барсуками, облаками, рыбами, жабами, деревьями...

Наверное, я это думал вслух, потому что внутри у Лит что-то заурчало, ну точно как в середине кошки, когда ей за ухом чешешь. Вот так – ур-р, ур-р... Внутри у Лит что-то заурчало, она выбралась на берег, подняла с земли какую-то ветку и сказала мне:

– Лес – это люди, в которых много дерева. Деревья бы побежали вслед за нами, если бы хотели вновь стать людьми, но в них уже слишком много дерева.

Так сказала Лит и стала смотреть на меня сквозь ветку. Глупая Лит, без ветки видно лучше. Потом я попробовал подумать как это будет выглядеть бегущий по берегу лес, и у меня заболела голова.

– Деревья-люди нас царапают, потому что мы их оставили когда-то в одиночестве... – сказала Лит, – В отместку будто, – добавила Лит, отбросила ветку, зачем-то убежала в сторону, сорвала с куста лист, несъедобный лист, и стала рвать его на неравные части. А эти части листа соединять между собой.

– Запаха куропатки не бывает отдельно от куропатки. Отдельно не бывает ноги от человека. Отдельно не бывает меня от моей тени. Отдельно... – я сжал виски руками не в силах постичь произнесенное Лит.

– Бывает! – закричала Лит, – Тень бывает отдельно. Ну? – Лит бросила на ветер куски разорванного ею листа, затем вернулась, нашла в траве один из кусков порванного листа, подняла, посмотрела на него и опять выбросила. Чтобы понять женщину, нужно быть самим Вигару. И как бы мы без него постигали волю той, Имя Которой Произносить Нельзя? Но я не Вигару. Я сказал глупой Лит:

– Хорошо. Пусть еда будет отдельно от тебя. А ты радуйся, будто съела мясо, – я рассмеялся, – Не надо охотиться! Все равно кролик бежит отдельно от своих ног! Поставишь силос – поймашь уши! От кролика! Длинные уши кролика, что пробежали мимо! Уф!

Глупая Лит зашипела и мы отправились в путь. Так мы и шли – я впереди смеюсь, а Лит позади меня шипит от злости... А затем слышу – Лит не идет. Оглянулся – сидит на земле и смотрит на меня. И глаза у неё как у птенца в гнезде – круглые и скользкие. Ты зачем не идешь Лит, а смотришь на меня так?

– Река прошлась по кругу, – говорит тихо Лит, – И мы идем туда, где Он нас ищет! И ветер от нас – туда. И Он нас, может, уже слышит...

– Ты о ком, Лит?

– О том, что ночью приходил!

– Я не чувствую его запаха, я видеть его не вижу – его нет.

– Но где-то же Он есть! Там! – Лит махнула рукой в сторону.

– Когда я услышу его, Он будет. Когда я почувствую его, Он будет. Когда я увижу его, Он тоже будет. А сейчас дерево вон стоит, оно есть. Камень вон лежит, он тоже есть. Трава есть. Ты, Лит, есть, а его нет.

– Но где-то же Он есть! – стояла на своем Лит.

– Ладно, – согласился я, лишь бы успокоить Лит, – Пойдем, Эли нас ждет.

– Ага! Значит Эли есть, а этого нет? Где он, Эли? Где он прячется? Ну?

Лит подбежала к дереву и заглянула за ствол. Лит подпрыгнула, осматриваясь. Лит приложила к уху руку:

– Эли тут нет, а для тебя он всё равно есть. Вот, и тот тоже есть!

– Эли – это я, – объяснил я глупой Лит, – Поэтому он и есть.

Мы еще немного поспорили и, чтоб сделать Лит приятное, я сделал крюк, огибая кажущееся ей опасным, место. Я шел и думал, что вот действительно ведь, Эли я не вижу перед глазами, но всегда чувствую. Будто вижу глазами. Точно так же, как вижу каждого из моего племени, они всегда со мной. Почему? Только они теперь совсем мало занимают места во мне... А вот этот, который приходил ночью, его нет со мной. И как это понять? Я попробовал представить себе его, но у меня вдруг страшно заболела голова. Еще бы! Как это жутко – видеть то, чего нет! Так ведь можно увидеть Оя! Или даже Воа! Как это страшно – представить то, что происходит не из запаха, не из тени, не из следа, а просто из чего-то такого, чего на самом деле нет перед моими глазами? Как жить в таком мире, где всё возникает и исчезает из ничего внутри тебя? И как в них разобраться, в этих ничего не обозначающих видениях, теснящихся в твоей голове?! Я сжал виски руками. Прости меня, та, Имя Которой Произносить Нельзя!

– У меня от тебя все время болит голова, – сказал я Лит.

А Лит принялась рвать из земли высохший стебель дикого щавеля. Зачем он тебе Лит? Пришлось возвращаться и рвать стебель... Лит поглядела на него и выбросила.

А потом мы пришли. Вот уж Эли обрадовался. Вот уж он тряс своей бородой. Я тоже обрадовался. Еще бы – костер не погас, у костра моя женщина, за спиной мое убежище... Костер, Эли, Лит и убежище – всё настоящее. Хотел бы я посмотреть, кого сможет защитить убежище, построенное в голове? Кого сможет обогреть выдуманный костер? Обласкать придуманная женщина? Уф! Я так подумал, и стал веселым – глупая Лит. Нельзя построить в голове того, чего нет на самом деле. Еще хорошо, когда ты видел это раньше. Вот как я – Сына Салисы. Да, я его могу представить. Или пещеру Учита-ту. Но чем дальше от тебя то что ты видел, тем труднее чувствовать его частью себя. А того, что ты не видишь, нельзя представить. Если бы у меня было три руки, я бы чувствовал и третью руку. Но как думать, что она есть, когда её нет? Тут я совсем запутался...

– Сын Салисы не вернулся с охоты, – сказал Эли, когда мы сидели вечером у костра, – Навсегда ушел.

Лит урчала над куском мяса. Лит не слушала...

– Учита-ту приходила и сказала, – добавил Эли.

– Хороший был охотник, – сказал я, чтоб та, Имя Которой Произносить Нельзя не сомневалась, накрывая ладонью Сына Салисы.

– Хороший, – согласился Эли, – Ей понравится.

– Он принесет ей много еды...

Мы лежали с Лит внутри убежища. Эли дремал у входа, у костра. Уже ночь побледнела, а я всё думал. Может, Лит заблудилась внутри себя? Бывают такие люди – они совсем как настоящие, но та, Имя Которой Произносить Нельзя, освободила их для себя и никому из обычных людей их не понять, разве что только Вигару... Но Лит не похожа на таких. Так я ворочался, не в силах уснуть, пока Лит не уселась. Села и стала смотреть на меня. А я на неё. И так долго смотрела. А потом говорит шепотом:

– Смотри!

Лит вытянула руки. Сложила ладони. Я даже не понял как. Я ничего не успел понять, как по стене убежища поплыла рыбка. Тень от самой настоящей рыбки на сером камне! На сером камне рыбка казалась седой! Точь в точь, как та, что плескалась в бороде Эли! Костер освещал руки Лит, а по стене пещеры плыла настоящая рыбка! Тень была рыба, а самой рыбы... Я схватил Лит за руки! Быть может, она поймала рыбу в реке, принесла её незаметно в убежище, и теперь... Нет! Рыбы не было! Только горячие пальцы Лит. Но тень от рыбы была! Настоящая! Будто рыба стоит на перекате и шевелит плавниками, а её тень извивается на каменном дне. Я не мог ошибиться! Тень была, а рыбы не было!

– Седая рыбка, ты заблудилась?!

Весь тот мир, скрытый предутренними сумерками, тенями деревьев, расстоянием, весь тот мир, недоступный глазу человека, мир загоризонтный, отделился от зримого человеком мира и стал быть для Мадо. Сырые от росы листья щавеля и ромашки на заречном лугу нельзя было осязать из пещеры, но они были! Эта мысль, потрясла Мадо. Если ромашка пахнет здесь так, то почему она должна за рекой пахнуть иначе? На лугу, усеянном белесыми лепешками тумана, быть может, кричала птица коростель. Пусть не коростель, пусть это была другая птица, но почему бы ей там не кричать?

Неправдоподобно и страшно было Мадо увидеть вдруг возникшее из ничего, из пустоты, из неуловимого, сродни обманному движению его мысли, очертание фигуры вчерашнего Незнакомца.

– Уф! – попятился Мадо.

Он был, как живой – Незнакомец. На его загривке шевелились волосы, слипшиеся от пота, а ноздри раздувались.

– Уф! – сжал кулаки Мадо.

А еще Незнакомец избегал встречаться с Мадо взглядом. И непонятная Мадо усмешка кривила Незнакомцу рот. И поймав себя на этом, и избавляясь от усмешки, Незнакомец нервно облизнул губы. Теперь они лоснились...

– Уф! – ощерился Мадо...

Как ты, Незнакомец, таящийся внутри Мадо? И как удалось тебе уйти, оставив свою тень внутри него? И зачем ты так непостижимо вернулся к Мадо той частью себя, которую нельзя убить, от которой нельзя убежать, избавиться?

Тень! Ты слышишь Мадо? Оставь его, походи к комунибудь другому!

Мадо почувствовал, как из его души потянулось изматывающее в необъяснимой тоске слезливое желание вернуть целостность миру...

Ранее достаточно было бы Мадо покинуть берег реки, и образ враждебного Незнакомца отошел бы на второй план. Изгладился бы, поблек, выцвел бы за ненадобностью. Ранее Незнакомец воспринимался Мадо лишь как деталь конкретного пейзажа, конкретный фрагмент именно той конкретной ситуации, в которой он оказался вчера с Лит. Ранее для Мадо не существовало абстрактной угрозы. Опасность всегда была зрима и осязаема, и у неё всегда был осязаемый носитель или причина. Так же, как и все остальное в мире Мадо...

Что ты наделала, Лит? Опасный Незнакомец, подобно тени от рыбы, что непостижимым образом при помощи рук Лит отделилась от самой рыбы, отделился в сознании Мадо от дуба, на котором они вчера прятались с Лит, и таким образом обрел свободу перемещения и вытекающую из этого способность угрожать Мадо везде и всегда. Следовательно, теперь о Незнакомце нужно было помнить все время. Ждать его. И надеяться, что тот не придет...

– Мадо! – старый Эли склонился над Мадо...

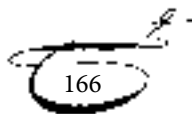
Лит убежала к выходу из пещеры и смотрела оттуда испуганно. Край её рта хищно приподнялся, оголив ровный ряд острых зубов – так, предостерегая, пятась, щерится пес.

Мадо жалобно покосился на Эли и, будто защищаясь, потянул к лицу волчью шкуру. Вжался в неё лицом. Подавился ворсом...

– Мадо! – Эли тряхнул своего внука.

Раньше за каждым выступом скалы зияла пропасть – теперь вот твердь. Раньше невидимое, неосязаемое Мадо трансформировалось, как казалось Мадо, по своему усмотрению, без его участия – теперь же оставалось незыблемым. Зато раньше у одной тени был один смысл, теперь же стало несколько. Зато раньше Мадо не ждал, а теперь ждет. Ждет Незнакомца – а ну как тот отыщет дорогу к убежищу Мадо? Что это за длинное чувство такое – ждать? Еще нет повода для страха, а ты уже боишься, что он будет. Это ожидание возможного страха изматывает более самого страха, потому что страх, как бы дело ни повернулось, всё-таки конечен, а ожидание может тянуться всю жизнь. Еще нет радости, а ты уже опасаясь, что она так и не придет...

Что ты наделала, глупая Лит?

«Он не придет. Далеко. Мы обошли берег реки стороной. Ветер дул нам в спину», – думал Мадо, с трудом подавляя желание схватить рогатину. Мадо успокаивал себя, чтоб угроза, которую в образе Незнакомца столь ярко и убедительно источало сознание, не переполнила его.

«На лугу вода. Запах на воде не держится. Незнакомец не очень хороший охотник...» – успокаивал себя Мадо, мирясь с неуверенностью собственных доводов, потому что ему хотелось верить в то, о чем он думал. Мадо не замечал, как впервые лгал себе.

Запнувшись за медвежью шкуру и больно ударившись коленом о выступающий из стены камень, Мадо выбрался из пещеры. Эли торопливо посторонился...

Сколько раз Мадо всматривался в ночь! Сколько раз его ноздри процеживали ночные запахи, а уши просеивали шорохи, но никогда еще ночь не была такой... Невидимые Мадо деревья и кусты наконец обрели необходимую четкость бытия, основанную не только на запахах или ощущениях...

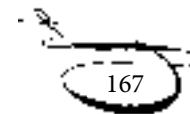
Мадо шагнул в темноту. Его душа покачнулась, словно дождевая капля на зыбкой паутинке, и заплясала, раскачиваясь на невидимых ниточках. Лит жалобно-призывно всхлипнула и побежала догонять Мадо. Тогда из пещеры вышел старый Эли. Постоял у костра и вдруг согнулся в пояснице с такой легкостью, будто давно мечтал переломиться пополам и лишь ждал случая. Не разгибаясь, Эли огляделся. И выбрав место, позволил и ногам своим переломиться в коленях. Придвинувшись поближе к костру, Эли стал слушать ночь...

Стояла середина лета. Ночь не успевала остывать...

Мадо, ломая ветви кустарника и натываясь в темноте на стволы деревьев, мчался к реке. Изредка он останавливался, чтоб ощупать ствол ели, или растереть в пальцах листок орешника, или понюхать лист папоротника – и всякий раз, убедившись, что это действительно ель, орешник, или папоротник, что будучи невидимыми, они, тем не менее, остаются тем же самым, чем они бывают днем, Мадо от изумления забывал дышать...

Мадо свесился с берега реки и, задержав дыхание, опустил голову в воду. Он всегда делал так, когда у него болела голова, а сейчас она просто раскачивалась. Мадо пошевелил под водой щеками, приоткрыл рот – здесь, в затоке, вода пахла тиной и водорослями, и этот привычный запах успокаивал. Мадо коснулся дна рукой, зачерпнул ила и, не вынимая лица из-под воды, смазал им лоб и виски...

Лит настороженно поглядывала на Мадо. Не решаясь побеспокоить Мадо, она разминала ступнями не успевший остыть песок. По её лицу было видно, как ей нравится вот так стоять и перебирать в песке пальцами ног. В лунном свете плавилась река. В кронах деревьев шевелился теплый ветер. Прогрохотал далекий и поэтому не страшный гром и нестрашная молния остреньким коготком царапнула горизонт.

Простодушная Лит не понимала, зачем Мадо побежал ночью к реке. Ей казалось, что очевидное для неё столь же очевидно для всех. И когда Мадо не соглашался с нею, то это было с его стороны, по мнению Лит, необходимой в отношениях мужчины с женщиной демонстрацией характера. Игрой, в которой выясняется, как далеко можно зайти в отстаивании собственной точки зрения. Но вот её мужчина теперь лежит на берегу, сунув под воду голову, как утка... Зачем?

Лит притронулась большим пальцем ноги к спине Мадо...

Мадо словно ждал этого. С изменившимся, грязным от ила лицом он вынырнул из воды. Вынырнул, и тут же принялся обводить пальцем тень Лит, бросаемую на песок луной. Жалобно поскуливая, когда его палец отклонялся от заданного тенью контура, Мадо сметал ладонью неверную линию, чтоб проложить новую, ту единственную правильную черту, которая намертво соединит, как ему казалось, глупую Лит со своей тенью. И едва это случится, всё тут же будет, как прежде: Незнакомец перестанет маячить у Мадо перед глазами, вернется к своему дубу и оставит Мадо в покое, невидимое исчезнет, а неосязаемое перестанет существовать...

Но Лит не могла стоять совершенно неподвижно. Когда она шевелилась, а её тень покидала уготованное для неё ложе, Мадо приходил в ярость. Ему даже хотелось, для того чтоб Лит не двигалась, убить её, прислонить к дереву, и спокойно обвести её тень. Быть может, Мадо так и поступил бы, если бы в какой-то момент его не осенило – тень Лит уйдет со своей хозяйкой, а на песке останется лежать другая Лит. Еще одна Лит. Новая Лит. Вот какой Мадо! Даже Вигару не удавалось такое!

Когда работа была закончена, Мадо оттолкнул Лит в сторону. И не успокоился, пока не прогнал её к самой кромке леса. Затем бегом вернулся обратно... Некоторое время он растерянно бродил по берегу, ища лежащую на песке Лит. Но вот, наконец, он наткнулся на неё, уставился себе под ноги. Затем вернулся к ней, стоящей у леса, и, словно убедившись в чем-то, взял Лит за руку и подвел к изображению на песке...

Мадо хотел объяснить ей, что Лит, лежащая на песке: страдает от того, что песок такой неровный. Что песок весь в ямках. Он, Мадо, его ровнял, но все равно та лежащая на песке Лит не нравится ему. Потому что у настоящей Лит кожа гладкая и скользкая. И упругая высокая грудь. А у лежащей на песке – плоская. И шершавая. И вот в этом разница. А лицо? Та, лежащая на песке Лит, уродливая, потому что песок такой неровный, весь в буграх и ямках...

Мадо хотел объяснить Лит разницу между красивым и некрасивым, но не знал слов, которыми можно было бы объяснить эту впервые ставшую очевидной вдруг для него разницу.

Лит взяла руку Мадо и хотела было положить её себе на живот...

– Нет, – отвел Мадо руку Лит, и совершенно неожиданно его взгляд наткнулся на

таящийся в нескольких шагах за её спиной, в тени деревьев, силуэт. От ужаса у Мадо перехватило дыхание – никогда еще он не видел так близко живого мертвеца! Да еще такого, словно тронутого тлёмом. Это кроны деревьев цедили лунный свет, и фигура мертвеца в его свете распалась на отдельные голубоватые пятна...

Мертвецы не должны были приближаться к стойбищу, об этом знали все в племени Мадо. Это была воля Вигару. А вот Рыжебородый почему-то стоит здесь! Почему?!

Лит оглянулась и бесшумно опустила на корточки. Рыжебородый как будто ждал этого движения – он тут же пошевелился и, не разгибаясь, выдвинулся из тени. Мадо растерянно коснулся ушей, но по лицу Рыжебородого понял, что опоздал. Он, Мадо, сам нарушил заповедь Вигару, он, Мадо, не закрыл уши руками, не отвернулся, и мертвец воскрес. Всё это, и Рыжебородый, и то, что Мадо забыл заповедь Вигару, было так невероятно, что он еще какое-то время боролся с ощущением, будто злоеющая фигура Рыжебородого, сродни Незнакомцу, очередной бестелесный образ, помимо воли Мадо возникший в его сознании...

Рыжебородый двинулся было навстречу Мадо, но замер на полушаге, как вспугнутая кошка. Отвел в стороны руки, словно собирался обнять Мадо. Снова замер. Согнулся в полупоклоне и коснулся правой рукой земли. Вновь застыл...

Мадо огляделся в поисках оружия. Сейчас бы сгодилась любая палка, любой камень... Рыжебородый лишь поморщился презрительно – откуда здесь на песке возьметесь палка? Вот если бы Мадо стоял ближе к реке – у линии прибоя полно валежника. Да и то, пока сыщешь в этой растянувшейся вдоль берега куче мусора подходящую палку...

С тех пор, как Рыжебородый умер, он сильно переменялся. Его лицо научилось жить частями. Как животное, у которого глаза спят, а уши прядут и вслушиваются... Вот и Рыжебородый – пока его глаза узились в снисходительном прищуре, рот криво щерился... Но едва его губ коснулась презрительная улыбка, глаза тут же принялись трезво и расчетливо оценивать достоинства и недостатки позиции Мадо.

Рыжебородый окончательно выдвинулся из-за деревьев и отрезал Мадо путь к лесу. Теперь у Рыжебородого была прекрасная позиция – он стоял на твердой почве, а Мадо по щиколотки утопал в песке, луна из-за спины Рыжебородого светила в лицо Мадо, и к тому же ничто не стесняло движений Рыжебородого, а к ногам Мадо жалась Лит. Ко всему этому Рыжебородый вооружился увесистой дубиной. Всякий раз, сгибаясь в несурзном полупоклоне и касаясь рукой земли, он подтаскивал в траве дубину. Теперь Рыжебородый поднял её и прислонил к ноге. Он не торопился нападать, давая Мадо время оценить всю невозможность сопротивления.

– Идем, – произнес Рыжебородый, и смерил Мадо презрительным взглядом.

Как и тогда, когда Рыжебородый отобрал у него Учита-ту, странное оцепенение овладело Мадо...

«Он хочет, чтоб я был таким, каким он меня видит, – понял Мадо, – ...а не знает, что можно видеть то, чего нет!»

Но эта мысль оказалась слишком новой, чтоб разрушить в сознании Мадо многолетнюю привычку быть таким, каким его видят, чувствуют другие.

– Идем, – Рыжебородый, пренебрежительно опираясь на дубину, как на палку, и не отводя презрительного взгляда от лица Мадо, приблизился и ухватил в кулак волосы Лит. И рванул. Лит выпустила ноги Мадо и завизжала пронзительно. Рыжебородый хрюкнул, вот так он был сейчас доволен собой...

«Даже не извинился!» – удивился почему-то Мадо.

Это получилось не умышленно, то что Мадо поднял голову и уставился Рыжебородому за спину. Просто Мадо подумал, что как бы сейчас было здорово, если бы там, за спиной Рыжебородого, в тени деревьев, стоял Незнакомец. Всего-то и нужно было от Незнакомца, чтобы Рыжебородый оглянулся, поглядел себе за спину и на долю секунды отвел от лица Мадо этот сминающий его презрительный взгляд. А уж всё остальное Мадо сделает сам...

Рыжебородый прочел в глазах Мадо отблеск надежды. Опытный охотник, Рыжебородый иногда видел этот блеск в глазах загнанной им дичи, и всякий раз после этого случалось что нибудь непредвиденное. Поэтому Рыжебородый не мог не оглянуться. И он оглянулся. Бросил короткий взгляд себе за спину, и в тот же миг Мадо стремительно наклонился и метнул в глаза Рыжебородому пригоршню песка. Рыжебородый, не ожидавший такого вероломства от согласившегося стать жертвой Мадо, выронил дубину и, отпустив волосы Лит, схватился за лицо и принялся протирать запесоченные глаза. Воспользовавшись заминкой, Лит швырнула дубину Рыжебородого Мадо, и поскорее отбежала в сторону... Мадо поднял дубину и стал ждать. Рыжебородый кое-как проморгался. Теперь он смотрел на Мадо без презрения, с ненавистью. И эта его ненависть вторила эхом в душе Мадо, питая его собственную ненависть, от которой у Мадо сводило на спине мышцы...

Рыжебородый оскалился, выставив наружу желтоватые клыки, и бросился на Мадо.

Удар дубиной пришелся Рыжебородому по плечу. Падая, он все-таки сумел не ушибленной рукой увлечь Мадо за собой, и они, сцепившись, покатались по песку. Лит было бросилась прочь, но затем вернулась и подняла с песка дубину. Оскаленная пасть Рыжебородого тянулась к горлу Мадо. Еще мгновение, и желтые клыки Рыжебородого вырвут ему глотку. Лит кое-как подняла тяжелую дубину над головой и опустила её на всклокоченный затылок Рыжебородого. И тут же бросив дубину от-

бежала в сторону. Рыжебородый удивленно хрюкнул. Воспользовавшись заминкой, Мадо успел перехватить руку и сунул локоть в пасть Рыжебородому, а сам вцепился зубами в его здоровое плечо. И, разрывая зубами мясо, чувствовал, как слабеет хватка Рыжебородого, как разжимаются его пальцы...

Лит вернулась. Вновь схватила дубину. На этот раз удар оказался точнее – Рыжебородый обмяк и перестал двигаться. Стало тихо. Ослепшая от ужаса и слез Лит, попискивая, бродила по берегу и, запинаясь за песок, падала. Потом из-под поверженного Рыжебородого выбрался Мадо. Не в силах подняться, он на четвереньках отполз к воде и там его стошнило. Потом он долго полоскал в реке и пачкал илом себе лицо, но всё не мог отделаться от запаха крови, и его снова и снова тошнило... Затем очнулся Рыжебородый. Лит тут же перестала скулить и спряталась за Мадо. Мадо схватил дубину. Но Рыжебородый не думал продолжать схватку. Тяжело кряхтя, он поднялся и, не смея встречаться с Мадо взглядом, попятился. Еще мгновение, и его фигура бесшумно растаяла в прибрежных зарослях.

– Он не вернется... – произнес Мадо и опустил дубину. Почему-то он был в этом уверен...

Воа вскарабкался мне на плечи. Впился коготками в мой затылок и задышал тяжело над ухом. Тут бы мне и оглянуться, но я так долго не решался этого сделать, что не заметил, как проснулся...

Лит стонала во сне – верно, что-то чувствовала. Эли дремал у костра. А я не решался поднять глаза на стену, где сегодня плавала заблудившаяся седая рыбка. Потому что я не хотел видеть того, чего нет. Я не хотел знать, что та часть во мне, что ничья, всё же кем-то занята. И как это понять?! Тот же Незнакомец... Я устал думать о нем, устал ждать его, устал надеяться и обманывать себя, что Незнакомец не найдет дороги к моему убежищу.

Я не хотел думать о Лит, оставшейся лежать на песке, в то время как другая Лит стонет во сне...

Я хотел думать так – того, что я не осязаю, не вижу, не слышу, не чувствую, того нет. Того, чего нет, нельзя бояться. Нельзя победить в схватке с Рыжебородым, призвав на помощь Незнакомца. А иначе... Закусай меня Воа!

Я шел по лесу к стойбищу и тряс головой, будто на меня напали не собственные мысли, а слепни и мошки. Так я был смешон сейчас. А потом я взял голову руками, сдавил её и стал думать – у куропатки есть и запах и тень. Вот, допустим, я чувствую запах куропатки, запах её слежавшихся перьев, и я знаю – это куропатка. Отделить запах куропатки от самой куропатки и понимать их отдельно нельзя. Невозможно

охотиться только на запах куропатки. Так же и человек – никому в голову не придет оторвать от меня руку и понимать её отдельно от меня. Или вот я вижу на речном песке свою тень и понимаю – это я. Нельзя отнять от меня тень, унести её в другое место и оставить там. Тени нет без меня. Но и меня нет без моей тени...

Воа цеплялся за мой затылок острыми коготками, теребил волосы и направлял меня – тут бы мне и оглянуться, но я так долго не решался этого сделать, что и сам не заметил, как пришел к стойбищу. А когда за деревьями стал виден свет большого костра Вигару, я понял что теперь Лит далеко. Вот Вигару не спит у костра. Его я чувствую. А Лит не чувствую. Та часть во мне, которая принадлежала Лит, опустела. А вместе с Лит растаяла и тень от её рыбки и фигура Незнакомца. Почему так?

Я стоял на опушке у стойбища. Наконец, я решил оглянуться – из темноты мне в спину палились красные обиженные глазки Воа. Как два угля, вынутые из костра. Как два угля, которые кто-то перебрасывает с ладони на ладонь, чтобы не обжечься. Сейчас они, эти обиженные глазки Воа, из темноты ночного леса жгли мне спину. Или это что-то внутри меня? Жжет? Чему там жечься? Там все мокрое...

Об Эли я старался не думать. Мысли о нём были сродни маленьким камешкам под босой стопой, что заметны лишь тогда, когда на них наступаешь...

Прежде чем отправиться в убежище к Учита-ту, я подошел к Вигару.

– Я без женщины пришел, – сказал я, – Так получилось.

Вигару промолчал.

– Возьму Учита-ту...

– Это правильно... – согласился Вигару.

И я стал жить с Учита-ту. Она приняла меня так, словно ждала. Смотрела без презрения. Словно догадывалась, что я уже однажды был не тем, каким меня видят... Глупая Лит досталась тихоне Чужому, Тому Которого Оставила Женщина. Потом я послал Учита-ту забрать из опустевшей пещеры Эли. Вот уж я обрадовался, увидав старика на пороге своего нового жилища. Конечно, Эли тут же принялся радостно вздыхать, и кричать, и трясти бородой. Будто среди камней нашего убежища, в неприметной расщелине, поселился сам Оя, вот сколько веселого шума было от Эли.

Учита-ту оказалась послушной и умелой женщиной. Я ходил на охоту. Эли жил...

Много раз та, Имя Которой Произносить Нельзя, гасила и зажигала солнце, прежде чем однажды я не пришел с охоты раньше времени. Дело не в том, что я вернулся рано, а в том что не устал. Был бы уставшим, так бы себе и сказал – устал, вот от этого всё, от усталости.

Учита-ту, как обычно, возилась у костра. Она наклонилась, а я вдруг не пожелал её. Учита-ту нетерпеливо подпернула себе на спину шкуру. Раньше такого со мной

не случалось, чтоб я не желал Учита-ту, когда она вот так забрасывала себе на спину шкуру. Вначале я удивился себе. Вот каким может быть человек, подумал я, он не желает женщины. А потом понял – наверное, это оттого, что я увидел Учита-ту так, как уже успел забыть, что так можно видеть. Как не хотел видеть, вот как я сейчас увидел Учита-ту.

Пещера Учита-ту всегда славилась сквозняками, поэтому стоять долго с поднятой на спину шкурой холодно. Учита-ту, не дождавшись меня, оглянулась. И опустила шкуру. А я в смятении смотрел на Учита-ту. Кто и каким неумелым дрожащим пальцем, и на каком ноздреватом песке обвел тебя, Учита-ту? И кто истоптал тебя босыми пятками, что ты вся в выемках? И зачем эти ноги у тебя неровно? Ты, верно, Учита-ту, шевелилась, когда тебя обводили на песке пальцем? А то бы зачем у тебя так спина согнулась? И зачем такой нос широкий, будто на твоём лице отпечатался след утиной лапы...

Неужели желание отступило только потому, что у Учита-ту такие ноги и нос, подумал я. Но почему раньше этот её нос и согнутая спина ничего для меня не значили?

«Неужели какая-то неправильно изогнутая линия сильнее тебя, Вигару?» – с содроганием подумал я и зажмурился и сжал зубы, словно надумал прокусить камень. Я ждал. Я не знал, как меня накажет Вигару, но что возмездие настигнет меня, я не сомневался.

В своем углу добродушно пыхтел спросонок Эли, но еще громче звенело у меня в висках. От ужаса у меня свело колени, и если бы я не сидел, я бы упал. То, что это муха жужжит, я понял, когда она уселась мне на нос. Я смахнул её и открыл глаза – ничего страшного не случилось. Тоже удивительно! Учита-ту уставилась на меня, будто увидела кривляющегося Оя. И мне захотелось спросить...

– Рыжебородый умер?

– Так сказал Вигару, – ответила Учита-ту.

– Зачем он умер? Правда, что он брат твоей матери? Поэтому?

– Так сказал Вигару. Поэтому он не мог владеть мной. Поэтому ты тогда остался жив.

– Рыжебородый жив, – сказал я, – Я его видел. Он чуть не убил меня.

– Вигару сказал, что умер, – Учита-ту рассерженно фыркнула.

Я выбрался из пещеры. Стараясь не смотреть в сторону Вигару, я пошел к реке. Очередное солнце догорало...

В детстве мне было жалко догорающего солнца. В детстве я думал – почему, ну почему та, Имя Которой Произносить Нельзя, не расщедритя и не подбросит гаснущему солнцу хвороста?! Чтоб не приходила ночь, когда человека так мало, что он нечаянно может закончиться, растаять во мгле. И солнце еще не успевало погаснуть, как я уже прятался в пещере. Прятался туда, где горел костер. Я думал, что так обману

ночь. Я так долго паялился в костер, что не замечал, как усыпал... А просыпался – новое солнце светило, будто вчерашнее не гасло. Некоторое время я так и думал.

Только ребенок может заставить солнце светить вечно.

Скрытный Чужой, Тот Которого Оставила Женщина, жил на самом краю стойбища. Узкий лаз в его пещеру перегораживал поросший лишайником валун, и при взгляде издали вход в пещеру сливался с такой же укрытой лишайником скалой. Я шел к Лит.

«Зачем?» – спросит Чужой.

«Посмотреть» – отвечу я ему.

«Посмотреть?! И всё?!» – не поверит мне Чужой. Но как объяснить ему то, что я сам себе не мог объяснить?

Лит сидела на корточках у пещеры Чужого и была так мала рядом с камнем, перегораживающим вход, что вначале я её не заметил. Её костер едва тлел, и Лит куталась в медвежью шкуру. Её голова лежала боком у неё на коленях и смотрела на меня равнодушно. Щека у неё была разбита. Это была не та Лит, тень которой я обводил пальцем на песке, и я удивился.

– Олень ходил в урочище, – сказал я громко для Чужого, если он у себя в пещере. Такую причину я придумал. Пусть думает, что я пришел к нему рассказать про оленя.

– Олень... – съезжилась Лит.

Мои мысли путались, как степная трава, которую кружит и заплетает ветер. Лит приподняла с колен голову, прислушиваясь – в волосах у неё седая прядь. Седая прядь, как прилипший к виску Лит вывернутый наизнанку ивовый лист. Серебристый. Я спрятал руку за спину. Мне захотелось смахнуть ивовый лист с головы Лит. Зачем ей знать об этом?

– А где Чужой? – спросил я.

– У Уссы... – испуганно огляделась Лит.

Бывает на лугу непонятное – откуда-то вначале лета вдруг просыплется неровной полосой, узким клином, ковыль и седеет. Почему ковыль седеет так неровно?

– Так ему лучше... – сказала Лит.

– Ветер к ночи поменяется, – сказал я.

Ветер меняется и перекладывает седые метелки со стороны на сторону. И тогда ковыльная полоса серебрится, как ручей. Который течет вспять. Вспять через луг. Я наклонился, поднял отлетевшую головню и сунул её в костер.

– Ты испачкал нос... – улыбнулась испуганно Лит.

– Эй, Мадо, – позвала меня Учита-ту.

Я не слышал, как она подошла...

– Олень ходил в урочище. След показать хотел Чужому... – сказал я ей.

– Эли умер, – сказала Учита-ту мне.

Если бы у старого Эли были крылья, он бы сам улетел к той, Имя Которой Произносить Нельзя. И, конечно, уже вечером грелся бы у её костра. Эли так любил греться у костра. А ведь он нужен той, Имя Которой Произносить Нельзя, потому что Эли мудрый. Но у человека нет крыльев, а у сосны они есть. Много маленьких зеленых смолистых крыльев есть у сосны. Вот и рублю я сосну... Тут каждая сдвоенная хвоинка – как крылья.

Если бы у людей моего племени была тысяча пальцев, они бы в скорби исцарапали себе лица так, как того достоин старый Эли. Потому что Эли добрый. Но у людей моего племени нет тысячи пальцев, а у ежевики есть. Много маленьких острых коготков. Вот и рублю я ежевичный куст и, рана руки, обдираю с него листья...

Если бы у людей моего племени было столько слез, чтоб они могли плакать вечно, не пришлось бы мне просить помощи у Реки. Но мало слез у людей, а у Реки их много. Люди забудут Эли, а Река будет плакать вечно. Поэтому я кладу на воду срубленные сосны. Я стягиваю их стволы жилами животных. Сверху прилаживаю ежевичный куст. А на него кладу старого Эли. Пльви, старик...

Я смотрю как, царапая воду ежевичными ветвями, уплывает по Реке старый Эли на спине у плота и меня... Я уже успел отвыкнуть, чувствовать себя, будто я маленький, а весь мой мир умещается перед моими глазами. Но вот сейчас вновь я так почувствовал себя. Я почувствовал, будто весь мой мир – только этот берег реки с мужчинами, в знак траура пачкающими себя илом. Только эти стонающие женщины, раздирающие себе в кровь лица. Только это стойбище вдали. И еще дымы костров над стойбищем. И еще дальше Гора с вечным облаком над вершиной. И всё!

Горечь от потери большого и пугающего меня мира, в котором ничего не исчезает, пока я сам не исчезну навсегда, соединилась во мне с горечью от утраты Эли, и я расплакался...

Тогда я пошел на гору. Сел. Далеко видно с горы. Вот плот с Эли. И Река серебрится под солнцем, и путается в лугах, и тянется к горизонту, словно седой волос в бороде прячущегося там, за горизонтом, другого громадного Эли.

Быть может, все мы плывем в чьей-то бороде. И смеемся и живем, пока тот, прячущийся за горизонтом, не откроет свой беззубый рот. И скажи, какая тебе разница, чьи губы сомкнутся за тобой?

Прощай, Эли...

Вот уж я этого не переношу, когда женщина укоряет своего мужчину в неумении добыть пищу. Уф! Будто добыча обязана быть пищей. Но еще хуже, когда плачут голодные дети. Голодные дети плачут особенно громко. И только старики молчат, будто

голод лишает их голоса. Если охотники племени не добудут крупного зверя, старикам умирать первыми. Вот они и молчат. Будто умирать начинают с голоса. В умышленной немоте стариков нет отчаянья, но как смотреть им в глаза?

Восемь дней охотникам племени не удавалось добыть крупную добычу, и старики замолчали. К стойбищу подступил голод. Женщины стали варить старые шкуры. Как им удастся соскрести с них что-то, годящееся в пищу? И тут мне повезло. Я увидел свежий след оленя. Он шел через луг к урочищу.

Как я обрадовался! Если взять оленя, голод отступит. И кто прогнал от стойбища голод? Я! Мадо!

Еще никогда ни перед кем я так не извинялся, как перед этим оленем. Я так извинялся, что совсем не удивился бы, если бы олень сам вышел из леса и добровольно умер бы у меня на глазах, растрогавшись...

Поэтому, когда я у пещеры Чужого рассказал про след оленя, получилось что я пригласил его разделить со мной славу от удачной охоты. Вот почему на следующее после похорон Эли утро я вместе с Чужим ждал оленя на выходе из урочища. Тут, в скальной гряде огибавшей лес наподобие волчьей челюсти, зиял проход. Словно кто-то выбил зуб. Мужчины племени затемно отправились вглубь леса, чтобы олень, напуганный их возгласами, выбежал на нас...

Сегодня та, Имя Которой Произносить Нельзя, проснулась поздно и разожгла солнце, когда я уже успел соскучиться по нему. Солнце не успело разгореться и тлело. Зябнущие деревья утопали по колени в тумане. Белесая мгла липла к глазам, как паутина. Чужой жался ко мне, опасаясь потерять меня в тумане. Так мы и стояли рядом. У меня было тревожно на душе. А ну как добыча ускользнет?

– Вот, – тревожно оглянувшись, Чужой достал из складки в шкуре что-то маленькое и протянул мне.

Я взял... Я улыбался внутри. Не знаю, чувствовал ли это Чужой. Он чувствовал. Нельзя было не чувствовать, как я злюсь на него. Не зная причины, Чужой, терялся в догадках. Зачем тогда я пригласил его разделить добычу? Если злюсь? Вот и сует мне сладкий корешок... Так я думал. Может, боится, что я отошлю его к противоположной скале. Откуда он не сможет меня видеть в тумане. Каково быть одному? Маленькому?

Я взял корешок и едва не обломал о него зубы. Корешок? Обыкновенная палка! Обломок ветки. Я посмотрел на Чужого. Чужой пристально следивший за моим лицом, вздохнул с облегчением...

– Не так. Дай. – Чужой взял у меня свой обломок ветки и повернул его по особенному, и перед моими глазами... От неожиданности я попятился. И только лишь присутствие Чужого остановило меня. Не мог же я при нем так пугаться. Чужой будет смеяться. Но Чужой не смеялся.

– Лит. – Сказал Чужой.

Я взял у Чужого то, что в его руках было оленем. Я развернул ветку так, как это делал Чужой – да, это был настоящий олень. Его образ, воплощенный деревом. Как мне было не узнать этой презрительно задранной морды? А рога? Они касались спины. А ноги? Они сложились вместе. Перед прыжком. Казалось, миг, и олень сорвется у меня с ладони... У меня волосы приподнялись на затылке, так захотелось мне сжать ладонь... Уф!

– Глупая Лит, – пробормотал Чужой, – Обыкновенный корень. А она говорит – олень. Глупая Лит. – И Чужой потупился. Еще бы. Я вспомнил, каким я был, когда впервые увидел тень рыбки на стене пещеры. Как я не хотел верить...

В глубине урочища раздался возглас. Одинокий и пронзительный. Это сигнал. И не давая ему угаснуть, возглас подхватили охотники племени. Лес наполнился шумом. Я не успел опустить руку, в которой держал ветку-оленя, я только поднял голову, а передо мной, я даже зажмурился от неожиданности, стоял олень. Его ноздри... Как они раздувались! Раздувались, как пальцы ступни, что едва касаясь, трогают топь.

Немигающими рыбьими глазами олень свысока глядел на нас. Презрительно. Разве что не плюнул. Затем, собрав ноги, он вдруг взмыл. И растаял в тумане. Без всплеска. Как утенок, которого утащил под воду сом!

Я сжал кулак – ветка впиалась мне в ладонь. Чужой метнул вслед оленю рогатину – поздно. Олень все это время был рядом! Как же я его не почувствовал?! Уф!

– Ай, Мадо... – пролепетал Чужой.

Лучше бы ты Чужой сейчас не смотрел на меня. Не смотрел на меня такими глазами. Серыми от ужаса.

– Ай, Мадо...

Если бы мне сейчас на загривок вскарабкался Воа, вонючий Воа, и впиался своими грязными клыками мне в шею, я бы обрадовался. Легче, когда тебя грызут снаружи!

Если бы на моем месте стоял мальчишка, сопливый мальчишка впервые взявший рогатину в руки, и то бы он стыдился! Уф! Кому объяснить, кто поверит, что я упустил оленя, который стоял от меня в двух шагах, и как упустил – рассматривал какую-то ветку. Глупую деревяшку. Уф! Кто теперь прогонит голод от стойбища?!

Чужой выхватил у меня сломанную ветку и стал топтать её ногами. Он плясал на ней, он кружился неистово, он повизгивал. С его лица на землю падала слюна.

Подошедшие охотники сгрудились вокруг Чужого. Долго никто не решался окликнуть его. Мужчины решили, что Чужой заблудился в себе...

Не помню я случая, чтобы Вигару разговаривал сразу со всем племенем, а теперь случилось; мужчины, женщины, старики и даже дети собрались к костру Вигару и

стоят. Молча. Шумит река на перекате. Жужжит и вьется шмель. Зачем? Если я научился чувствовать? Вот же я никого из них сейчас не чувствую. Все одинаковые лица. От них ничего во мне. Когда же я успел умереть? Никто не закрывает ушей а я как умер... Почему так? Что во мне другого, что я теперь не чувствую?

Никто не звал людей к Вигару. Но они пришли. А быть может, это только я не слышал, как Вигару звал к себе? Раньше он говорил внутри меня, а теперь вдруг оставил? Но нет, я услышал, как Вигару спросил:

– Кто привел Лит в племя?

Мой затылок отяжелел под его взглядом, и я едва не поперхнулся тем, что бьется и стучит внутри меня.

– Я, – сказал, и стал так слаб, что меня можно было уронить взглядом, но никто не смел. Все стояли потупившись...

– Кто взял на охоту оленя-палку?

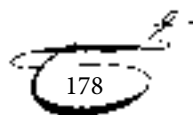
– Я, – сказал Чужой.

– Пусть Женщина-рыба решит... – прошептал вкрадчиво Вигару.

Короткими мелкими шагами, шаркая чуфами и постанывая, они двинулись все разом на нас. Все эти люди, которых я почему-то больше не чувствовал, двинулись, как один человек. Не поднимая глаз. Так низко склонив головы, что я видел только затылки. И еще их руки – ладонями вперед. И так, сомкнувшись плечом к плечу, они нас теснили. Вначале к опушке леса. Туда, к тропе, на которую я еще не ступал. К тропе, на которую без разрешения Вигару нельзя было не то что ступить, приблизиться. К тропе, ведущей к жилищу Женщины-рыбы. В конце которой бездонная каменная расщелина, наполненная водой. Там она и живет... У Женщины-рыбы руки скользкие, как водоросли, и тело чешуйчатое, и зубы. Много острых зубов... Я знаю – мама рассказывала.

У страха серый цвет. Помню, как я в детстве бежал на реку. И ткнулся прохожей женщине в живот. Я не знал, что она возвращается с тропы, ведущей к жилищу Женщины-рыбы. Тропа зарастала папоротником, и каждой женщине племени время от времени приходилось расчищать дорогу к нашему общему страху. Теперь, видимо, была её очередь. В ожидании трепки я съежился и, не дождавшись, поднял глаза. И на всю жизнь запомнил её серое от ужаса лицо. С тех пор цвет у страха – серый.

Мы пятились. Не зря говорят – страх ходит пятками вперед. А потом я почувствовал, что падаю. Это было первым, что я почувствовал с тех пор, как ступил на дорогу к жилищу Женщины-рыбы. Я падал долго. Так казалось. Так долго, что успел подумать, как я кричу. Тонко. Жалобно. Успел подумать, что слышать со стороны такой крик мне страшно. Так кричит зайчонок, достигнутый болотным псом. Словно ребенок. Это я еще успел подумать, и поперхнулся. Ужасом. И с головой ушел под

воду. Я поджал ноги. Прижал их к животу, не смея вытянуть – ведь оттуда, из бездны, шевеля липкими руками-водорослями, уже плывет к нам Женщина-рыба.

Рядом со мной свалился в воду Чужой.

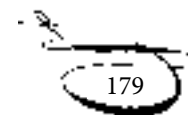
Я поднял голову – в проеме серые лица, серые, подернутые паутиной, так мне казалось, лица. Потом люди ушли.

Изнутри жилище Женщины-рыбы напоминало пещеру. Узкую пещеру с покатым сводом. Говорят, будто Вигару сам обглодал и выстлал свод и стены пещеры камнями и человеческим рукам теперь не за что зацепиться – пальцы соскальзывают с гладких стен. Но я пробовал. Ломая ногти... Что сейчас я? Лесной орех, тонкая скорлупа, и внутри все мокрое, и больше ничего. И оно все дрожит там у меня. От ужаса? От холода? Но пока оно там дрожит, я еще что-то...

Я не заметил, как исчез Чужой. Мгновение назад он плескался рядом, цепляясь пальцами за мои плечи, и вдруг исчез. Словно спрятался. Как будто он вернется, когда его перестанут ждать. Чужой всегда был скрытным.

Я огляделся. От поверхности воды до кромки камня, лежащего у входа, две моих руки. Не допрыгнуть. А вот вдоль одной из стен жилища Женщины-рыбы – над водой каменный выступ. До него можно дотянуться. Если распрямить ноги. Опустить их в бездну, чтоб, оттолкнувшись от воды, выпрыгнуть. Выпрыгнуть и схватиться за эту каменную полку. Но как распрямить ноги, если там внизу, в ледящей пустоте меня поджидает Женщина-рыба?! Едва я опущу ноги, она тут же вцепится в них своими отвратительными крючковатыми зубами. И всё-таки я прыгнул. Не разгибая ног. И ухватился кончиками пальцев, ногтями, за кромку каменного выступа. Повис на нем, подтянулся, и в тот же миг камень провернулся и выскользнул из стены. Я полетел в воду. Я едва успел прикрыть голову руками. Отпрянуть. Камень ударил меня по плечу. И полетел в бездну. А я почему-то вдруг вспомнил Рыжебородого. Как я его ударил дубиной по плечу. Тогда я не умер, потому что подумал о Незнакомце. О Незнакомце, как будто стоявшем за спиной Рыжебородого. Как будто. И если это ничто, если это ничто – то, чего на самом деле нет, но то, что приходит ко мне из меня же и становится вдруг непостижимым образом тем, что есть, если это ничто спасло меня тогда, почему бы ему не спасти меня еще раз! Почему бы этой страшной Женщине-рыбе, почему бы ей сейчас не плыть оттуда, из глубины, ко мне, и почему бы ей не приюхиваться алчно ко мне? Почему бы ей...

Женщина-рыба раскрыла свою жадную пасть! Главное – не промахнуться. Выбрать момент и... Я отпрянул! Я бросился в сторону! И распрямил ноги! И оказался стоящим на спине Женщины-рыбы! Я так отчетливо чувствовал ступнями её ребристое чешуйчатое тело! Её перепончатый гребень-плавник. И я оттолкнулся от её спины. Я так оттолкнулся от её спины, будто босой ногой наступил на змею. С таким же

ужасом и отвращением. Я выпрыгнул из воды. Я ухватился за кромку камня, лежащего у входа. Подтянулся и вывалился из западни. И побежал на четвереньках. Как пес. Как ушибленный пес. Подвывая. Продираясь сквозь кустарник. Пока не свалился. Пока не ткнулся лицом в замшелый валежник. И вот уж тогда, зачерпнув ноздрями и наполнив себя его сырым запахом, и набив рот лишайником и ощутив на языке его горький вкус, я обрел себя. Я обрел себя лежащим на замшелом валежнике. И надо мной высоко ветви деревьев, как растопыренные пальцы. Пальцы ладоней, что защищают меня не то от глаз той, Имя Которой Произносить Нельзя, не то от Вигару. Так казалось...

Уютно в этих ладонях. Если ты птица... Я подумал о том, о чем вспомнил потом, когда отдышался и решал, куда мне идти.

Ветви деревьев переплелись, и в них угодило солнце. Белая обжигающая точка. Или как паук. Ветер шевелит ветви – солнце–паук в середине паутины колыхнется. Ждет. Я едва не угодил ему на завтрак.

Еще долго я был неподвижен. Я лежал, пока тень от ольховой ветки не переползла через ссадину на моем локте. И мне стало холодно. Я встал. Я не знал, куда идти. И тут я вспомнил то, о чем я подумал, когда лежал и смотрел на ветви деревьев, что как ладони укрывают нас... Я взял палку, длинной в два своих роста и направился к колодцу. И не то чтобы внутри меня поселилось сомнение, но будто кто-то просил меня, настаивал это сделать. И так уныло... Я подчинился ему. Я лег у входа в жилище Женщины-рыбы. И, морщась от страха и смущаясь, опустил палку в воду. Погрузившись на высоту человеческого, роста палка наткнулась на каменное дно колодца! В том, что это было дно, я не сомневался. Там на дне я нащупал тело Чужого. Чужого, Того, Которого Оставила Женщина...

Зачем так?

Я отбросил палку. Я еще не решил до конца, но тот, который внутри меня, уже не сомневался. Я не знал, верить ли ему? Или я это и есть он? Так я думал, направляясь к стойбищу...

Когда я вышел из леса, люди моего племени окаменели. Если бы их тела покрывал лишайник, я бы не удивился, так они были неподвижны. Двигался только дым костров. Да еще река. Еще двигались облака.

Что стоять? Я пошел. Я знал, чего я хочу, и это знание пугало меня, но я шел. Я хотел увидеть его. Сначала я хотел просто посмотреть на него. И кто мне может запретить это сделать? Люди племени чувствовали мою решимость. Но чувствовали ли они мое знание как часть мира каждого из них? Не знаю. Вначале я хотел просто посмотреть на него.

Вигару сам шагнул мне навстречу. Неожиданно он выдвинулся мне навстречу из-за чьей-то спины. Я опешил. Смутился, когда увидел то, что теперь было у Вигару

вместо лица. Вигару преградил мне путь. В руках у него камни. А ноги утопают в песке, так что не столкнешь. И не подступиться – острые сучья.

Я не решился назвать его по имени. Нужно было извиниться перед ним, но для этого нужно было назвать Вигару по имени, а я не смог. Тот, который был внутри меня, не смог, и я не стал противиться ему.

Никто не помнит, когда Вигару приплыл к нам. Было это давно. Представляю, как он макал в реку свои руки-обрубки. Представляю, как поразил его вид сбегавшихся на берег соплеменников. Эти его крючковатые обрубки и осклизлые полустгнившие бока!

А сколько смысла можно найти в твоих, Вигару, тенях отбрасываемых одним единственным костром! Ты, воплощенный в своих тенях, непостижим. Не видел за всю свою жизнь ничего более странного, чем ты, Вигару, когда тебя освещает три костра одновременно. Как переплетаются красные тени! Как мерцает и отсвечивает внутри тебя желтый камень висящий на стене пещеры той, Имя Которой Произносить Нельзя! Так и кажется, что там, среди этих сучьев, у основания истлевшего ствола, что-то шевелится и живет. И почему бы ему не жить там? Ведь и внутри каждого из нас что-то живет, если стучится...

Ты обыкновенная коряга, Вигару. Мерзкая коряга. Когда-то ты был дубом. Ты стоял на берегу, а потом та, Имя Которой Произносить Нельзя, рассердилась. И ударила тебя. Сожгла. И то, что от тебя осталось, упало в реку и поплыло. А может всё еще проще. Ты рос на берегу реки, потом вода подмыла берег и ты рухнул. И еще долго тлел. А потом истлевший комель смыло паводком. Ты плыл, пока не выбрался на наш берег и стал – Вигару...

Я приблизился к Вигару. Я коснулся круглого желтого камня. Их тут несколько висело, на истлевших кожаных лоскутах. Я взял ближайший к себе. В ветер камни Вигару раскачиваясь громко брякали друг о друга, вызывая трепет. Я извлек камень из кожаной петли и швырнул вниз по склону.

Я увидел Лит. Она бежала от дальних пещер...

Я продел руки между сучьями, будто мы схватились с Вигару. Так это должно было казаться со стороны. А потом я взялся за основание коряги. Из-под пальцев посыпалась труха. Я подумал, что Вигару решил рассыпаться в моих руках. Быть может, Вигару решил меня перехитрить и умереть непообежденным. Я попытался оторвать корягу от песка, но она за долгие годы вросла...

– Не так! – запыхавшаяся Лит принялась выгребать из под Вигару песок. Со стороны берега.

Я ухватил комель за самые нижние сучья. Вигару крикнул... Пошатнулся. Нет, он упал не сразу. Вначале пошатнулся. И все же опрокинулся, не найдя опоры там,

где Лит выбрала песок. И размахивая сучьями, будто хватаясь ими за собственную уродливую тень, покатился, побежал к реке. Разбрасывая уцелевшие камни из кожаных петель. Швыряясь ими. И плюхнулся в воду. Окотив стоявших неподалеку. На мгновение уйдя с головой под воду, Вигару вынырнул. С тяжелым вздохом вынырнул, будто отфыркиваясь. И покачиваясь, тяжело поплыл по течению. Поплыл, чтобы пристать к другому берегу. Вот такой у него был надменный вид...

И я пошел прочь. Лит увязалась со мной. Достигнув вершины холма, я оглянулся – дымы костров стойбища тянулись к животу той, Имя Которой Произносить Нельзя. Еще дальше утопал в сизой дымке Улекой. За вершину Горы по-прежнему цеплялось облако...

– Чи тоже повредился... – сказала вдруг Лит. – У вас Вигару, у нас Чи.

Лес закончился. Я с Лит брел по гребню холма. Слева в низине тянулась река, справа болотистый луг.

– У него тоже всякие камни были.

Лит тяжело вздохнула.

– Я взяла один камень, и Чи повредился. Может, он на нем стоял? Все сказали, что я заблудилась внутри себя. Так бывает? Что это значит? И тогда мы пошли. Куда? Тебя искали. Почему ты так долго не шел?

Тут я сразу понял, почему никто из чужих даже не оглянулся, когда я взял у них Лит. Они искали, кому бы её отдать. А я её взял. Неужели я один прав, а все не правы, подумал я, и услышал, что кто-то крадетя за мной. Почему я так не подумал раньше?! Я бы раньше услышал его. Он ведь не из тех, кто выдает себя, нечаянно наступив на хрупкую ветку! Он крался беззвучно, но я чувствовал его так полно, так осязаемо, словно это внутри меня кто-то топтался и пыхтел...

– Может... – шепнул мне на ухо он.

Я замер. Он тоже остановился. Он стоял за моей спиной и дышал. Шевелились волосы на затылке от его дыхания. И почему я все еще жив? И тогда я подумал – разве это не Вигару свалился сейчас в реку? Да, так я и подумал – не Вигару?

– Не Вигару, – шепнул мне Вигару.

И я перестал слышать. Я схватил камень, но он опередил меня. Он ударил меня в висок. И я упал.

...Очередное солнце догорело. Наступила ночь. Безымянные пока еще звезды, эти угли, мерцающие в костре той, Имя Которой Произносить Нельзя, усеяли небосвод. Изредка процарапает его метеор – искра, выстрелившая из костра той, Имя Которой Произносить Нельзя.

Лит сидит на песке и слушает ночь. Много шорохов – это хорошо. Мадо поодаль лежит на песке. Съежился.

А Лит устала. Слушать ночь так трудно. Кто и куда крадетя в высокой траве? Бурундук. Что это за запах сырой? Из омута... Чьё очертание? Ветвь... Не спи Лит, не спи! Или это не ветвь? Или это зверь? Затаившийся... Что за ноздри у него? Черные. И глаза? Узкие, к ушам.. А уши? К плоскому затылку... Не спи, Лит, не спи!

А Мадо не слышит. Лежит на песке Мадо. Держит в руках голову. Зачем так держать? Из нее не просыплешь.

– Эй, Мадо... – позвала Лит.

Но, Мадо не шевелится.

– Мадо... – Лит, привстав, заглянула Мадо в глаза. И погладила ему лоб. И тогда Вигару попятился от Мадо. Вигару еще вернется, конечно. Потом. И всякий раз будет возвращаться. Потом, когда иссякнет любовь. Если иссякнет любовь. Всякий раз. Но Мадо этого еще не знал. Он смотрел на Лит и улыбался.

Меж ними все раздало споры

Анатолий ГРЕБНЕВ

ПРОВИНЦИИ ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

(Заметки о поэзии Юрия Калашникова)

Говорить о поэзии Юрия Калашникова легко и одновременно непросто. Легко, потому что его языком говорит многомиллионная русская провинция, за XX советский век во многом переменявшаяся, но в хорошей основе своей оставшаяся прежней – откровенной, доверчивой, не успевшей глубинно озаботиться всепроникающим прогрессом.

Непросто, потому что поэзия Калашникова не по-современному натуральна. Причём не натурой так называемого нового реализма, который без затей берёт почти фотографически фактаж порельефней и вываливает его на читателя, выдавая за правду жизни и правду искусства одновременно («я не придумал ничего» – звучит подкупающе, но правдой, как правило, не бывает). А той, что, приоткрывая детали быта (материального, но прежде всего духовного), без оглядки поднимается над ним до образов и осмысления именно бытия провинции как неотъемлемой части Божественного и человеческого мира.

Так счастливо (опять же бытийно, а не бытово) сложилась судьба поэта, что, родившись в провинции, он не уехал из неё, но в ней и не остался. Ему не довелось испытать той драмы, которая трагически коснулась многих русских поэтов второй половины XX века, покинувших свою малую родину, тосковавших по ней, но в чём-то смотревших на неё несколько свысока, или оставшихся и незаметно для себя вросших в её ограниченность.

Космос как Божественная Красота – Россия – столица – мегаполис – провинция (в ней река, как дорога, как жизнь – городок на этой реке – улица и дом на берегу реки

– потешно махающий руками провинциальный прохожий и т. д., вплоть до горестно поющего о своей нелёгкой доле пожилого воробья) – эта иерархия для поэта непреложна в своём изначальном творческом соподчинении, которое и есть Жизнь. Да, давно искорёженная, замысловато перекрученная, порой оболганная – и всё равно единственно верная, вечная и непобедимая.

И потому взгляд Юрия Калашникова на провинциальный мир органичен, без изломов. Это пристальный взгляд провинции на мир и на саму себя, без самовосхваления и самоуничижения, как на самоценную часть Божьего мира и России, без которой как мира, так и России, собственно, нет. И в этом плане поэзия Юрия Калашникова уникальна.

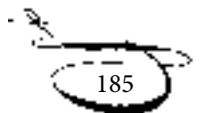
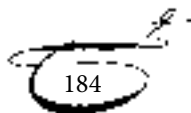
А натуру Бог даровал поэту богатейшую! «Берег великой реки!» И, конечно, сама река с басовито гудящим на ней пароходиком, странной встречей в речном ресторане, хлопотно кричащими над багряной рощей у этой реки птицами, брошенной в реку горстью дающего свободу пепла возвышенных писем. Деталей много, но не в них суть. Суть именно в натуре, в не по-современному летящей, а в упруго, зримо, ощутимо движущейся человеческой жизни. С её любовью ко всему сущему, предательством, одиночеством, болью, смертью. Именно живым движением, долго-долго, сначала по земле, где «стынет вода в кювете», потом уже параллельно ей, «прислушиваясь к небесам», и наконец (но не итог, а новое начало!):

Господь несёт фонарь,
И в нём горит Россия.
И льётся мягкий свет,
И Господу светло.

Да в и деталях, конечно, дело. Кроме природы, Бог даровал поэту талант видения не только самых ярких из них, но и вдохновенное мастерство огранки, тончайшей пастельности при соцветьи красок, высокой их музыки даже в самом «пейзажике неброском».

Такое в современной литературе встречается всё реже: трудно представить, что стихотворения Юрия Калашникова именно написаны. Они либо выдохнуты единым дыханием (радостным, тревожным, гневным), либо осторожно сняты (с медленно текущей воды, первого нетронутого снега, притихшего после бури усталого дерева), проговорены и чуть-чуть прокомментированы автором:

Ну, всё, пожалуй. Тёплых дней
Нам больше не видать.
Стекает медленно с ветвей
Цветная благодать.

Уже грачи подняли гам
Над рощей у реки.
И листья ластятся к ногам,
Как рыжие щенки.

Благодаря словесной лёгкости и открытости, поэзия Юрия Калашникова доступна как тем, кому просто интересны поэтические открытия повседневного мира, так и серьёзному читателю, размышляющему над «вечными» вопросами и умеющему увидеть за кажущейся простотой поэтического текста отнюдь не лёгкие, а зачастую и неразрешимые дилеммы нашего мира.

Элла ЛЯКИШЕВА

ДАЙ, О БОЖЕ, МНЕ СЛОВА ЖИВАГО...

Общепринятым стало в наше время мнение, что литература, в том числе и поэзия, потеряла своё когда-то важное и высокое значение, что в век всеобщей компьютеризации, технократии и экономических глобальных потрясений они стали уже ненужными. Увы, как ни прискорбно это признавать, но тенденции такие есть. Даже в столице поэты уже не собирают на стадионах или в залах многотысячные толпы поклонников и любителей высокого искусства, как это было всего-то полвека назад, в 60-е годы. И всё-таки поэзия жива!

Но тут возникает один нюанс: оттого, что не так-то легко поспеть за стремительно мчащимся временем, одухотворение процесса бытия (а это, по-моему, и есть основная задача поэзии) в нашей современности зачастую подменяется суррогатом – псевдолитературой. Её мы видим на полках книжных магазинов, её нам рекламируют на телеэкранах, читают на больших и малых сценах, в клубах, гордо именуемых Дворцами культуры. Да, действительно, подобрать обычные или, что более желательно, необычные рифмы, включить перепевы вечных любовных мотивов, призвать к соблюдению христианских заповедей или, наоборот, отринуть их, чтобы эпатировать слушателей или просто ради куража, – представители современных лирических жанров это смогут. Но вы не найдёте в ни искренних порывов души, ни пылливой работы страждущей мысли – всего того, что единственно способно сделать человека – Человеком, а рифмованные строки – истинной поэзией.

Но вот в моих руках небольшая, без золотого тиснения на обложке, скромная на вид книжка Ирины Рябий «Обратная перспектива». Открываю страницу наугад.

Как незаметна грань между «вчера» и «завтра»,
Когда закат или восход чисты...
У каждой ночи может быть свой автор,
Как в новогодней – ёлка и часы.

Какая разница между листком на ветке
И тем листком, что я сейчас сорву...
И как узнают, спрашивая ветер,
Где правда, а где я совру?..

Неожиданные сочетания привычных слов заставляют остановиться, перечитать. Дерзкие ассоциации завораживают музыкой звучания. Последняя строка, обрываясь на тревожной ноте, оставляет тревогу в сердце... И сразу рождается интерес.

Ещё одна страница наугад. Меняется ритм и тема, словно предо мной другой автор. И лирический герой – уже не тот думающий, ищущий правды человек, но алчный потребитель:

Наследники беспамятных времён,
Больного века порченые гены,
Мы без отдачи в жизни всё берём,
От наслаждений пухнут наши вены!

Мы не хотим особых перемен,
Нам наплевать на игры в высшем свете,
Но скажут нам предать кого в обмен
На рай земной – сдадим и тех, и этих.

Безысходно. И страшно... Однако признайтесь, это примета пройденной нашей страной эпохи, да и сейчас... Многие, «в обмен на рай земной», сдадут ведь, разве не так? Спешу дочитать строки, переполненные болью от несовершенства того мира, в котором:

Писать стихи – удел больных чумой,
Тех, кто достойно жить не в состоянии...
Пусть муравей спешит с бревном домой,
Кузнечик же весёлый – на свиданье.

Кто пьёт на брудершафт с богами,
Тот баловень своей судьбы,
И все дороги и пути
Его ведут к бессмертью сами.

И вот смотрю на твой портрет,
А слёзы почему-то душат:
Зачем, отзывчивый поэт,
Ты продаёшь за славу душу?

Ещё одна страница. И снова весьма неожиданный образ:

Ильич в мавзолее встаёт
И в Кремль на собрание важно
Идёт между папок бумажных
И руки бумажные жмёт.

Гротеск, фантасмагория или мистика? Или лукавая усмешка? Чем ещё может удивить искущённого читателя автор?

Початимся, мой друг, початимся,
Потрепемся, почешем языками-то...
И с ямщиком до Питера докатимся,
Почтим почти чужих правителей на саммите,
Как антиглобалисты это делают,
Устроим этим летом хэлуин!

Ну, это уж – «онлайн», современность, подчёркнуто и демонстративно выраженная введением в текст новых терминов...

Надеюсь, вы уже поняли: Ирина Рябий – не просто талантливый и неординарный поэт, её беспокойная душа способна со дна современной жизни, где известно «что в итоге каждый понесёт / Творцу на суд – всю городскую свалку!», подняться до горных высот христианской веры в кроткой «Молитве»:

Дай, о Боже, мне слово живаго,
Вразуми и водителем будь,

Не для славной молвы или блага
Укажи мне единственный путь...

Чтоб устами, послушными Богу,
Я б служила России моей –
И покров Богородицы чтобы
Уберёг её дерзких детей.

Пожалуй, самая удивительная особенность этой книги в том, что в ней, как на пергаменте палимпсеста, сквозь знаковые признаки нынешнего бытия зримо проступают вневременные христианские вечные образы и «вещные» атрибуты православной веры: Какая пустынь усмирит наш век? / Какая боль грехи искупит наши? / И нам не миновать уже сей чаши... Возникает живой диалог современности и классических традиций, «Потому что нет мёртвых: все живы на небе, / Потому что с Христом мы проходим сквозь время».

Библейские мотивы и христианские образы – важнейшая часть поэтического мира Ирины Рябий. Мы видим певучее фольклорное начало в строках, в обилии находим старославянские морфемы, встречаем в стихах знакомых сказочных или реальных героев народных легенд: это «Марьюшкин крестик», «Молвила брату сестрица», «Странник». Мифологическая информация отзывается проекцией в современность и оценка жизненных ценностей дается через образ русского святого, подвижника и праведника Сергия Радонежского. Странник, не узнавший его в «убогом» земледельце, восклицает:

«Отче Сергей! Пощади за дерзость:
Не признал тебя я поначалу –
За одеждой не заметим мерзость,
А души за наготой не чаем!»

Трагическим мироощущением пронизаны стихи: «Сон золотой», «Нас время обмануло...», «Письмо к изгнаннику». Тут в поэзию смело врывается политика. Прощедшая через сердце, она показатель высокой гражданской позиции поэта:

Нас время обмануло: как легко
Мы шли навстречу невским переменам –
Нас всех самоубийственно влекло
Ниспровергать основы у вселенной!

Нас обмануло время и тогда,
Когда за ваучер страну распродав,
Мы верили: взошла она, звезда
Пленительного счастья, – свобода!

Напоминание о пушкинском идеале – его же строкой – сожаление о том, как легко одурачить толпу, если отсутствует суд собственной совести. Анафора усиливает трагизм звучания. Ещё мрачнее кажется вывод лирического героя, усиленный тремя восклицательными знаками:

И вот горя, злобою горя,
Мы осуждаем всех и вся приватно:
Аж целый век прошёл впустую, зря –
И в этом время было виновато!!!

Через скорбное утверждение прорывается яростное отрицание. И умный читатель непременно это поймёт. Поэтому тем, кто в стихах Ирины Рябий увидел много негатива и горечи, отвечу словами Ф.Достоевского: «В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни – предполагает страстную тоску о здоровье нации». Эта врачующая тоска, сочетающаяся с иронией, видна в стихах, посвящённых самым-самым близким нам временам:

По российской вселенной
Бродят толпы туристов, –
Пожирателей зрелищ, –

И услышав про Бога,
И узнавши про чудо,
Спросят: «Можно ль потрогать? –
И купить бы не худо...»

Ирония – одно из заметных достоинств этой книги, особенно если она почти незаметно смягчает прямолинейность, помогает постичь всю серьёзность философских глобальных проблем:

Во всём, что есть, есть скрытый смысл:
В простом сложенье числ,
В пустом полёте звёзд,

Упал ли тихий лист
Иль взмыл он до небес.

Его ищут во всём,
Мой взгляд вотще скользит.
Но счастье, видно, в том,
Что это смысл сокрыт...

Узнать, в чём этот смысл, пусть даже ценой потери иллюзорного счастья, понять, для чего мы пришли в наш бранный мир – разве эти вопросы извечно не волновали и не волнуют мыслящих людей? Выразить поэтическим слогом свои сомнения и размышления, выразить искренне и в то же время внятно, достойно – заслуга не каждого даже большого поэта.

Стихи Ирины Рябий не для лёгкого чтения, в них нет гладкописи, красоты эпитетов или метафор. Они могут уколоть острым народным словом, тонкой иронией, едким сарказмом, непривычным обыгрыванием знакомых поэтических строк. Мысль автора свободно проникает сквозь века, но не как пленница набивших оскомину стереотипов, не как рабыня проверенных веками древних постулатов. Её мысль, облечённая в поэтическую форму, это истина, богиня правосудия, однако без повязки на глазах, вот почему она не робко, не покорно взирает на мир и на страшные события в нём. Её мысль – это сильная мудрая женщина, умеющая не только судить, но и прощать, не только скорбеть, но и улыбаться:

А я всё книги листаю –
С древа того ль – не знаю.
Познания сладок яд:
И рай в нём сокрыт, и ад.

«Обратная перспектива» – так называется и весь сборник, и одно из стихотворений, которое можно назвать программным, потому что оно объясняет авторскую концепцию «абсолютных законов» праведной жизни. «Перевернутый мир отражают иконы...» – уже первая строка своей парадоксальностью заставляет вчитаться глубже, чтобы в конце концов понять: нет, не иконы, благодаря особой перспективе, отражают «перевернутый мир» – это мы все живём сейчас в мире, где на первом месте – «соблазны и деньги, слава и к власти кривые пути». Праведники же, герои икон, «бегут похвалы и дают незнакомым всё последнее, что за душою ни есть». Только так можно спасти душу человеческую.

Когда притяжение слова
Сильней тяготенья земли.

Дрогнуло что-то внутри, насторожилось... Читаю дальше. Одно-второе-третье стихотворение – не хочется отрывать. От поэтических образов исходит жизнь и сила. Смотрю на обложку: «Владимир Волковец. Встретимся в августе...»

На семинаре Владимир Михайлович был одним из руководителей секции поэзии. Как внимательно он на нас смотрел! Будто простукивал молодых, начинающих, делающих первые, еще неуверенные шажочки в литературе на истинность и серьезность их поэтических намерений. Он всматривался, вслушивался, точнее, «сканировал». Именно, это слово пришло мне на ум, когда его взгляд вдруг ненадолго задержался на мне. Остро и как-то молниеносно проник в самую душу и начал ее разглядывать. Тут же вспомнился его голос – твердый, низкий, несуетный. И дальше уже мне казалось, что стихи на одном дыхании читаю не я, а сам автор, своим голосом, в своей интонации, манере.

Ночь стоит на полуслове, полумысли,
Как стихи, что я оставил дозревать.
Были строки полуночные да вышли
То ли в поле, то ли к речке погулять.
Сколько времени пропето и пропито,
Поразбросано, попробуй, расскажи.
В небе светит искра божия – спасибо,
Не дает терпеть ни подлости, ни лжи.

Что отличает настоящего поэта от обычного рифмослагателя? Об этом много чего сказано и написано. Но я поняла точно, нет настоящего поэта с ровной и гладкой судьбой. В каждом поэте сокрыта непреходящая, мучительная, глубинная боль. И, зачастую, она родом из детства.

Владимир Волковец родился в Удмуртии в небольшом поселке Чур. Когда ему было три года, родители переехали в соседний район, в новый лесопункт. Отец работал вальщиком леса. Запах сосновых опилок, хвои, смолы и бензина – это отцовский. Иногда к этому аромату примешивался водочный. И тогда в доме начиналась ругань, крики, бестолковщина. Дети разбегались по родным и знакомым. Пережидали время отцовского запоя, чаще всего, у бабушки.

Может, поэтому основным, самым сильным чувством детства было чувство бездомности.

Пусть школа без меня зубрит свои уроки.
Я в снегопад забрел и путь назад забит.
А снег летит то вдоль,
То поперек дороги,
То, стоя, засыпает,
То, падая, стоит.
Не выйти никуда из чащи снегопада.
Ни дома, ни беды, ни славы не видать.
И все-таки душа потерянности рада,
Однажды обретя, ее не потерять...

Лес вырубался, заработки падали, люди разъезжались. А вроде только-только стали обрастать друзьями, хозяйством, огородом. Но отец был непоседой. Да к тому же со скверным характером – вспыльчивым и неуживчивым. В газете «Лесная промышленность» печатались целые полосы объявлений о новых леспромпхозах, приглашений специалистов на работу, даже с предоставлением жилья. И начинались суетливые хлопоты к переезду, часть вещей, естественно, раздавалась по соседям и знакомым, часть – продавалась. Брала с собой только самое необходимое и в путь. Пензенская, Кировская, Костромская области, Коми АССР, А еще переезды внутри этих территорий. Больше одного года ни в одной школе не учился. С грехом пополам закончил восемь классов. Старший брат уже определился в профтехучилище. Кроме Владимира еще надо было учить младших сестру и брата. Семейный бюджет уже не мог рассчитываться на учебу троих.

И снова переезд. На этот раз в Тюменскую область в молодой Советский леспромпхоз. Семья уехала весной 1970 года. А Владимир Волковец остался в городе Шарья Костромской области заканчивать учебу в совхоз-техникуме.

Именно в этот период оторванности от родных стали приходиться вместе с первой влюбленностью первые строки.

– В школе я терпеть не мог стихи, – рассказывает Владимир Михайлович, – Заучивал текст совершенно бессознательно. Расскажу на уроке, и тут же забуду. Но однажды, когда я был на практике в далеком совхозе, проснулся рано-рано. Дымка над полем розоватая, сквозь нее в солнечных брызгах лиственный лес, птицы неистовствуют... А у крыльца в широком листе лопуха натекла роса зеркальцем, в которое лопух загляделся. С этого мгновения мне стала открываться красота нашей русской природы. Помнится, написалось: «Тихо. Все в утренней дреме. В серебристой накидке овец. С позолоченных солнцем черемух ветер сумрачный плащ унес...» Через месяц стихи были опубликованы в городской газете «Ветлужский край». Учительница рус-

ского языка и литературы в техникуме, прочитав мои стихи в газете, очень внимательно со мной поговорила, составила целый список поэтов, которых мне непременно надо было прочитать. Естественно, список возглавлял А.С. Пушкин. Но я начал с Сергея Есенина. С тех пор это один из моих любимых поэтов. В юности я сочинял очень много и длинно, конечно, подражал известным поэтам. К сожалению, от того вдохновенного времени сохранилось всего два-три стихотворения. И то благодаря тому, что они были опубликованы.

– Летом в 1970 году я приехал на каникулы в Советский. Поселок меня поразил молодостью и белыми ночами. Только-только была пущена железная дорога Ивдель-Обь. Поезда ходили неторопливо, подолгу стояли на новых станциях. Я с любопытством и интересом разглядывал сибирский таежный край с обилием иван-чая по песчаным откосам и обширными чашами моховых болот. По просторным улицам прогуливались молодые люди, студенты, рабочие, лесовозники, солдаты железнодорожных войск. Танцплощадки возникали стихийно, стоило в открытое окно общежития выставить магнитофон, включив на полную громкость, как тут же собирались пары. Даже обилие комаров и мошкар не отпугивало. Поселок начинал активно строиться. Уже стоял кинотеатр, Дом культуры, школа, магазины, детсады. Очень много было общежитий и малосемеек. Конечно, сибирский поселок, пахнувший свежей краской и смолистым пиломатериалом, резко отличался от древних сел и городов нечерноземной полосы России, новизной и размахом, шириной улиц и верой в будущее.

Поэтому после окончания техникума Владимир Волковец приехал в Советский и устроился автослесарем в лесовозный гараж. Работа, новые знакомства, техническая атрибутика буден наполнили творчество иным содержанием, реальными предметами времени, окрашенными восторженным чувством причастности к происходящему в мире.

Заблестела земля в гараже,
Повидавшею виды фуфайкой.
Из дырявых сугробов уже
Появляются первые гайки.

По-иному стальные ключи
Зазвенели в карманах спецовки.
И пошли по дорогам ручьи,
И на крышах сосульки отсохли.

И, шагая в литых сапогах
С молодой бригадой по лужам,

Я впервые почувствовал, как
Этот мир растревоженный нужен.

С воробьями на арке ворот,
С вдохновенной ремонтной вознею,
С лесовозом, поднявшим капот,
Словно парус над яркой водою,

С топольком, что под солнечный гул,
Не скрывая восторженной боли,
Перед нами листву развернул,
Еще новенькую, в солидоле.

В жизни каждого человека есть переломные моменты, когда принимаются самые важные судьбоносные решения. У Владимира Волковца такой момент возник после службы в армии. Он об этом говорит с легким юмором: «Надо было определять свою дальнейшую жизнь. Чему себя посвятить? Кем работать? В перспективе никем я себя не видел. А раз никем, думаю, надо поступать в литинститут. Решил отправить стихи. Жена махнула рукой: «Отправляй, все равно не пройдешь». И уехала в отпуск. Мне пришел вызов на экзамены. И я поступил на очное отделение в семинар Льва Ивановича Ошанина».

Окончив три курса института, Волковец перевелся на заочное отделение. Москва – город дорогой. К этому времени вышла в московском издательстве «Современник» первая книга. Вернулся в Советский, снова устроился авторемонтником на лесокомбинат. В те годы в район часто по командировкам бюро пропаганды художественной литературы приезжали писатели из Тюмени, Свердловска, Москвы. Волковец тоже принимал участие в писательских встречах. Общение с писателями наталкивало на мысль, что надо быть ближе к слову, к литературному процессу. И в 1984 году он меняет гаечный ключ на журналистское перо, переходит на работу в районную газету. Узнав об этом решении в очередной приезд, Зот Тоболкин не без усмешки заявлял: это мы его вытащили из-под трактора.

В 1986 году в Свердловске выходит вторая книга Владимира Волковца «Отцовский лес», это по сути его дипломная работа, которую он успешно защитил в литинституте. В 1988 году по рекомендациям Льва Ошанина, Игоря Ляпина и Николая Денисова он был принят в Союз писателей СССР.

С этим событием внешне в жизни ничего не изменилось, но требовательность к себе возросла да и читатели по-иному стали оценивать написанное им. Хотя Влади-

мир Михайлович по-прежнему колесил по району, писал корреспонденции, заметки и очерки на самые различные темы. Районная газета выходила три раза в неделю и требовала от журналистов мобильности и быстроты в освещении районной жизни. Газета научила избегать штампов в стихах, ценить образный язык, видеть за обычным фактом судьбу человека.

Сегодня Владимир Волковец – один из наиболее известных поэтов Югры, автор десяти поэтических сборников, лауреат премии Губернатора ХМАО-Югры в области литературы (2004), лауреат Всероссийской премии им. Д.С. Мамина-Сибиряка (2007).

Обязательно нужно сказать, что важную роль в становлении поэта Владимира Волковца сыграло районное литературное объединение «Кедр», основанное в 1971 году при районной газете поэтами и журналистами Владимиром Кочкаренко и Владимиром Фомичевым. На заседаниях лито неоднократно обсуждались стихи Волковца. Что-то одобрялось, что-то разносилось в пух и прах, но главное, дух заостренной полемики на заседаниях лито объединения помог молодому поэту отстаивать свою правоту на семинарах в литинституте и в различных литературных стычках, которые, как правило, всегда возникают, стоит собраться за одним столом двум-трем поэтам.

В декабре 2011 года исполнилось лито объединению 40 лет. Десятки литераторов выросло под сенью «Кедра», часть из них стали членами Союза писателей России, журналистами и учителями словесности. Многие из ныне здравствующих кедровцев выпустили свои первые книги, на подходе – вторые. Пять членов Союза писателей РФ живет и творит в городе Советский.

Ежегодно 21 марта в день весеннего равноденствия отмечается в районе Всемирный день поэзии. В Советский приезжают поэты из Урая, Югорска и Нягани. Для общения, обмена опытом и новыми книгами нет лучшей даты.

Каждые пять лет, в юбилейный год литературного объединения «Кедр» выпускается альманах «Под созвездием «Кедра». Уже состоялось четыре выпуска. После долгого перерыва в районной газете возобновился выпуск ежемесячной литературной страницы. Все это делается не без активной помощи Владимира Волковца.

Высокий уровень поэтического мастерства Владимира Волковца привлекает внимание писателей и литературоведов. В послесловии к книге «Весенний день осени» Леонид Петрович Быков – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета, размышляя о творчестве Владимира Волковца, отмечает: «Дар «пережитое в слово облечь» произведен от способности воспринимать сущее образно – в единстве сколь органичных, столь и неожиданных переходов, контактов, сближений. О чем бы ни шла речь на этих страницах, почти всегда возникает чувство подъемной силы поэзии, возвышающей над будничной привычностью, но – что примечательно! – не игнорирующей ее».

Обращаясь к творчеству Владимира Волковца, Михаил Михайлович Рябий – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы Югорского государственного университета в одной из своих статей, посвященной альманаху «Эринтур» в еженедельнике «Литературная Россия» пишет: «Согласимся с Владимиром Волковцом: ведь, в самом деле, «поэтам необходимо давать высказываться стихами». Сам же он тогда, в первом выпуске «Эринтура», высказывался в прозе: до сих пор задевают за живое «Камешки», «Актуальное», «Сон», «Обои», «Прядь волос»... А от «Вороны» и «Запомя» щемит душу хотя бы уже потому, что сегодня картина еще страшнее...»

Концептуальными, на мой взгляд, о творчестве Владимира Волковца являются слова Константина Яковлевича Лагунова – писателя, который двадцать лет возглавлял Тюменскую писательскую организацию, кандидата исторических наук: «Думы его земны, ибо взяты у земли, у землян, у тех, с кем бок о бок творит поэт жизнь... Любовь к природе и своему народу порождает ту незримую «обратную связь», которая стала почвой и питательной средой поэзии Волковца».

Как-то известный московский поэт Владимир Цыбин, обращаясь к молодым, сказал, что первой книгой поэт говорит о том, откуда он; второй – что его волнует и тревожит, а третьей – от чего сердце разорвется. Конечно, это деление условно, но, по-моему, у Волковца нынешнее поэтическое состояние – состояние третьей книги. Приведу одно из новых его стихотворений «Изба»:

Снег к весне чернее и дырявей,
Подтекает, как ни проморозь.
Воробьи расхристанной оравой
Прошивают яблони насквозь.

В огороде грядки да малинник,
Да листвы матерчатый лоскут.
Дырки путепроводов мышинных
К тёплой куче мусора вьдут.

Снег всосёт оттаявшая супесь.
И ладони вспомнят до щелей
Замшево бревенчатую сухость
Сруба и уютный скрип дверей.

Петька кукарекнет ввысь и тут же
Пес залает, замычит телок,

Выбегут цыплята за квохтушей,
Мухами взорвется солнцепек...

Сорок лет вместились в этот полдень,
Тысячи дорог – в одну тропу...
Вижу лес, в дурнине сад и поле
Сквозь давно незримую избу.

На одной из встреч с читателями его спросили: насколько сильным он считает свой поэтический голос? Он тогда ответил, что голос его негромок, но не настолько, чтобы его не услышали те, кто заблудился в тайге. А вообще, его не слушать надо, а рассматривать, как живописные пейзажи, портреты, сюжетные картины. Потому что он не певец, а художник со своей неповторимой палитрой, художественными образами и эмоциями.

Виктор ЗАЙЦЕВ

РИСУНОК ВОДЫ НА ВЕТРЕ

(о новой книге Анатолия Омельчука)

А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?... Ты музыка дыханием ветра бедра прохладой щемящей нотой неуловимо почти бессвязно ты входишь в сердце тревожно тайно... Это маяковское настроение и цитата из новой книги Анатолия Омельчука «Рисунок ветра на воде» Омельчук в последнее время неуловимо и неуловимо делает медиापассы от исследовательской описательности северной неповторимости к нутряному содержанию души. Северной ли, южной, кхмерской ли, или летящей через океаны с бутылкой виски с помощью понятливого друга стюарда.

Слово нутряной здесь не случайно. Конечно, внутренний звучит благородней, что ли. Но Омельчук предлагает нам заглянуть в душу свою – так ли уж там благочинно.

То есть – где грань между горним и плотским? И нужна ли она? Книга Омельчука необычна по форме и содержанию, о форме чуть позже. А содержание можно ощутимо разъять на три темы. Первая – попытка облечь в слово ощущения и воспоминания детства и хмельного чувства молодости. Когда в детстве косишь дальнюю неудобу

и чуть не лишаешься чувств от убойного запаха скошенной травы, то воспринимаешь только это – запах кошенины и неосознанное чувство тайны, которую ты только что раскрыл. И лишь спустя десятилетия ты придаешь этой тайне имя – смерть травы маскирует себя сладким запахом. Может, потому, что она поняла – ты еще слишком юн, чтобы думать о горестях и не заметишь горького привкуса тлена. Как это замечают старики. Или фонтаны изобретательности юных филологов, которые играют русскими словами как карамельками во рту типа «бл... на мотоцикли» – это не ошибка в орфографии, это тренинг не всегда трезвого филологического мускула.

Почему-то в этом, юношеском разделе, щемящий мою душу рассказик о недавней прогулке с внуками. Это надо просто читать. И все.

Вторая ощутимая тема – отношение автора к европейским кумирам. И в первую очередь – это же Омельчук – к полярным исследователям. Разочарование недосказанностью, историческая топонимическая неопределенность. Это и хилый, неповязанный шарфом на полуйском ветру якобы вездесущий Кастрен, и постоянно неуловимый Витсен, за пониманием которого автор дернул в Амстердам, но понял только скукоженность Европы. И отсюда она хотела понять Сибирь? В чем-то разбитые молодые представления – это как разбитая любовь – но это и есть Омельчук. Сначала влюбленность, потом понимание, потом... разочарование. Сужу по его произведениям. Слава Богу, это бывает не всегда.

Рисунок ветра на воде... Рисунок воды на ветре... Что, разве вы никогда не видели радугу над соседним селом, когда ваши малые дети машут руками и радостно кричат: папа, папа, дождик разноцветный! А ветер принес вам капли дождевые, и порыв вдруг пахнул, а там, вдалеке, как надежда хотя бы вашей сегодняшней жизни, все живет радуга, рисунок, сотканный из воды на ветре Омельчук исследует Европу литературную, и результатом оказывается то фантом Хэмингуэя за соседним столиком кафе, то кафкианская Прага, внезапно оборачивающаяся утонченным любовным приключением его – Омельчука – литературного героя. Ткань его глубинно емких рассказов-эссе соткана из прошлого и настоящего, она до неуловимости тонка и рассыпается от любой неуклюжей попытки подвергнуть ее грубому анализу. Поэтому и сейчас я не пытаюсь анализировать, я просто хочу понять свои ощущения от прочтения этой книги.

...За черной нотой безумства быта есть тайна стона...

Кто стонет? Да женщина, которой хорошо. Разве этого для мира мало?

Разве не после этого рождаются дети?

Продолжая традицию летающих, скажу, что уже в предыдущей своей книге Омельчук прочертил канву теперешнего своего стиля – короткие эссе на тему. Жития внешнего и внутреннего. И как бы он не пытался скрываться за неоплатоновскими

мудростями о смысле жизни в книге новой, везде выглядывает она – девушка, женщина...

Вот его литературный герой, как всегда, в состоянии некоторого «изумления» бродит по ночной тупо спящей Венеции в поисках своей гостиницы, то есть дома, тепла, временного уюта. А венцом уюта, мужики это знают, является теплая женская плоть, к которой прижмешься, и все. И не надо больше ничего. Женщина может этого даже и не заметить, ей нужны более веские доказательства твоего – любимого человека – присутствия, но тебе-то этого достаточно. И когда утром она тебе рисует маршруты путешествий и посещений, ты просто жмуришься и киваешь согласно, а в памяти до сих пор промозглые склизкие полуулучки, безразличная к тебе История и желание теплой плоти рядом.

Но мы-то о книге. Омельчук, понимая в каком мире живет, ну, не избобрел новую форму изложения: краткость – сестра таланта, а просто талантливо нам об этом напомнил.

Конечно, не без красотостей. Но это лучше, чем выверенные уже пакости многих из сегодняшних пишущих. Красивое запомнится красиво... Как нота ветра в прохладный вечер по мостовой в июльском зное экстазом шелка томленьем плоти страданьем сердца струится тайна... Нет, это не Северянин, это Омельчук. И снова девушка, женщина... В современном мире, где все чаще Песни Песней заменяются песней о маммоне, Омельчук, как редкий ныне соловей, заводит все новую и новую мелодию о женщине. Я вдруг подумал: почему в океане любовных описаний, где множество губ коралловых, нежных персей и пунцовых ланит, черных очей и стройных бедер, очертаниями напоминающих амфоры, практически нет описаний красоты мужской. Или внешность мужская для женщины вторична, а необходимо ей ощущение его. Вот как в Песнях Песней Соломона... – Он ввел меня в дом пира, и зная его надо мною – любовь... И самое мое любимое у женщин... – Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви... – Наверное, самая сладкая в мире немочь, исчезающая под натиском индустриализованного секса. Впрочем автор(ша) библейского текста все же немного описывает любимого... Друг мой похож на серну, или на молодого оленя...

Сегодня друг с рогами, как сравнение, не особо катит. Но мы-то с вами о временах древних, когда была любовь. И я позволю себе собственную расшифровку того, почему женщины так мало писали о внешности мужчин, которых, тем не менее, любили. Как описывали женщины мужчин? Типа взгляд орлиный, голос мужественный, поведение повелительное... Кто из вас читал о том, чтобы женщина того времени, а Европа знает немало таких, написала подробнее о том, как выглядит ее кумир?

Это молчание не дало женщинам сказать то, что они, может быть, хотели сказать.

А может быть, и не хотели. Во что я верю гораздо больше. И вот почему. Во время любви женщина себя не видит. Она вся во власти чувства. А мужчина видит ее всю. Вот почему всякий великий художник, я уж не говорю о малых сих, стремился запечатлеть своих красавиц в самых разных интимных ракурсах. Подчеркиваю, всякий. Загляните как-нибудь в запасники Эрмитажа. А женщина в это время в «ракурсах» мужчину не видит. Поэтому авторы подавляющего большинства эротических «поэмий» – это мужчины. Вот теперь об оформлении книги. Она буквально насыщена воспроизведениями работ великих мастеров разных стран и направлений, от патриархального Поленова до разнузданного Бердсли. Работ на эротическую тему достаточно много, комментировать здесь нечего, это часть общечеловеческой культуры. Скажу о другом – кажущаяся эклектичность подборки позволяет читателю одновременно побывать в Эрмитаже и Лувре, Прадо и галерее Уффици. Очень удачная идея!

В новой книге Анатолия Омельчука не только любовные темы. Но во всем этом рисунке ветра на воде, да простит мне Господь, если я ошибаюсь, видно извечное – для Анатолия Омельчука – поиск Прекрасной Дамы, которую он искал, нашел, да так и не отыскал. И не найдет. Этот поиск Идеала Женщины, которой не существует, будет у него бесконечно продолжаться. Это не его выбор. Это его выбрали...

Елена КУВШИНОВА

ПОЭЗИЯ – ВЛАСТЬ

* * *

Никакая рука – только сердце удержит поводья,
Если хлынул апрель по дорогам и мимо дорог.
Что гадать на любовь по капризной весенней погоде –
Ты всегда одинок.

Словно сходит не снег – материк растворяется в прошлом
И в угрюмое небо неспешно уходит река,
И лощеная челядь твоим подстиляет подошвам
Облака, облака...

Небо платит за всё: невесомых апрельских дождинок
Ты уже получил, выходя из дубовых дверей
В этот город сырой, в ослепительный свой поединок
С горькой властью своей.

Потому что она обрекает тебя на сиротство,
Ибо только сиротство тебе во спасенье дано.
Остаётся – любить, потому что всегда остается
Только это одно.

Нина Ягодинцева

«Поэзия – власть» – вот первая и самая стойкая ассоциация, возникающая при чтении стихотворения «Никакая рука – только сердце удержит поводья...», стихотворения, сотканного из ассоциаций. Самое примечательное, что тема стихотворения – тема творчества, судьбы поэта и его отношений с миром (самая «сквозная» в русской поэзии), прямо не обозначенная в тексте (что само по себе нонсенс: противостояние поэта и толпы, власти, мира... всегда было открытым и откровенным), – так вот, тема угадывается сразу, из ключевых слов с хорошо знакомой поэтической маркировкой, слов, выстраивающихся в иерархический ряд: любовь – одиночество – прошлое – «восхождение к небу» облака – плата – поединок – власть – сиротство – любовь. Слово «любовь» открывает и закрывает ряд и, в конечном счёте, оказывается в нём самым значимым, что и разрушает читательский стереотип восприятия самой «классической» темы русской поэзии.

Всё стихотворение – обращение лирического героя к самому себе («ты», «твоим», «ты», «тебя», «тебе»), что делает ситуацию внутренне замкнутой. Лирический герой лишён связей с людьми, с миром: одиночество в настоящем и будущем («всегда»). «Материк растворяется» (метафорическая реализация фразеологизма «земля уходит из-под ног»), то есть, на земле герою нет места, и он начинает вертикальное движение – отрыв от исчезнувшей, как Атлантида, земли к небу. Но небо «угрюмое», похоже, герою не радо, небо негостеприимно, «своих» не узнаёт. Попытка взойти по облакам не разрешает конфликта, той ситуации, которая через несколько строк будет прямо обозначена как «сиротство». Небо ведёт себя совсем не традиционно – закрывается, отвергает. Сиротой принято называть ребёнка, оставшегося без отца и матери, что и имеем в результате: мать-земля («материк») «растворяется в прошлом», «угрюмый» отец-небо «ребёнка» не признаёт. Более того, за попыткой восхождения немедленно следует «плата». Это метафора слёз – «невесомых апрельских дождинок», связанных в строфе с глаголом «получил», вызывающим негативные ассоциации. «Плата» – это и «город сырой» (созвучие с «сырый»), и обречённость на сиротство.

Следующий виток лирического сюжета – «поединок», но не с теми, кто отвергает, как это всегда было, а с «горькой властью своей», и не возникает вопроса об источнике власти, это понятно – тому, кто восходит на небо по облакам, власть «дана» (страдательная конструкция – кем? – тоже догадываемся, но от этого не легче, ибо понимаем: то, что дано свыше – дар и одновременно тяжкое испытание). Какая поразительная анонимность всего, что происходит в художественном пространстве текста! Никто не назван, не обозначено место действия, всё инкогнито и не событие ни для кого. Лёгкими акварельными штрихами намечены размытые апрельские дороги, разлившиеся рекой, «растворяющей» материк и уходящей в небо, самое небо, да «город сырой», да какие-то «дубовые» – откуда и куда? – двери... И ни людей, ни земли, ни неба... «Ты всегда одинок». «Всегда» – это вечно. Это приговор. (Господи, уж не вернуться ли в пустыню, где звёзды говорят и «тварь земная» покорно внемлет?) Увы, предлагаемые обстоятельства очерчены непрерываемо конкретно: она (пустыня) всегда рядом с тобой, она приросла к тебе, ты носишь её в себе и с собой, ты и не заметил, как она переместилась в «шумный град» – «город сырой», где тебя никто и не слышит.

Конфликт с любовью, с прошлым и с небом осложняется ещё одним: столкновением с теми, чей образ представлен в тексте весьма скупо. Это «лощёная челядь» (хочется это сочетание в буквальном смысле считать перифразом), и слово «челядь» – слуги – с эпитетом «лощёная» приобретает негативно-презрительный оттенок – вышколенная, послушная, сытая, бездушная, беспрекословно исполняющая приказы хозяина. Есть и хозяин – вторая власть в художественном пространстве текста. Её примета – штрих – «дубовые двери», из которых выходит герой и сразу же получает «плату» и начинает «поединок». Прилагательное «дубовые», думается, имеет коннотацию: не только материал, вызывающий, кстати, определённые ассоциации (у кого в кабинете дубовые двери, паркет и головы, мы давно уже знаем), но и оценка – «тяжёлые», «непрошибаемые», «тупые». В акварельной стилистике текста эта тяжеловесная деталь вместе с «лощёной челядью» составляет семантическую и композиционную оппозицию всему остальному. Кроме того, существительное «челядь» «зацепляет» ещё одну семантическую оппозицию – дом – бездомность, так как «челядь» – «домашние, те, кто в доме» везде чувствует себя дома, а герой не укоренён в пространстве, он между небом и землёй, ему везде – не дом.

После упоминания о «дубовых дверях» включается тема «поединка», но традиционный конфликт поэта (о ком же речь, как не о нём, хотя и не назван!) и «дубовой власти» получает неожиданное решение: поединок – «свой» и с властью – «своей», а не с «дубовой» (кстати, и логично: поединок с «дубовой» властью выглядел бы абсурдно).

И, наконец, последнее, самое важное «событие» в заключительной строфе. Обречённость на сиротство (одновременно звучит как «облечённость» сиротством как

царской тогой – должны же быть у власти знаки отличия) – образ, чреватый аллюзиями, ибо слова «одинок», «небо», «платит», «поединок», «власть», «сиротство» поэтически притягиваются, образуя сюжет, в котором и лермонтовская отверженность пророка (бегство в пустыню), и Цветаевская трагическая отторженность поэта в «мире мер», и «отщепенец» Мандельштама... И несть числа отвергнутым пророкам – почему-то из всех заложенных Пушкиным аспектов этой глубочайшей темы именно этот – отверженность поэта – оказался самым актуальным. И, на первый взгляд, здесь всё традиционно. Отверженность героя абсолютна: начало – весеннее «половодье чувств», надежда на любовь, которая немедленно обрывается сознанием своего «всегдашнего» одиночества, расчёт с прошлым – восхождение к небу и его суровая «плата» – «поединок» – признание своего абсолютного сиротства, отверженности землёй, небом, любовью, «дубовой» властью, самим собой. Вот теперь-то и сделать традиционный шаг – в пустыню, «на берега пустынных волн», во «всемирный запой»... куда-нибудь. Все так и поступали. Но герой ведёт себя нетрадиционно. Недаром слову «поединок» сопутствует эпитет «ослепительный». Этот свет ослепляет и даёт другое зрение, про-зрение, «отверзлись вещие зеницы». И тогда ясно видишь, что сиротство, которое воспринимал как «плату», как изгойство, есть путь к спасению. Единственный («только сиротство»). Сиротство – абсолютная отсечённость всего, что для служения вот той самой «горькой власти» оказывается лишним (а лишним оказывается всё). Только «обречённый» на такое сиротство, «ослеплённый» вспышкой прозрения способен увидеть главное, то, ради чего восходил по облакам к небу. «Остаётся любить» – единственное, что остаётся, что отнять нельзя. Сиротство, одиночество и отверженность освобождают от всего, что мешает любить. «Только это одно» лежит в основе человека, и мира, и Божьего дара поэзии, и, может быть, в том и заключается таинственный замысел Божий, чтобы человек это понял.

Два ключевых слова – «любовь» и «одиночество» («одинок», «одно») звучат в начале и в конце лирического сюжета, но наполняются разным содержанием. Меняется внутренний вектор героя: от личной надежды на счастье («любви, надежды, тихой славы») – к любви всеобъемлющей, которая покрывает всё, как хлынувший «по дорогам и мимо дорог» апрель. Реализуется метафора воды, важный образ в стихотворении, символ очистительной стихии. Вспомним, что у Тютчева в «Последнем катаклизме» Божий лик отражается в водах, покрывших планету после всемирной катастрофы, а ведь нечто подобное переживает в апрельские дни герой стихотворения. Видно, только пережив катастрофу, человек обретает способность прозревать Истину.

Формула «только это одно», которой завершается текст, – это почти пушкинское «Ты царь: живи один...», но одиночество в апрельском сюжете другое: мир отвергает поэта, но поэт, преодолевая всё, даже себя самого, не отвергает мира, а учится любить

и принимать его даже таким, каков он есть. В этом смысле вода «апрельской» катастрофы поэта составляет литературную оппозицию пушкинскому огню, выжигающему скверну мира («глаголом жги сердца людей»). Отраднее, однако же, что сюжет о поэте развивается весной, которая есть символ обновления и возрождения. Весной – Пасха. Так что самое время любить, и любовь отверженной, гонимой, сиротской души куда как сильнее и ярче той, у которой всё есть...

Идея противостояния и преодоления реализуется на различных уровнях текста. Кроме метафор, создающих контекст, порождающий ассоциации и литературные аллюзии («свёрнутые» литературные сюжеты и образы) – такая метафора является стержнем каждой строфы; кроме движущих лирический сюжет метафор, ассоциативно заряженными являются эпитеты во второй и третьей строфах и оксюморонное сочетание в последней строфе («обрекает тебя на сиротство» – «сиротство ... во спасенье дано»). Значение антитезы просматривается в сложных предложениях с тире в I, II строфах, а в повторе причинных союзов (потому что, ибо), ограничительных частиц (три раза повторяется частица «только») в последней строфе видим парадоксальное разрешение этого противопоставления. Четвёртая строфа начинается с парцелляции – придаточного причины с союзом «потому что», хотя в предшествующем тексте не спрашивалось почему. Вопрос скрытый и связан со словом «власть», которая «обрекает ... на сиротство».

Обилие в тексте слов с открытыми слогами воссоздаёт иллюзию освобождённого дыхания после «задыхающейся» первой строфы. Стихотворение действительно «дышит» свободно, и бег по длинным, пятитопным (анapest) строчкам каждой строфы завершается выдохом – обрывом последней, короткой четвёртой, с недостающими тремя стопами. Пауза «добирает» воздух для вдоха, и бег начинается снова... Стихотворение прозрачно, словно написано акварельными неяркими красками по сырой бумаге, и из расплывающихся водяных кругов (стихия воды главенствует в этом тексте) проступают намеченные то лёгкими, то резкими штрихами очертания предметов и смыслов.

Традиционность перекрёстной рифмовки с чередованием женской и мужской рифмы нарушается тремя неточными рифмами: «поводья» – «погоде», « в прошлом» – «подошвам», «сиротство» – «остаётся». Интересно проследить за семантической «притянутостью» этих рифм друг к другу. В конечном счёте и весь текст заставляет читателя задуматься о своеобразии решения традиционной для русской поэзии темы. С поэтом за последние двести лет много чего происходило: он «жёл глаголом», бежал в пустыню, бичевал пороки, ссорился с толпой и властями, слушал, «как трава растёт», даже превращался в «пьяное чудовище», а потом «много лет дробил камень / не гневным ямбом, а кайлом»... Но выбрал в конце концов «только одно». Почему-то она победила. Любовь.

Ещё раз к вопросу о власти. О власти поэтической. После лермонтовского осмеянного пророка, некрасовского «поэтом можешь ты не быть», после тютчевского «безумья жалкого», которое только «мнит», что «слышит струй кипенье», после блоковского «всемирного запоя» и других статус божественного посланника в русской поэзии заметно пошатнулся. «Добил» сей чудный образ Владимир Владимирович, «ассенизатор и водовоз», «мобилизованный и призванный», а любимую жёлтую кофту с барского широкого плеча своего отстегнул «товарищам потомкам», которые ничтоже сумняшеся сделали из неё флаг и пошли на штурм. И даже одиноко бродящий по широкому полю жизни пастернаковский Гамлет не реанимировал убиенного. Каждый раз, касаясь сей щекошливой темы, русская поэзия попадала на минное поле. И взорвалась. Есенинский провонявший луком и водкой бродяга – весёлый младенец по сравнению с, например, иртышевским поэтом «на трудовом своём посту», над которым «амбре – ну нету сил». Его «свободы сеятель пустынный / Сбирает скудный урожай» на минном поле, где на взрывы давно уже никто не обращает внимания. Трагедия. Точка. Коллапс. Это не хорошо и не плохо. Это, наверное, неизбежно. Время от времени Везувии погрёбают под грудой лавы и пепла, несчастные Помпеи и Атлантиды погружаются на дно океана.

Какие-нибудь десять лет, отделяющих лермонтовского пророка от пушкинского, понадобилось, чтобы загнать его в пустыню мрачную, и целое столетие с лишком, чтобы ему оттуда выйти.

И вот день настал. Он вышел. И встал в очередь за сосисками. Или за водкой. Сограждане его, разумеется, не узнали. И, духовной жаждою томим, глашатай истин вековых высказал согражданам всё, что наболело (вместо каменьев у ближних оказались под рукой другие полезные и нужные вещи). Наступила весна. Прилетели птицы. Растаял снег. Река вышла из берегов – и понесло... И стало мучительно ясно: ни-че-го не из-ме-ни-лось. В пустыне, чахлой и скупой, во глубине сибирских руд, на перепутье, на БАМе и целине, в неосвещённом подъезде – она никогда ему не изменяла. Босоногая девочка в длинной рубахе, в дырявом платке, крестьянка молодая, кнутом битая, мученье и ад, гостя с дудочкой в руке, она была верна ему, как Пенелопа. И за её плечом всегда стоял шестикрылый серафим. Потому что шестикрылые серафимы никогда не покидают Божьих избранников.

В гостинной встреча новых лиц...

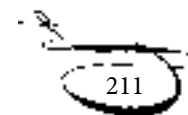
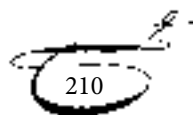

Григорий ПЕВЦОВ

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

*Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты...
А. Блок*

Ты помнишь тот плетень,
Там, на краю дороги,
Сухие комья глины в колесах?
Дорога та ведет за косогорье.
Ну, вспомни – подорожник на камнях.
Мы молча шли, влекомые тоскою
По стороне забытой и родной.
Нам встретился старик – неведомое море
В его глазах и мудрости покой.
Я пристальней взгляделся в паутину
Его морщин – невспаханных полей.
Ты жадно шел вперед...
Тенистый куст лещины нам обещал приют
В шатре своих ветвей.
Нас ждали впереди неведомые села,
Забытых храмов выцветший асбест,
Глаза мальчишек русских и веселых
И издали растущий благовест.
Там кочевали разные народы,
И гордый финн, и вятич, и норманн,
И Спасов лик на знаменах свободы.
Его постиг бездонный Феофан.

* * *

Над Стамбулом рождается звук,
Растекаясь огнем многоцветным.
К синей бездне возносится жар,
Нежно плавит он сердце мое.
Вязь холодных мерцающих звезд умирает...

Забирает с собою он ввысь
Голос тот, что взывает сильнее,
Чтобы будущий день не погас...
И Земля горним эхом дрожит.

* * *

В весенних просторах грачиные замки,
В долинах небесных чернеют их башни...
О, стражи лазури! Как трубы их звонки,
Призывно-победны над тленом вчерашним!

Они возвещают нам первую радость,
Которой цветет глубина мирозданья,
И бездны мгновения горькую сладость,
И ранней весны сокровенную тайну.

Ефим ЗУСЛИН

ОСЕНЬ

Листья солнечного цвета,
В каждом золотой узор,
Снова красит бабье лето,
Акварелью склоны гор.

Чуть ласкает теплотою
Солнце синеву небес,
Зеленеет над скалою
Молчаливый, строгий лес.

То багрянцем полыхает,
То желтеет ярко склон,
Осень красками стекает
И пророчит зимний сон.

Холодом ущелье дышит,
И в закате нет огня.
Тонкой кистью осень пишет,
То, что в сердце у меня.

КОЛОКОЛА

Всё будто умерло сейчас,
И нет добра, и нет тепла,
И не звонят, не будят нас
Колокола, колокола.

Осталась вместо дома дверь,
И даже днём повсюду мгла,
И только в памяти теперь
Колокола, колокола.

И безысходности угар
Сжигает души нам дотла,
И не зовут нас на пожар
Колокола, колокола.

И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Мария ВАГАТОВА

ЯРАСЬ

Выйдет поохотиться Ярась
Или поплывёт на обласке,
Никогда он не ударит в грязь,
Видно, на коротком поводке
Держит он удачу. И всегда
Песни только про неё поёт.
Парень – на все руки, хоть куда:
Рыбу ловит, метко белку бьёт,
Может крепко девушку обнять –
Очи у Ярася, словно ночь...
Сердце я хочу ему отдать,
Сердце у него я взять не прочь.
Но душа его так высока,
Что без крыльев не добраться к ней,
Да и сердце он, наверняка,
Подарил единственной своей...

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ БЕЛОНОГИЙ ОЛЕНЬ

Оленёнок с белыми ногами
Снег сосёт и хрупкий лёд грызёт...
Жил я бедно между бедняками,
Голодал, как мой лесной народ.

Спать ложился – шкуру без шерстинки
Под себя обычно подстилал,
А когда метель в тайге настигнет,
И на голой нарте ночевал.

Я сейчас живу совсем иначе
Жизнью обновлённую, другой:
В доме слышен громкий смех ребячий,
Полон мой лабаз всегда едой.

В сердце – свет и радость молодая,
И давно ушла от нас беда.
Мой народ теперь не голодает,
И оленей множатся стада.

Перевод с хантыйского А.Кердана

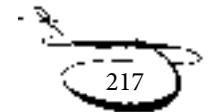
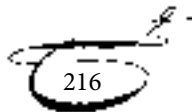
Заал ЭБАНОИДЗЕ

* * *

Ничего не хочу я иного –
Только б слышал я птичье пение.
На старое фото взгляни по-новому –
От тоски не найдешь избавления.

Ничего не хочу я иного –
Только бы не пропало желание
С древним плющом мне бы снова и снова
С веток осин слышать птичье страдание.

Ничего не хочу я иного –
Никто же не спросит, что за потеря.
Просто в пении птичьем мне слышится слово
Мольбы пред закрытой дверью.

ТАЙА

на Мтацминде ярко цветет алыча.
Но ярче улыбка красавицы.
– Как тебе город в весенних лучах?
– Очень, очень мне нравится!
– Но там к тебе парни стайей помчат!
– Бог да поможет мне справиться!
На Мтацминде ярко цветет алыча.
Сожгла мое сердце красавица.

Перевод с грузинского А. Титова

* * *

Хлесткий холодный осенний дождь...
Ой, на веревках белье...
Милый, как ты меня назовешь,
И будет имя мое.
Кто разграничит правду и ложь?
Видимо, точно не я.
Милый, знай – все, что ты мне солжешь,
И будет правда моя.
Радость льет светом из-под ресниц –
Летом или зимой –
В круговороте имен и лиц
Ты для меня – лишь мой.

Авторский перевод с итальянского.

Он между нами жил...

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ ПОЭТА...

В этом году русскому поэту Виктору Михайловичу Корытному исполнилось бы шестьдесят пять. Он не дожил до своего юбилея, сгорел, как сгорают истинные поэты, которые по меткому выражению классика, всегда – свечи, подоженные с двух концов.

Мы познакомились в далёком восьмидесятом, когда я первый раз пришёл на заседание Кустанайского литературного объединения, которым руководил Виктор Михайлович. Прочитав мои стихи, он огорошил вопросом: «Ты сам это написал?» Я обиделся, мол, кто же ещё? И только потом, став старше, возглавляя не одно подобное литобъединение, понял смысл этого вопроса и радость, которую испытываешь, когда вдруг к тебе из ниоткуда приходит тот, кто может стать достойным учеником и продолжателем вечного и святого дела служения Поэзии. С такими «подарками судьбы» на самом деле сталкиваешься не часто, большая часть провинциальных студийцев – так и остаётся на уровне поэтической самодеятельности, а то и вовсе графомании... Конечно, руководителю нужно обладать чутьём, чтобы разглядеть растущее дарование, вовремя поддержать его, при этом, не захваливая и не давая ненужных авансов.

Мы тогда быстро подружились и перешли на «ты». Помню, из всех наших со товарищей по литературному объединению Виктор Михайлович особо выделял рабочего и поэта Юрия Дёмина и меня, в ту пору – старшего лейтенанта, служившего в местном авиаполку. Дёмин и Корытный были ровесниками, старыми товарищами и заядлыми охотниками. Ко мне оба относились, как старшие братья, любили повторять, что у меня в запасе ещё целых десять лет (именно такой возрастной разрыв был между нами), что именно за эти годы мне и удастся пробиться в литературу. Слово «пробиться» было тогда в ходу. Даже публикации в областных газетах и городских давались с трудом, если ты пишешь не о партии Ленина, и не о планах пятилетки...

Из нас троих Виктор Михайлович был в ту пору самым известным. Он уже окончил семинар Андрея Вознесенского в Литературном институте имени М. Горького в Москве. Опубликовался практически во всех толстых журналах, выходивших в СССР,

включая «Охотника и рыбака». Но членом Союза писателей Корытный не был – никак не мог издать отдельную книжку стихотворений. В Казахстане приоритет был отдан изданиям национальных авторов, а с книжкой в Москве, якобы одобренной для печати, тоже дело продвигалось туго. Виктор Михайлович тогда работал главным редактором областного радио, а свободное время отдавал нам – начинающим стихотворцам. Мы горячо обсуждали стихи друг друга, выступали в школах и вузах, ездили с выступлениями по Кустанайской области. С доброй подачи Корытного у многих из нас появились первые подборки в областных газетах...

Через год судьба развела нас: меня перевели служить в Свердловск. Но дружба, хоть и на расстоянии, не утасла. При каждой командировке в Кустанай мы встречались, читали новые стихи. Поддержка Виктора Михайловича в ту пору была бесценной для меня, ищущего свой путь в поэзии. Как-то так сложилось, что пророчество моих кустанайских друзей сбылось: за десять следующих лет мне удалось побывать участником Всероссийских и Всесоюзного совещания молодых писателей, издать в Москве и Перми первые книги, приблизиться к заветной мечте каждого начинающего стихотворца – к вступлению в ряды Союза писателей.

А у Виктора Михайловича с книгой всё ещё не складывалось. А затем наступил 91-й год, когда рухнула наша общая страна, рухнула вместе с ней и вся система книгоиздания. Обрушение основ сказало и на личной жизни многих. Не обошли беды и моего друга. У него распалась семья, он оказался в Кустанае без работы и вынужден был переехать в глухое село на юге Челябинской области, где преподавал русский язык и литературу в сельской школе. Мы изредка, но переписывались. Подборку Виктора я смог опубликовать в книге «Духовной жаждою томим...» и в других коллективных сборниках. Но своих собственных книг, как и своего дома, у Корытного так и не появилось до самого конца. Он несколько последних лет скитался по чужим квартирам. Смерть настигла его неожиданно на одном из полустанков.

И всё же судьба была милостива к Поэту, подарив ему на прощание любовь. Именно усилиями последней любви поэта (имени по ряду причин называть я не стану) появился сайт, где собраны и выложены стихи Виктора Корытного, гулявшие ранее по записным книжкам его друзей и поклонников.

Надеюсь, что со временем нам, ученикам Виктора Михайловича, всё же удастся выпустить его стихотворения отдельной книжкой. Ибо это не только наш человеческий долг, но и высшая справедливость: такие стихи не должны пребывать втуне!

Александр КЕРДАН

СУДЬБА

Не знаю я, когда и где
Я встречу смерть свою.
Не знаю я, какой звезде
Я песнь свою спою.

Душа рванется к небесам,
Как птица, сквозь окно.
Свою судьбу я выбрал сам,
И все, что с ней дано.

Ты не ходи в толпу зевак
Глядеть дыру в окне.
«Он был наивнейший чудак», –
Так скажут обо мне.

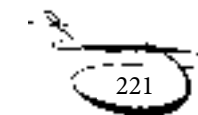
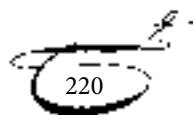
Не осуждай людское зло,
И слов не говори.
Ты посмотри поверх голов,
Ты в небо посмотри!

Там в свете снежных облаков
Прохладою дыша,
Освободившись от оков,
Летит моя душа.

А на земле, как и должно,
Младенца первый крик...
Всем испытать его дано –
И тот, и этот миг.

СЕМИОЗЕРНОЕ

Край мой синий, гладь озерная –
Необъятная глубина.

Я в тебе, Семиозёрное,
Всю Россию читаю до дна.
Вижу я кружева
узорные,
Облаков твоих кружева,
В них все та же семиозёрная
Синева, синева, синева...
Твои степи! Ну, с чем сравнить их!
В моих предках, в моей крови
Они словно бы тысячи нитей
Через сердце мое прошли.
Здесь всего лишь частица России,
Только кто мне ответит всерьез:
Отчего в этой бешеной сини
Мне светло и тревожно до слез?
А весной после первых проталин,
Когда зори под цвет огня,
Я уйду в твои синие дали,
И никто не удержит меня.

ЭЛЕГИЯ

Вот и кончилось лето...
В даль пустынных полей
Отлетая, об этом
Плачет клин журавлей.

Пустота и усталость.
Вызрел колос литой.
Только что-то осталось
За незримой чертой.

Ты еще не пророчишь
Ни потерь, ни тревог,
Только, хочешь-не хочешь,
Надо делать итог,

Докопаться до сути,
Сердцевину найти,
И по каждой минуте,
Что минула - пройти.

Время кануло в Лету,
И ничто не спасёт.
Вот и кончилось лето.
Как кончается всё.

ПЛАЧ ПЕРЕПЕЛКИ

В пойме вечерней, в час предзакатной тиши,
Невыносимо мучает, бьет в перепонки,
Словно отчаянный крик одинокой души –
Плач перепёлки.

Ты затаилась, где голубой астрагал
В бледно-сиреневых зарослях дикого лука.
Плачь, перепёлка, кто никогда не страдал,
Тот не услышит в сердце ответного звука!

Я, как и ты, был когда-то доверчиво слеп,
Словно ребёнок, к солнцу тянулся руками,
И не заметил, как на протянутый хлеб,
Кто-то в ответ положил на ладонь мою камень...

Канули в лету, кончились те времена.
Думал, беды не бывает горше, чем эта.
Плачь, перепёлка! Снова сияет луна,
Благословенна горькая радость поэта!

Радость, что снова можно пойти на луга,
Плакать и звать, и срывать луговые метёлки...
Радость, что снова могу переплавить в стихах
Песню любви – этот горестный плач перепёлки!

РОДНИК

Ручей бежал в сыром овраге
Из небольшого родничка.
Чтобы укрыть его, бумаги
Хватило б малого клочка.

И вот однажды, кем-то с кручи
И на родник, и на ручей
Обрушен был не град из тучи;
Три тонны битых кирпичей!

Исчез ручей... Ушла прохлада...
Не стало больше родника...
Чтобы убить, так мало надо –
Лишь на педаль нажать слегка...

БАБОЧКА

В январе, Бог весть откуда взявшись,
Словно на расцвеченном лугу,
С крыльями, от холода озябшими,
Бабочка сидела на снегу!

Хрупкое творение природы,
Нежное, как розы лепесток,
Выглядело в это время года
Принявшим распятие Христом.

Было в нашем грубом мироздании,
Где зимой морозно и темно,
Это эфемерное создание
Словно кем-то свыше нам дано.

Что бы это значило – не знаю!
Объяснить никак я не могу.

Днем морозным в центре Кустаная
Бабочка сидела на снегу.

ЧЕРТОПОЛОХ

Его ботинками пинали.
Ломали, корчевали, жгли.
А он, назло чужой морали,
Все лез и лез из-под земли.

И в день сентябрьского лета
На перекрестке двух дорог,
Последним солнышком согретый,
Расцвел цветок чертополох!

Среди кусков оплывшей глины
И бурой выжженной травы –
Он был единственный – единый,
Высокий, гордый, невредимый
С венцом цветущей головы!

Летели мимо самосвалы,
Фургоны, в клеточках такси,
А он стоял пурпурно-алый,
И впрямь диковинно красив!

Прощал все беды и обиды,
Людской жестокости следы...
Да, этот день ему был выдан
За все страданья и труды!

ТЫ ПРИСНИЛАСЬ МНЕ...

Ты приснилась мне обнаженная...
Обнаженная дотла!

ЖЕНЩИНА В АВГУСТЕ

Есть женщина в поре цветенья,
Как рожь за гранью полевой.
И золотистое свечение
Пыльцы у ней над головой.

Давно прочитаны страницы
И завоеваны призы...
Но подведенные ресницы
Легки, как крылья стрекозы.

Она в автобусе без места
Стоит – на поручне рука...
Неотразима, как невеста,
И одинокая слегка.

САРДААНА

Знаю, что грешником был,
Но соответственно сану,
Самозабвенно любил
Древний цветок Сардаану.

В недрах кембрийских болот,
Или в песках Согдианы –
Пол-лепестка Сардааны
В пробе глубинной блеснёт.

Темная память крови
Светлую радость разбудит:
Как вам жилось без любви,
Четвероногие люди?

В физике я не силён,
И за упрек не взыскую,

Лишь обреченно тоскую,
Чувствуя Нью-Вавилон.

Но, как спасения знак,
В полураспаде урана
Тянется сквозь саркофаг
Древний цветок Сардаана.

ФАРЫ ДАЛЬНОГО СВЕТА

Если Вам плохо и одиноко, –
В жизни такое бывает нередко –
Вспомните, как по весне мимо окон
К свету тянулась яблони ветка

Мы на весах мировой катастрофы.
Наша любовь не крупнее пылинки
Бойтесь не смерти ее – атрофии,
Сделайте малое чувство великим!

Сердце в груди – как фонарь Диогена,
Тихо трепещет, живое и робкое.
И пробираются мудрые гены
К сердцу любимого тайными тропками.

Ты в красоту, как в одежды, одета,
Рядом лежишь и от счастья не дышишь.
Это в ночи фары дальнего света
К нам снизошли откровением свыше!

Яблони ветку ветром качало
Радость перетекала в мученье...
Наша любовь не имела начала.
Жизнь без неё не имеет значения!

ПАМЯТЬ ЗАБЫТОГО ДОМА

Возвращаюсь опять в этот дом,
Что ночами мне снится,
Где на лунных дорожках
Серебрится задумчивый сад
Как в родные гнездовья
Возвращаются вольные птицы,
Так и я возвращаюсь назад.

Эта древняя память
Меня призывает и манит
От асфальта проспектов
И высот городских этажей.
Деревенские окна
Призывно заблещут в тумане,
И великая смута
Проснется в забытой душе...

Словно с поезда мне
На исходе зеленого лета
Замаячит вдали
и куда-то исчезнет потом
по каким-то своим,
одному мне известным приметам,
узнаю я его,
мой печальный бревенчатый дом.

И от памяти этой
Никуда уже больше не деться...
деревенский мой дом,
от дождя потемневший плетень...
потому что я - русский,
потому что я родом - из детства,
потому что в душе
все мы родом из тех деревень!

Когда порой воспоминанье...

Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ

ВЕРНОСТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

О Валентине Сорокине, его жизни и творчестве, написаны книги, десятки, если не сотни статей, и все равно о нём ещё не всё сказано. Скорее всего, этим очерком я мало что добавлю к тому, что о нём уже рассказано. И все же рискну сказать своё, собственное слово.

С ним мы познакомились весной шестьдесят четвёртого. Тогда я работал в редакции заводской газеты «Челябинский металлург». Только что вышел в свет четвёртый сборник его стихов «Ручное солнце». Небольшая книжечка, изданная «Молодой гвардией», в целом понравилась мне, но я нашел в ней и ряд погрешностей. В некоторых стихах перекликаются мотивы, повторяются одни и те же лирические обороты. С карандашом в руках я прошёлся по страницам сборника, подчеркнул всё, что мне показалось неуместным, и по горячим следам написал рецензию для заводской газеты. Она нужна была мне для того, чтобы я представил её в числе других газетных материалов, разных по жанру – очерков, корреспонденций, зарисовок, критических статей – для сдачи курсовой работы. Тогда я заочно учился на первом курсе факультета журналистики Уральского университета. Моя рецензия лежала на столе редактора Алексея Ивановича Костерина.

Надо было тому случиться, что именно в это время к нам в редакцию зашёл автор сборника Валентин Сорокин, приехавший из Москвы в Челябинск буквально на несколько дней, чтобы повидать своих родителей. Редактор тепло принял его, угостил чаем, а потом показал мою рецензию на его сборник и познакомил с автором этой рецензии. Признаться, я засмутился, подумал, что сейчас поэт, не согласившись с моими замечаниями, отвергнет их, скажет, что автор ни черта не смыслит в поэзии. Однако, быстро прочитав рецензию, Валентин лишь улыбнулся и заметил мне:

– Молодец! Толковые замечания, в будущем мне пригодятся.

Чего-чего, а такого вот доброжелательного отношения к автору критической рецензии со стороны рецензируемого я никак не ожидал. Так мы познакомились с Валентином Сорокиным. Мы как-то сразу понравились друг другу. В это время я посещал занятия литобъединения «Металлург», ощущал буквально дружеское отношение со стороны почти всех заводских поэтов и прозаиков к нашему старшему товарищу по литцеху. Особенно в близких отношениях они были с Вячеславом Богдановым. Мне кажется, они по-мужски любили друг друга. Вот эти настоящие творческие и дружеские отношения я ценил в них и к обоим относился с благоговением.

Спустя год Валентин прислал к нам в редакцию свою новую поэму «Здравствуй, время!» Мы с Александром Куницыным, прочитав её, поразились храбрости и смелости автора, как он эзоповским языком показывал социальное неравенство в стране, установившееся между партийными и советскими боссами и простыми тружениками. Навсегда запали в мою память строки из этой поэмы:

«Начальству дачи,
А нам – шиши».

Или резко негативное отношение к тому, как мы прикармливали страны третьего мира, чтобы они поддерживали нашу политику. Вот еще один фрагмент из этой поэмы:

С чего же обиделся Мао –
Не шибко поймешь из газет.
Кормили, наверное, мало,
С того и обиделся дед.

Наш редактор, прочитав поэму, озадаченно почесал затылок:

- Если мы напечатаем ее, мне врежут по первое число. По партийной линии.
- Да вы что, Алексей Иванович, вон Александр Твардовский в своей поэме «Теркин на том свете» гораздо хлеще критикует партноменклатуру, и ничего, его терпят.
- Так то Твардовский, его знает вся страна, а кто знает нашего Валентина?
- Но если мы не станем печатать такие вещи, тогда вообще никто не будет знать его! – горячо убеждали мы. Редактор под нашим горячим и искренним напором сдался. Поэму напечатали в двух номерах. Мы унесли десятки экземпляров в литобъединение, она пошла по рукам, заводские литераторы читали её буквально взахлеб.
- А потом в редакцию позвонили из первого (читай, особого) отдела завода.
- Звонит Ефимов, начальник первого отдела, – представился он. – У вас есть номера с поэмой Валентина Сорокина «Здравствуй, время!»?

- Есть, конечно, – ответил я искренне.
- Принесите мне все экземпляры с этой поэмой, – попросил он тоном, не терпящим возражений.

Вот тут-то я догадался, что нас ждут неприятности.

- Но почти весь тираж разошёлся по подписчикам, цехам и отделам завода.
- Принесите то, что осталось.

На всякий случай, я припрятал половину оставшихся газет, а номеров 12–16 завернул в бумагу и понёс в заводоуправление.

– Спасибо, – доброжелательно поблагодарил Ефимов, спокойный коренастый мужчина с полным русским лицом.

- Когда придти за ними?
- Я вам позвоню.

Но Ефимов не позвонил в редакцию. Вместо его звонка нашего редактора вызвали в горком партии, на заседание идеологической комиссии, и так всыпали ему по первое число, что он вернулся в редакцию взволнованный и, можно сказать, гневный.

- Сопляки! Подставили меня, я ни за что получил сегодня выговор по партийной линии. Это первое мое партийное взыскание. Больше никогда не стану вас слушать...
- Алексей Иванович! Не переживайте так. Пройдёт время, и вы ещё станете гордиться тем, что мы первыми опубликовали эту поэму.

И действительно, прошло более сорока лет, когда Валентин Васильевич, при нашей встрече (в которой участвовали автор этих строк и редактор газеты «Танкоград» Сергей Алабжин) у двоюродного брата Вячеслава Богданова – Виктора Сошина, вспомнил об этой поэме.

- А слабо, ребята, опубликовать эту поэму в вашей газете «Танкоград!»?
- Сергей Алабжин ответил откровенно:

– А почему бы нет?

Так, спустя десятки лет, поэма снова вернулась к читателю. Сначала её опубликовал «Танкоград», затем напечатали мы в альманахе «Южный Урал» за 2008 год и в однотомнике избранных произведений уральских авторов «В железной реальности века» с моим предисловием. А в 2010 году Валентин прислал нам сборник стихов и поэм «Здравствуй, время!», в которую впервые включил свою поэму – без всяких купюр и с моим предисловием.

Вот так складывались наши творческие отношения с Валентином, вот так закалялась наша дружба. Должен сказать, это редкий случай, когда за 45 лет нашей дружбы мы ни разу не поссорились, не сказали друг другу ни одного худого слова. Но при этом были предельно откровенны и с уважением относились друг к другу.

Несколько лет назад Валентин попросил меня быть редактором его первого

сборника басен. Он только ещё начинал их писать и очень хотел, чтобы первый сборник вышел на его родине, с помощью его друзей – Сергея Алабжина и меня. Я дал согласие. Но когда внимательно прочитал рукопись, наткнулся на три басни, в которых автор едко прошёлся по историческим личностям – Карлу Марксу, Ленину и Феликсу Дзержинскому, к которым лично я отношусь свято. Я позвонил ему и предложил выпустить сборник без указания редактора.

– Почему? – недоуменно спросил Сорокин.

Я объяснил причину.

– Но при чём тут ты? Автор-то басен я, с меня и спрос.

– Если в сборнике останется моё имя, мои товарищи по партии (я до сих пор состою в Компартии Российской Федерации и никогда из нее не выйду) станут плевать мне в лицо.

Валентин пообещал подумать.

Спустя несколько дней прислал три новых басни, а эти предложил убрать. Вот так мы сохранили прекрасные дружеские отношения.

Он и сам всегда дорожил дружбой, но при этом был бескомпромиссен. Хорошо запомнился такой эпизод. Это произошло в марте 1969 года, на III Всесоюзном съезде молодых писателей в Москве. Одним из поэтических семинаров руководил наш земляк Борис Ручьёв. Валентин относился к нему свято, глубоко ценил и уважал его поэзию. А тут приехал в нашу гостиницу и, встретившись с Ручьёвым, запальчиво обвинил его:

– Как вы могли такое, Борис Александрович?

– В чем дело? – недоуменно спросил патриарх уральской поэзии.

– Подписать пасквильную статью, в которой обливают грязью настоящего русского патриота, талантливого поэта Ивана Лыцова. Да вы знаете, Борис Александрович, как он бесстрашно воюет здесь, в Москве, с литературной мафией, для которой нет ничего святого?

– Ты что имеешь в виду?

– Интересы России, судьбу нынешней русской поэзии!

И Сорокин показал Ручьёву статью Ивана Лыцова, опубликованную в «Московской правде», на которую обрушились чванливые литературные чиновники, обвиняя Лыцова во всех смертных грехах, в том числе и в пресловутом национализме. Борис Александрович внимательно прочитал лыццовскую публикацию и откровенно признался:

– Валя, даю тебе слово, я ничего об этом не ведал. Я не читал статью Лыцова ничего не знал о нём. А статью для «Литгазеты» с просьбой подписаться под ней мне подсунили здесь, во время совещания. Что делать?

– Надо исправлять положение. Напишите письмо в редакцию «Литгазеты» и скажите всё, как было.

Думаю, такому маститому мастеру русской поэзии, каковым является Б.А. Ручьёв, нелегко было принять такое решение. Но, к его чести, он написал письмо и отнёс его в «Литгазету». Та вынуждена была опубликовать его. Справедливость, благодаря Валентину Сорокину и порядочности Бориса Ручьёва, восторжествовала!

Я прекрасно понимаю, что у поэтов надо, прежде всего, учиться их мастерству, тонкости чувств и умению выражать их в своих произведениях. Но не менее важны уроки их честности, бескомпромиссности и доброты.

За четыре с половиной десятка лет я постоянно учился благородству своих старших товарищей, их уважительному отношению друг к другу. Одной из первых книг, написанных в прозе, у Валентина Сорокина стал сборник «Благодарение». Я до сих пор бережно храню его на своей книжной полке. Это исповеди души поэта, объяснение в любви и глубоком уважении к таким столпам поэзии, какими являются Сергей Есенин, Павел Васильев, Борис Корнилов, Василий Федоров, Борис Ручьёв, Людмила Татьяничева, Михаил Львов. О каждом из этих мастеров поэтического цеха автор нашёл те сокровенные слова, которые мог сказать только он, Валентин Сорокин, истинный поклонник их творчества. Этому благородству можно лишь позавидовать белой завистью. Да и само название сборника «Благодарение» – чисто русское, священное – украшает и книгу, и вызывает уважение к её автору.

Я написал этот очерк потому, что хочу публично признаться в любви к одухотворенной русской поэзии Валентина Сорокина и к самому автору. Мне крупно повезло познакомиться с ним в середине 60-х прошлого века, крепко по-настоящему подружиться. Эту дружбу я сохранил в своей душе и в сердце до сих пор. Надеюсь, пронесу её до самого последнего дня своей жизни.

И шутка с желчью попалим...

Сергей САЛДАЕВ

ПАРОДИИ

*«Как в тот далекий день и год,
Охота сердцу нового:
Ко мне поэзия придет –
От корня лопухового...»
Галина Грибанова*

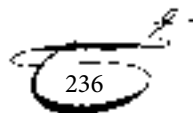
Наступит день, наступит год,
Нет ничего особого.
Во мне поэма прорастет –
Из корня из хренового.

Вот так жила б, не день, не год,
Томила в безызвестности –
Спасибо, друг мой – огород,
Большой салат словесности!

* * *

*«Скрипит зубами юная весна,
Во сне стараюсь повернуться на бок.
И лед в реке – набухшая десна –
Со дна лыжню просвечивает слабо.»
Вера Арнольд*

Зудит пульпит, и юная весна
Расковыряла дырку зуба так умело,

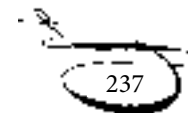
Что девушка-красавица десна
Набухла, покраснелась, очумела.

Весна и зубы! Стоматолог-май
Измучился то с пломбой, то с коронкой.
Ты мне скорее лето подавай,
Я бормашину обойду стороной.

* * *

*«Погода опять ни на что не похожа –
То дождь, то пороша,
То дождь то пороша.
Из дома не выйти,
И воображенье
Рисует мне тени,
Туманные тени.
Там люди, не глядя на дождь и на вьюгу,
Всё ходят по кругу,
Всё ходят по кругу».
Максим Кольцов*

Хочу написать я вам стихотворенье,
Но вот невезенье,
опять невезенье:
Сижусь сутки дома,
И воображенье
Диктует мне феню,
Отборную феню.
Я в темном окне наблюдаю ворюгу –
Он ходит по кругу,
Всё ходит по кругу...

Друзья, прекрасен наш союз!

(хроника Ассоциации писателей Урала)

6 ноября 2011 года в Магнитогорске состоялась XII конференция Ассоциации писателей Урала. С докладом «Будущее отечественной литературы: упадок или восхождение» выступила доцент Н.А. Ягодинцева (Челябинск). В работе конференции приняли участие Глава города Магнитогорска Е.Тэфтелев, заместитель Министра культуры Челябинской области В. Харюшин, первый секретарь Союза писателей России Г. Иванов. Конференция утвердила план работы на 2012 год. В коллективные члены АСПУр была принята Новосибирская областная организация Союза писателей России (председатель Шалин А.Б.).

6 ноября 2011 года в оперном театре Магнитогорска состоялась церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Лауреатами премии стали Н. Воронов (Москва), К. Гочаг-оглы (Пыть-Ях ХМАО), С.Козлов (Ханты-Мансийск), З.Прокопьева (Челябинск), В.Гриценко и В.Калинин (Надым ЯНАО), В. Якушев (Пермь).

25 февраля 2012 года в резиденции полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе прошла торжественная церемония вручения литературной премии УрФО. На конкурс поступило 60 работ из России, Украины, Белоруссии, Азербайджана и Израиля. Жюри премии в составе известных писателей, критиков и филологов: Арсена Титова и Леонида Быкова (Екатеринбург), Дмитрия Мизгулина (Ханты-Мансийск), Лолы Звонаревой и Александра Казинцева (Москва), Салима Фатыхова (Челябинск), Натальи Дворцовой (Тюмень), под председательством Сергея Сметанюка отобрало 20 лучших произведений, составивших короткий список премии.

Награды первым лауреатам: дипломы, нагрудные знаки и денежные премии вручил заместитель полпреда Сергей Сметанюк. Победителями стали: в номинации «Проза» – Козлов Сергей Сергеевич за роман «Репетиция Апокалипсиса (Ненеция была помилована)» (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра); в номинации «Поэзия» – Кердан Александр Борисович за книгу избранных стихотворений: «Новый век» (Свердловская область); в номинации «Литература для детей и юношества»

– Крапивин Владислав Петрович за вклад в развитие литературы для детей и юношества (Тюменская область); в номинации «Документальная проза и краеведение» – Омельчук Анатолий Константинович за книгу документальной прозы «Сибирская книга» (Тюменская область); в номинации «Литературная критика» – Расторгуев Андрей Петрович и Ягодинцева Нина Александровна за электронную книгу критических статей «Жажда речи» (Свердловская область – Челябинская область).

Были вручены награды в специальных номинациях: за «Верность истокам» – Трахимёнок Сергей Александрович за роман «Чаша Петри или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Республика Беларусь) и Мачулин Леонид Иванович за цикл очерков «В поисках своей реки» (Республика Украина). Диплом лауреата в специальной номинации «Поэзия духа» получил протоиерей Алексей Зайцев за книгу стихов «Троицын день» (Челябинская область).

4 мая 2012 года состоялась вторая церемония вручения Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева (соучредители – АСПУр, Уральское отделение Литфонда РФ, дочь поэта Е.В. Григорьева). Лауреатами премии стали Г.А Попов (Орёл), А.Ю. Шалобаев (г. Каменск-Уральский Свердловской области). В церемонии вручения премии принял участие Главный федеральный инспектор по Свердловской области Я.П. Силин.

На Доме писателей Екатеринбургa открыта мемориальная доска поэту-фронтовику В.Т. Станцеву.

Январь – ноябрь 2012 года в издательстве «АСПУр» вышли в свет восемь книг, продолжена публикация книг из серии «Библиотека семейного чтения» (автор проекта А.Б. Кердан, члены редколлегии А.Ф. Бадаев, А.Б. Титов, С.В. Шангина, В.К. Литовская), вышла новая книга в серии «На разных языках».

Январь – ноябрь 2012 года вышли в свет три очередных номера газеты-журнала «Большая медведица» и одиннадцатый номер литературно-художественного альманаха «Чаша круговая».

5-6 ноября 2012 года в Оренбурге состоялись XIII конференция АСПУр и церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

ОБ АВТОРАХ

Марина АЛЕКСАНДРОВА. Член Союза российских писателей, заместитель председателя Содружества писателей Нижневартовска. Автор двух поэтических книг.

Мария АНЦУПОВА. Родилась и живёт в Москве. Учится в школе. Автор поэтического сборника «Семь часов утра». В альманахе «Чаша круговая публикуется впервые».

Багатер АРАБУЛИ. Родился в 1951 году, автор 12 книг стихов, очерков, переводов. Переведен на многие языки мира, лауреат Международной литературной премии имени В. Маяковского. Заместитель председателя Союза писателей Грузии и главный редактор журнала «Нобати». Живет в Тбилиси.

Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ. Родился в рабочем посёлке Лаишево Татарской АССР. Лауреат областной комсомольской премии «Орлёнок», всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Обладатель гран-при Всесоюзного фестиваля телевизионных молодёжных программ (1977), премии редакции «Советской России» за 2005 год. Автор многих книг прозы и публицистики. Руководитель писательской организации Челябинской области. Живёт в Челябинске.

Сергей БУЗМАКОВ. Родился в 1964 году в селе Берёзово Тюменцевского района Алтайского края. Окончил исторический факультет Барнаульского педагогического института. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, нескольких журналистских конкурсов и краевой литературной премии «Певцу родного края». Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

Мария ВАГАТОВА. Родилась в 1936 году в деревне Юильск Тюменской области. Член Союза писателей России. Автор более 10 книг стихов и сказок на хантыйском и русском языках. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Почетный гражданин ХМАО-Югры. Живет в Ханты-Мансийске.

Сергей ВАСИЛЬЧЕНКО. Родился в 1988 году в Орске. В 2010 году окончил отделение журналистики Оренбургского государственного педагогического университета. Работает в газете «Оренбургская неделя». Рассказы начал писать в 2005 году. До этого его стихи публиковались в московском альманахе «Дыхание земли». Публиковался в альманахах «Башня» и «Каменский семинар-2». В 2008 году принял участие в фестивале молодых писателей в Тобольске. В 2009 году по результатам молодежного

семинара-совещания «Мы выросли в России!» (Оренбург) получил право на издание книжки рассказов под названием «Падение» в серии «Новые имена». В 2010 году принял участие в 7-м Международном совещании юных и молодых литературных дарований, проходившем в Литинституте (Москва). Участник Всероссийского совещания молодых писателей в Каменске-Уральском (2011).

Владимир ВОЛКОВЕЦ. Родился в 1953 году в почелке Чур Удмуртской АССР. Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Югорске ХМАО.

Федор ВОСТРИКОВ. Родился в 1942 году в Самарской области. Автор 18 поэтических сборников. Много лет руководит литературным объединением «Тропа». Лауреат нескольких областных литературных премий. Награжден юбилейной Пушкинской медалью. Живет в Перми.

Анатолий ГАГАРИН. Родился в 1958 году. Доктор философских наук. Работает ведущим научным сотрудником Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, преподает философскую антропологию на философском факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Возглавляет Институт системных политических исследований и гуманитарных проектов. Автор нескольких поэтических сборников и сценариев для документального и игрового кино. Живёт в Екатеринбурге.

Анатолий ГРЕБНЕВ. Родился в селе Чистополье Кировской области в 1941 году. Живёт в Перми. Член Союза писателей России. Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Всероссийских литературных премий им. А. Фета, Н. Заболоцкого, А. Решетова, «Имперская культура».

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ. Живёт в Тюмени. Работает врачом в санатории. Член Союза писателей России. Президент Тюменской Ассоциации литераторов. Автор двух поэтических книг. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Валерия ДАНОВА. Родилась в 1990 году в Мурманске. Учится на факультете иностранных языков Оренбургского педагогического университета. Автор книги стихов «Черное и белое». Участница Международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском. Член литературного объединения молодых писателей Оренбуржья.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ. Родилась в Омске. Окончила Омский техникум советской торговли, Московский коммерческий институт, юридический факультет МЭСИ. Секретарь правления Союза писателей России, прелседатель правления Омской организации СПР. Член-корреспондент «Академии поэзии». Автор четырех поэтических книг.

Анастасия ЖУКОВА. Живет в Ханты-Мансийске, учится в Югорском университете. Стихи публиковались в периодической печати. Участник международного сощания молодых писателей в Каменске-Уральском в 2011 году.

Елена ЖУРОВА. Родилась и живёт в городе Горнозаводске Пермского края. Окончила факультет журналистики Пермского государственного университета. Работает библиотекарем. Участница Всероссийского совещания молодых писателей в Каменске-Уральском в 2007 году. Стихи публиковались в периодических изданиях.

Виктор ЗАЙЦЕВ. Живёт в Тюмени. Почетный полярник СССР. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Ефим ЗУСЛИН. Родился в 1947 году. Живёт в городе Алматы, в течение последних 25 лет работал директором профессионального лицея №7, историк по образованию. Автор четырёх книг поэзии. Член Международного сообщества писательских союзов, лауреат литературной премии имени Константина Симонова, лауреат Второго Международного литературного Фестиваля памяти Юрия Дружника «Русские мифы», лауреат XI Артиады народов России.

Герман ИВАНОВ. Родился в 1940 году в городе Ревде Свердловской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. Работал главным редактором журнала «Уральский следопыт». Автор нескольких поэтических книг. Лауреат литературной премии имени П.П. Бажова. Член Союза писателей России. Живет в Екатеринбурге.

Инна ИГНАТКОВА. Родилась в 1985 году во Владивостоке. Окончила факультет журналистики Оренбургского государственного университета. Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2003), областных литературных конкурсов имени Аксакова и «Оренбургский край – XXI век» (2006), литературной премии П.И. Рычкова (2009). Автор трёх поэтических сборников и книги прозы. Участник Всероссийских семинаров-совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском (2007) и Сургуте (2009). Член Союза российских писателей.

Александр КЕРДАН. Родился в 1957 году в Коркино Челябинской области. Со-председатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала, автор 40 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

Ирина КИЯШКО. Родилась в Магнитогорске. Занималась в литературном объединении Нины Кондратовской. Публиковалась в журнале «Юность» и стала лауреатом по итогам этой публикации. Работает главным редактором независимой Соликамской телекомпании «Феникс». Автор поэтического сборника и поэтического аудиодиска. Член Союза журналистов России. Живёт в г. Березники Пермского края.

Людмила КЛОЧКО. Родилась и живёт в Минске (Республика Беларусь). Учится в школе. Стихи публикует впервые.

Виктор КОЗЛОВ. Родился в 1937 году. Работал в нефтяной промышленности. Член Союза писателей России. Автор многих стихотворных сборников и книг прозы. Лауреат многих литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Ханты-Мансийском автономном округе.

Александр КОЗЛОВСКИЙ. Родился в 1967 году в Тюмени. Окончил Тюменский индустриальный институт и Тюменский юридический институт МВД РФ. Печатался в альманахе «Врата Сибири», «Литературной России», «Тюмень Литературная», коллективных сборниках. Автор двух прозаических и одной поэтической книг. Член Союза писателей России. Живет в Сургуте ХМАО.

Владимир КОРОВИН. Автор двух сборников стихов и книги прозы. Публикуется в литературных альманахах и периодической печати. Живет в Озерске Челябинской области.

Виктор КОРЫТНЫЙ. Родился в 1947 году. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. Работал главным редактором Кустанайского областного радио, преподавал русский язык и литературу в сельской школе. Стихи публиковались в литературно-художественных журналах СССР, России и Казахстана. Умер в 2009 году.

Елена КУВШИНОВА. Живёт в городе Исилькуль Омской области. Работает учителем русского языка в школе. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Элла ЛЯКИШЕВА. Живет в поселке Белоярском ХМАО-Югры. По профессии филолог. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Любовь МИЛЯЕВА. Живёт в Ханты-Мансийске. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Дмитрий МИЗГУЛИН. Родился в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. М. Горького в 1993 году. Член СП России. Академик Петровской академии наук и искусств. Печатался в журналах «Звезда», «Молодая гвардия», «Наш современник» и др. Лауреат многих литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Автор нескольких поэтических книг. Живет в городе Ханты-Мансийске.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ. Родился в 1955 году в Хмельнике Винницкой области. Член Союза писателей России. Автор нескольких краеведческих книг и прозы. Живет в Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и премии губернатора ХМАО-Югры.

Вячеслав МОИСЕЕВ. Родился в 1962 году в Оренбурге, окончил факультет иностранных языков Оренбургского пединститута, служил в армии, работал пресс-секретарем губернатора области, главным редактором областных газет. Сейчас руководит газетой «Оренбургская неделя». Автор трех сборников стихов и переводов, нескольких книг документальной прозы и сказок. Член Союза российских писателей. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, Открытого Евразийского конкурса переводчиков и литературной премии имени П.И. Рычкова. Живет в Оренбурге.

Виталий МОЛЧАНОВ. Родился в 1967 году. Автор книги стихов «Я не умею на бумаге врать». Лауреат Международных литературных фестивалей и конкурсов. Стихи публиковались во многих антологиях и альманахах. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, член Союза писателей XXI века. Живет в Оренбурге.

Владимир МОРОЗОВ. Родился в 1953 году в селе Кырчаны Нолинского района Кировской области. Член Союза писателей России, председатель Кировской областной писательской организации. Автор 25 книг прозы. Лауреат международного кон-

курса имени А.Толстого, премии имени Л. Дьянова, имени А.Филева, Н.Заболоцкого и др. Живёт в Кирове.

Екатерина НАГОВИЦЫНА. Родилась на Среднем Урале. Майор. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Награждена орденом Мужества. Служит в Екатеринбургском СОБРе. Прозу в альманахе «Чаша круговая» публикует впервые. Живет в Екатеринбурге.

Александр ПАПЧЕНКО. Родился в 1960 году в городе Ямполь Сумской области Украины. Служил в армии, окончил Ростовский-на-Дону кинотехникум, работал на Свердловской телестудии кинооператором. Автор нескольких книг прозы для детей и юношества. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза российских писателей. Живёт в Екатеринбурге.

Григорий ПЕВЦОВ. Родился в 1959 году в Москве. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор нескольких поэтических книг. Победитель международного конкурса «Литературная Вена – 2008» (Гран-при в номинации «Поэзия»). Переводчик французской и английской поэзии. Член Союза писателей Москвы.

Александр ПОПОВСКИЙ. Член СП России, автор трех книг стихов. Живет в городе Коркино Челябинской области.

Анастасия ПОРОШИНА. Родилась и живет в Челябинске. Кандидат филологических наук. Участник нескольких Всероссийских совещаний молодых писателей. Автор нескольких сборников стихов и критики. Член Союза писателей России.

Оксана РАЛКОВА. Живёт в Челябинске. Студентка Челябинской государственной академии культуры и искусства. Занимается в Литературной мастерской Н.А. Ягодинцевой. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Татьяна РЕШКЕ. Родилась и живёт в Новосибирске. Стихи в альманахе «Чаша круговая» публикует впервые.

Ирина РЯБИЙ. Кандидат филологических наук, доцент. Член Союза писателей России. Несколько лет возглавляет Ханты-Мансийскую окружную писательскую организацию. Автор нескольких книг стихов. Живёт в Ханты-Мансийске.

Татьяна СЕРГЕЕВА. Родилась и живёт в городе Березники Пермского края. Ра-

ботаает журналисткой в городской газете. Стихи в альманахе «Чаша круговая» публикует впервые.

Юрий СМИРНОВ. Родился в 1955 году в деревне Красное Пермской области. Служил в Советской армии. Воевал в Афганистане. Награждён медалью «За Отвагу». Автор трёх поэтических сборников. Живёт в городе Березники Пермского края.

Сергей САЛДАЕВ. Родился в 1963 году в Оренбурге. Историческое образование получил в Оренбургском педагогическом институте, музейное – в Санкт-Петербургском институте культуры. Работает заведующим отдела Великой Отечественной войны Оренбургского областного историко-краеведческого музея (выставочный комплекс «Салют, Победа!»). Стихотворные пародии на оренбургских, московских, тольяттинских, пермских поэтов публиковались в оренбургской прессе, в литературном альманахе «Башня». Автор двух книг пародий. Член Союза российских писателей. Живет в Оренбурге.

Арсен ТИТОВ. Родился в 1948 году в Бирском районе Башкирской АССР. Сопредседатель Союза российских писателей. Автор 13 книг прозы. Дважды лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат Всероссийских премий им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и Генералиссимуса А.В. Суворова. Председатель Екатеринбургского отделения СРП. Живёт в Екатеринбурге.

Анатолий ШАЛИН. Родился в 1952 году. Закончил химический факультет Новосибирского государственного университета. Работал в НИИ Сибирского отделения АН СССР и в Новосибирском книжном издательстве. Публиковался в периодике и различных сборниках, автор фантастических книг. Председатель Новосибирской областной организации Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Александр ШАЛОБАЕВ. Родился в 1962 году в Каменске-Уральском. Работает заместителем начальника городского управления культуры. Член Союза писателей России. Участник боевых действий в Республике Афганистан. Имеет награды. Автор двух книг стихов. Публиковался во многих журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Лана ШАНГИНА. Родилась и живет в городе Реж Свердловской области. Автор нескольких поэтических книг, переводчик с итальянского и на итальянский язык. Член Союза Российских писателей.

Заал ЭБАНОИДЗЕ. Родился в 1939. Автор 20 стихотворных сборников, лауреат литературных премий имени Галактиона Табидзе и Ладоса Асатиани. Многие годы был заведующим отделом поэзии журнала «Гантиади». Живет в Тбилиси.

Нина ЯГОДИНЦЕВА. Родилась в 1962 году. Кандидат культурологии, доцент. Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. П.П. Бажова, Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Челябинске.

Роман ЯПИШИН. Живёт в Челябинске. Студент Челябинской государственной академии культуры и искусства. Занимается в Литературной мастерской Н.А. Ягодинцевой. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

ЧАША КРУГОВАЯ

Литературно-художественный альманах
№ 11

Редакторы-составители:
Кердан Александр Борисович
Титов Арсен Борисович
Коняев Николай Иванович

В оформлении использована графика Ю. Филоненко

Компьютерная верстка С.В. Шангиной

Издательство «АсПУр»
620158, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 15.07.2011 г. Подписано в печать 29.08.2011 г. Формат 60 x 84 1/16
Бумага ВХИ-80. Печать офсетная. Гарнитура Baltica.
Тираж 500 экз. Заказ 5453.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22
Тел.: (34364) 2-15-32, 2-25-03